

84Р6

Н 48

Андрей Некрасов

МОРСКИЕ САПОГИ

ДЕТГИЗ · 1961

Андрей Жекрасов

МОРСКИЕ САПОГИ

РАССКАЗЫ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1961

Рисунки Л. Фалина

Обложка А. Тамбовкина

О Т А В Т О Р А

Тридцать лет назад я впервые увидел Тихий океан.

Матросом, кочегаром, рыбаком и ловцом морского зверя обошёл я всё побережье от Чукотки до Посъета, а два года спустя, молодым штурманом, в тех же краях мне пришлось водить корабли по Охотскому морю.

Много интересного повидал я за эти годы, и кое-что из того, что пришлось пережить и увидеть, я, как сумел, записал в своих рассказах.

Из этих рассказов в 1935 году собралась моя первая книжка — «Морские сапоги». Её тогда охотно читали ребята.

С тех пор прошло много лет. Мои первые читатели выросли. Многие из них стали хорошими моряками. А книжку давно зачитали до дыр, забыли, и найти её в библиотеке сейчас трудно.

Недавно мне в руки попала эта книжка. Я полистал её, вспомнил, и мне подумалось, что сегодняшние наши ребята тоже, наверное, с интересом прочтут эти рассказы.

Правда, многое изменилось на Дальнем Востоке. Могучие промысловые и транспортные корабли под красным советским

флигом боролся сегодня воды Тихого океана. И люди там живут другие, и техника другая пришла в Приморье, и жизнь там стала другая. Но почему бы, подумалось мне, нашим ребятам не узнать о том, как тридцать лет назад жили и трудились их деды на Дальнем Востоке? Ведь эти люди из забытого, истерзанного гражданской войной и интервенцией края голыми руками создавали то, чем сегодня стал наш советский Дальний Восток.

В новом издании я почти не исправлял эти рассказы. Изменил только некоторые собственные имена и добавил несколько рассказов, которые написал, когда книжка в первом издании уже вышла в свет.

А. Некрасов

МОРСКИЕ САПОГИ

К вечеру отец вернулся из города. Он привязал лодку, поднялся на пристань, почерневшую от времени, и, уверенно ступая, зашагал по берегу. Одной рукой он придерживал на плече вёсла и багор, в другой — нёс большой узел, завязанный в новый пёстрый платок.

— Пап, чего привёз? — крикнул Гришка, выбегая навстречу.

Отец промолчал. Тогда, впереди отца, пританцовывая и оглядываясь на каждом шагу, Гришка помчался к дому.

У крыльца отец поставил вёсла, потопал, сбивая песчинки, прилипшие к ногам, и не спеша вошёл в дверь. Потом так же неторопливо он положил узел на лавку, развязал платок, развернул белую тряпицу, и тут Гришка, глаз не спускавший с отцовских рук, ахнул от неожиданности. Он с самого начала догадался, что ждёт его знатный гостинец, но такого подарка и он не ожидал. В свёртке оказались сапоги. Да какие! Настоящие морские сапоги, с высокими голенищами раструбом, с двойным носком, с толстой подмёткой, подкованной медными гвоздями. И пахли они не кремом каким-нибудь, а настоящим дёгтем. О таких сапогах Гришка мечтал давно, они ему и во сне снились. И вот теперь, когда сапоги оказались у него в руках, Гришка испугался, что будут они не впору. Уж больно маленькими, точно игрушки, показались его сапоги рядом с отцовскими.

Наскоро поблагодарив отца, Гришка достал из своего сундучка чистые портянки, ладонями вытер правую ногу, умело подмотал портянку и за ушки, осторожно, натянул сапог. Он пришёлся в самый раз, и у Гришки отлегло от сердца. Левый тоже оказался впору. Гришка встал, потопал, как отец, — каблуками, носками, всей ступнёй... Сапоги сидели как заказные, и Гришке захотелось сейчас же побегать в них. Он вышел на крыльцо, прошёлся по берегу. Он нарочно ступил на груды сучьев, сложенных у сарая. Сучья захрустели, как сухари, а ногам хоть бы что! И галька разлетается из-под сапог во все стороны точь-в-точь, как у отца, когда он ходит по отмели. Здорovo!

Обегав всё кругом, Гришка решил до конца испытать обновку: он важно подтянул голенища и осторожно вошёл в реку. Вода охватила ноги, будто кто сжал

их холодными ладонями. Поднявшись со дна, забурлили кругом весёлые пузырьки, и ни одна капля не просочилась в сапоги.

Гришке вдруг стало стыдно: в настоящих морских сапогах он себя почувствовал настоящим, взрослым моряком, а взрослые никогда не ходят в воду зря, без дела. Можно, конечно, было тут же и выйти на берег, но выходить совсем не хотелось. Тогда Гришка придумал себе дело в воде: окинув хозяйским взглядом пристань, он постоял минуту, будто задумавшись.

— Посмотреть, хорошо ли лодка привязана? — сказал он наконец и, прямо против течения, разгребая сапогами воду, зашагал к пристани.

Он доверху подтянул голенища, но возле самой лодки всё равно черпнул бы сапогами, если бы не успел рыбкой навалиться на корму и задрать ноги кверху. Потом он перелез на нос, перебирая мокрую верёвку, подтянул лодку к пристани и нащупал узел. Узел ему не понравился — слабо затянут. Гришка дёрнул за свободный конец, узел сразу распустился, верёвка выхлестнулась из кольца, а Гришка поскользнулся и растянулся поперёк банки. Он сразу вскочил, но течением нос лодки уже отвернуло от пристани. Гришка кинулся на корму, но и корма уже отошла далеко, а грести и цепляться было нечем.

Гришка прикинул глазом: доплыть тут не штука, лодку вот только бросить придётся. Но это тоже не беда: всё равно прибьёт её куда-нибудь, а не прибьёт — у отца новая есть лодка, ещё лучше. Уже и осмолённая, только спустить осталось. Значит, пока не поздно, нужно плыть. А то унесёт на середину — оттуда и не доплывёшь...

Вдруг Гришка вспомнил о сапогах. Лодку-то можно бросить, а сапоги не бросишь. И в сапогах не поплывёшь — вон они какие — в палец подмётки... Сразу

потянут на дно, а здесь глубина от самого берега начинается... Разуться да на лодке оставить их? Но об этом Гришка даже и думать не хотел.

Так, ничего не придумав, Гришка сел на банку. А лодку тем временем вынесло поближе к середине реки, на самый фарватер и потянуло прямо вниз по течению. Шёл отлив, и вода быстро скатывалась в море.

Гришка осмотрелся. Солнце уже закатилось за сопку, но было ещё светло. Слева, прямо над их маленькой пристанью, высокой стеной уходил под самое небо зелёный берег. Справа, призрачный и далёкий, в плотном куполе дыма кораблей и заводов, раскинулся город Николаевск. Над Амуром, гладким, как зеркало, чуть-чуть курился туман, и на всей реке, сколько хватало глаз, — ни парохода, ни катера, ни паруса...

Тут только Гришка понял, что попал в настоящую беду. Он чуть не разревелся, но вспомнил про сапоги и реветь не стал. Почему-то показалось ему, что вот-вот, само собой, придёт спасение: или лодку прибьёт к берегу, или на буксир подберёт его кто-нибудь, или отец догонит на катере. Так или иначе — не дадут ему пропасть. А раз так, то и горевать нечего.

Забыв об опасности, Гришка стал думать о том, как осенью он придёт в школу, как все будут завидовать его сапогам, потом вспомнились ребята, учителя... Свернувшись калачиком, Гришка согрелся и незаметно заснул крепким сном. Спал он долго.

А когда проснулся, уже совсем стемнело, и берегов не стало видно. Дул холодный ветер. Сердитые волны колотили и швыряли лодку. На дне появилась вода. Кругом шумело пустынное, тёмное море. Спать совсем не хотелось, зато захотелось есть, так что от голода сосало под ложечкой.

Вдруг Гришке показалось, что в море блеснул

огонёк. Он пригляделся — над самой водой плыла навстречу жёлтая звезда. Потом выглянули из темноты ещё две звёздочки — зелёная и красная. Гришка понял: прямо на него шло самоходное судно. Он не спускал глаз с цветных огоньков. Они быстро надвигались. Сквозь шум волн, ставший уже привычным, Гришка расслышал недалёкий стук машины. Ещё не решив, что делать дальше, Гришка встал во весь рост, но тут вдруг что-то тяжёлое ударило в борт лодки...

Лодка крякнула и повалилась на бок. Из темноты надвинулась неясная громадина. Гришка кинулся отпихивать её руками, он закричал и тут нечаянно нащупал в темноте что-то жёсткое и твёрдое вроде толстой холодной доски. Он ухватился за эту доску. В то же мгновение вода с шумом хлынула в лодку, лодка ушла из-под ног и пропала. А Гришка так и остался висеть. Со всех сторон его обдавали холодные брызги, он уже вымок до нитки, но не замечал ничего. Крича и болтая ногами, Гришка с каждой секундой крепче впиался руками в холодную доску, понимая, что в этом его спасение.

Вдруг откуда-то сверху упал свет. Гришка быстро огляделся и ясно увидел, что висит над водой, уцепившись за лапу якоря.

— Эй, не скули, парень, держись! — крикнул кто-то сверху.

Свет погас. Стало ещё темнее.

Вот тогда Гришке сделалось страшно. Он почувствовал, как слабеют руки. Одежда отяжелела от воды. Вот-вот, казалось ему, он отпустит якорь... Он зажмурился от страха, но тут чья-то сильная рука обхватила его поперёк живота.

— Хватайся за трап, дурень! — услышал Гришка тот же голос и, пошарив руками, ухватился за верёвку.

Потом нащупал другую верёвку, ногой поймал

ступеньку и, утвердившись на верёвочной лестнице, раскачиваясь и ударяясь о мокрый борт, полез кверху. Невидимые руки подхватили его под мышки и как пушинку вынесли на палубу. Вспыхнула люстра на мачте, палуба осветилась.

Какие-то люди обступили Гришку, его о чём-то спрашивали, но он с перепугу едва стоял на ногах и громко стучал зубами. Потом, подхватив под руки, его повели куда-то по мокрой палубе, и он сам не заметил, как оказался в большой светлой каюте. Посреди каюты стоял стол, обитый белой клеёнкой, вокруг стола с трёх сторон — мягкие кожаные диваны. Над столом висела яркая лампа. Лампа качалась, и вся каюта тоже качалась. Гришку посадили на диван. Мутные ручейки натекали с его одежды на кожу дивана и змейками побежали по палубе. Гришке почему-то

очень стыдно стало за эти ручейки. Он попробовал ладонью задержать их и оглянулся.

Напротив за столом сидел усатый старик в чёрном кителе с золотыми нашивками на рукавах. Он с интересом посмотрел на Гришку и строго спросил:

— Сколько было-то?

Гришка не понял.

— Сколько вас в лодке было, кто да кто, говорю? — сердито сказал старик, и Гришка совсем испугался.

— А никого, дядя, не было. Я один, — сказал он и разревелился.

— Добре, — сказал старик. — Раз один, тогда и реветь нечего. В море и так рассола хватает. А ну, раздевайся-ка, живо!

— А зачем раздеваться-то? — всхлипнул Гришка и покорно стал расстёгивать рубашку.

— Драть тебя буду — вот зачем. Чтобы в море один не шлялся! — ответил сердитый старик и крикнул кому-то: — Стёганку новую принесите, поаккуратнее выберите да поскорее!

«Стегать будет», — подумал Гришка и поёжился. Он решил, что стёганка — это что-то вроде собачьей плётки, и боязливо поглядывал на дверь, ожидая, когда принесут эту плётку. Но вместо плётки принесли ватную куртку и такие же штаны.

— А ну-ка, живо скидай свою робу да одевайся в сухое. Не стану я тебя драть. Давай лучше чай пить, — сказал старик и улыбнулся одними глазами.

Гришка быстро скинул мокрую одежду, набросил куртку, не снимая сапог натянул огромные штаны. Старик сам подвернул ему рукава и усадил рядом с собой на диване. После мокрой рубахи в ватной стёганке показалось так тепло, что Гришка сразу размлел. Как сквозь сон видел он, что дневальный принёс

ярко начищенный чайник, что на столе появился хлеб, сахар, брусника, солёная рыба и другая еда. Кто-то расспрашивал Гришку, как он попал в море один в такую пору. Гришка ел, пил, отвечал что-то, а потом, не вставая из-за стола, уронил голову прямо на клеёнку и заснул.

Проснулся он в другой каюте, на другом диване. Над ним стоял вчерашний старик и тормошил его:

— Эй ты, заяц морской, вставать пора!

Гришка поднялся и увидел, что тут же на диване сложена его высушенная одежда. Рядом с диваном стояли и сапоги. Гришка вскочил, оделся и стал обуваться. А старик тем временем взял другой сапог и долго рассматривал его со всех сторон.

— Да, брат, сапоги у тебя важнецкие, настоящие морские, — сказал он наконец. — Ты где же такие спроворил?

— Отец подарил, — сказал Гришка и, вспомнив отца, спросил растерянно: — А как же он-то теперь, без меня-то?

— Без тебя-то? — удивился старик. — А очень просто: никуда он без тебя-то не денется. Адрес свой знаешь? Ну и молодец. Сейчас дадим ему радио: так, мол, и так, жив-здоров, пионерский привет и прочее, тому подобное. Не скучайте, мол, ждите... Ты у нас пока поплаваешь, ума понаберёшься. А сапоги береги, другие такие не скоро заведёшь. Да нос вытри. Ясно?

— Ясно, — пробасил Гришка и вытер нос ладонью.

— А раз ясно, тогда пойдём чай пить. Умывайся давай, да пошли.

Пока шли в столовую, Гришка узнал, что старик этот — капитан, и ещё больше стал гордиться своими сапогами.

«Раз уж сам капитан хвалит, значит, правда хороши сапоги», — решил он и к столу сел так, чтобы каж-

дый, кто войдёт, видел его ноги. И каждый, кто входил, непременно замечал Гришкины сапоги и каждый говорил что-нибудь вроде того, что, мол, вот смотрите, у парня сапоги-то какие.

Напившись сладкого чаю с брусникой, Гришка вышел на палубу и тут встретился с боцманом. Это был ладный парень, худощавый, но крепкий в плечах, с розовым, будто ошпаренным, лицом, с острым носиком, задорно глядевшим кверху, с маленькими весёлыми голубыми глазами.

— Что, герой, подённо палубу топчешь? — нажимая на «о», засмеялся боцман. — Ну отдохни, пойдём, я тебе якорь покажу. Не снял бы я тебя вчера с якоря, ты бы небось и сейчас купался...

Гришка перегнулся через борт и глянул вниз: вода с разбегу ударяла в нос судна и вздымалась двумя прозрачными, как стекло, зелёными крыльями. На самом верху эти крылья загибались, рассыпались белыми брызгами, и брызги косым дождём неслись вдоль бортов. Гришка подобрал на палубе щепочку и бросил туда, вниз. Щепочку подхватило сразу; она закрутилась и пропала.

Гришка вспомнил, как висел там на лапе якоря, поёжился и с уважением посмотрел на боцмана.

«Вон какой храбрый, — подумал он, — не испугался. А вдруг бы лестница оборвалась или нога поскользнулась?»

Потом Гришка побывал на мостике и в машине. Он заглянул в камбуз, посидел у радиста, зашёл к врачу и часам к одиннадцати успел со всеми перезнакомиться и осмотреть всё судно. Как раз к этому времени машина замолчала, и капитан приказал отдавать якорь. А когда судно встало и развернулось носом на волну, моряки все вместе дружно взялись спускать на воду большой моторный катер. Туда, на катер, опустили верёвки, инструменты, какие-то брёвна и доски,

покрашенные в красный и белый цвет. Потом оделись в брезентовые костюмы, натянули резиновые сапоги и один за другим прыгнули в катер.

А Гришка стоял у борта, смотрел на них и завидовал. И, когда уже завели мотор и когда уже распрощались, пожелав друг другу успеха, капитан вдруг крикнул с мостика:

— Эй, на катере, зайца-то нашего прихватили бы. Пусть покатается!

— Ну давай, Егор, не задерживай! — крикнул боцман, и Гришка, перемахнув через борт, прыгнул вниз, прямо на руки подхвативших его моряков.

Потом катер отвалил и быстро пошёл к берегу.

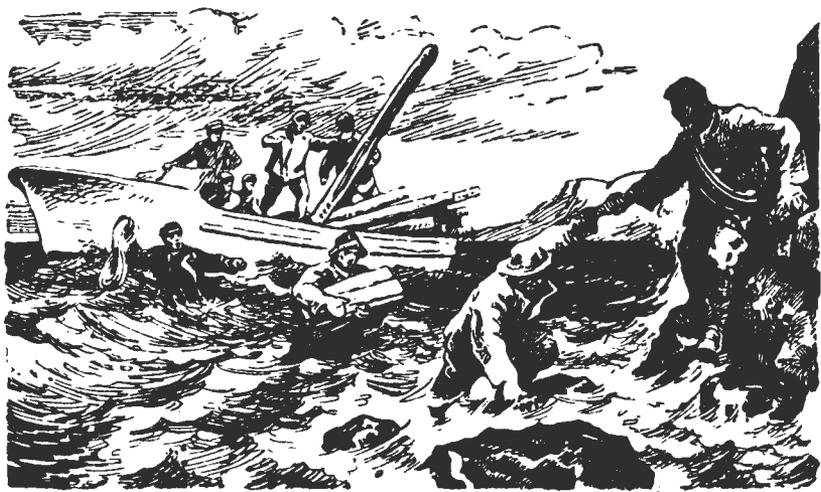
Берег тут был скалистый. Он серой стеной поднимался прямо из воды, и казалось, что влезть на эту стену невозможно. Но моряки у самого берега прыгнули прямо в воду, и один за другим, помогая друг другу, стали карабкаться на скалу.

Груз тоже сбросили прямо в воду. С ним оставили двух матросов, а катер отвели на глубокое место и поставили на якорь.

На катере только трое остались: Гришка, механик и третий помощник капитана. Они смотрели, как моряки преодолевают скалу. Видно было, что это нелегко.

Наконец там, на скале, выбрались на вершину, сбросили верёвки и стали поднимать туда доски и инструменты. Потом там же, на скале, стали собирать из досок огромный полосатый треугольник. А когда собрали и сколотили, поставили его стоймя и начали укреплять на самом краю обрыва так, чтобы его хорошо было видно с моря.

Такие полосатые треугольники Гришка и прежде не раз видел на сопках по берегам Амура, но он не знал, зачем они там стоят. А тут ему рассказали, что по таким щитам моряки находят дорогу. Называются

эти щиты «створами», а их судно специально ходит вдоль берегов, чинит старые и где нужно ставит новые створы.

Гришка не отрываясь смотрел на скалу. Матросы с катера казались совсем маленькими, как мухи, а скала гладкой, и Гришка удивлялся, как это они там держатся, наверху. А помощник капитана, вместо того чтобы смотреть на храбрых товарищей, лёг на палубу, накрыл лицо фуражкой и сразу захрапел. Ему не впервой была установка створов, а с четырёх часов утра он стоял на вахте.

Скоро и механику надоело задирать кверху голову. Он достал бидон из кормового ларя и стал подливать бензин в бак. А Гришка держал воронку и смотрел, как бензин пузырится и пропадает в баке.

Вдруг Гришке послышалось, что кто-то крикнул. Он обернулся.

Сверху со скалы матросы смотрели вниз, а под скалой наполовину в воде лежал человек. Двое матросов, оставшихся внизу, спешили к нему.

— Эй, на катере! Давай сюда, живо! Боцман сорвался! — крикнул один из них.

Механик бросился будить помощника капитана.

— Беда, Володя! — сказал он. — Савельев сорвался. Надо бы его на судно скорее.

Помощник капитана открыл глаза и сразу вскочил на ноги.

— Заводи! — крикнул он, и механик кинулся к мотору. Он хотел завинтить пробку бака, но второпях уронил кожаную прокладку от пробки.

Она покатилась по палубе, шлёпнулась в воду и утонула. На этом катере как у примуса был устроен бак: если не закроешь его накрепко пробкой — бензин не пойдёт куда нужно, и мотор работать не будет и не заведётся даже. А без прокладки, как ни крути пробку плотно, всё равно не закроешь бак.

Механик растерянно шарил глазами по всему катеру: искал, из чего бы сделать прокладку, да так, видно, и не нашёл ничего подходящего. А с берега торопили, махали руками, кричали, что боцману плохо, кровью истекает человек.

Механик схватился было за пояс, но пояс оказался чуть-чуть поуже, чем надо. Тогда механик плюнул на палубу, посмотрел за борт, на то место, где утонула прокладка, и безнадёжно развёл руками.

— Ведь вот глупость какая, — сказал он в сердцах, — из-за такой ерунды человек пропадает!

Тут Гришка тронул механика за руку.

— Дядя, а какой ерунды надо-то? — спросил он.

— Кожи мне надо, а не ерунды! — огрызнулся механик и ещё раз безнадёжно окинул глазами весь катер.

— Дядя, а моя кожа не годится? — не унимался Гришка.

Он и в самом деле готов был свою кожу отдать, только бы спасти весёлого боцмана.

— Отстал бы ты, парень, без тебя тошно! — беззлбно ответил механик.

А с берега продолжали кричать и махать руками. А катер по-прежнему покачивался на волнах, и хотя помощник капитана давно уже стоял у руля и по-сматривал на берег, но и он не знал, что делать.

— Дядя, а мои сапоги? — сказал Гришка.

— Дело! — крикнул механик и, выхватив из кармана складной нож, бросился перед Гришкой на колени и тут же прямо на ногу у Гришки располосовал новенькое голенище и принялся вырезать прокладку.

Помощник капитана поднял якорь, и вскоре катер полным ходом понёсся к берегу.

Боцмана бережно положили на палубу. Лицо у него было белое, как мокрая булка, глаза не смотрели, из раны на затылке не унимаясь бежала кровь.

На судне врач зашил эту рану. Боцман порозовел, его голубые глаза открылись, он улыбнулся.

А Гришка босиком топтал палубу и ничуть не жалел своего сапога. Одного он немножко боялся — как бы дома не досталось за то, что он не уберёт отцовский подарок.

ЗОЛОТОЙ ЗУБ

В прошлом году, только успел Гаврил Иванович Малыгин вернуться с промысла домой, в Архангельск, вызвали его в контору.

Гаврил Иванович пошёл, размышляя о том, зачем понадобился он начальству, но так ничего придумать и не смог. А в конторе начальник сперва вежливо поздоровался с ним, потом стал расспрашивать о промысле, о здоровье, о внуках, а потом вдруг и говорит:

— Ну, вот что, Гаврил Иванович, давай-ка собирайся.

— Это куда же собираться-то мне? — удивился Гаврил Иванович. — Я и так только с моря.

— На Дальний Восток поедешь.

— Эва, куда! А чего я там делать буду, на Дальнем-то Востоке?

— Заводят там зверобойный промысел. А специалистов по зверю не хватает. Мы тут посоветовались и решили тебя послать. Можешь поехать?

— Поехать-то хоть куда я могу, — сказал Гаврил Иванович. — Только не подходящее это дело. Ну, какой я, к примеру, специалист? Я, батюшка мой, боцман и никакого другого дела не знаю. Да и зверя, я слышал, бьют там не по-нашему. Там, говорят, на тюленя с берега выходят, а где с берега, там, я думаю, боцман ни к чему. А поехать — почему не поехать? Если для дела, я хоть куда могу.

— Вот в том и вопрос, — отвечает начальник, — что заводят там ботовый промысел. Боты уже отправили, скоро они на место придут, и зверя там вдоволь, а людей знающих нет. Боцманом на бот поедешь?

— А почему не поехать? Если боцманом, можно поехать. Мне в тех краях давно побывать хотелось. Уж больно мне любопытно на котика и на морского льва посмотреть. Зверь, говорят, занятный, а у нас тут не водится...

Вот так и случилось, что приехал Гаврил Иванович во Владивосток. Приехал и прямо с поезда — даже город не посмотрел — отправился на свой бот.

Новый бот ему очень понравился: чистенький, прочный, красивый и название неплохое: «Удар».

На «Ударе» стояли две мачты с парусами и двигатель в восемьдесят лошадиных сил. Небольшая машина, ну да и сам бот невелик. Зато был он построен так, что ему никакие льды не опасны. Если даже льдины

прихватят и зажмут судно со всех сторон, всё равно его не раздавит, а только выжмет на лёд.

На таком боте не страшно идти в ледовое море. Но Гаврил Иванович с первого же дня, как пришёл на судно, стал всё шупать, пробовал, крепко ли, нет ли где гнили и слабины. Старый моряк знал, что лучше на берегу всё проверить, а потом уж и плавать спокойно. «Удар» отправлялся не на прогулку, а в ледовое плавание на два месяца. За такой срок в море всё может случиться.

На первый раз дали «Удару» задание: добыть две тысячи голов зверя — всё равно какого, хоть нерпы, хоть лахтака, хоть сивуча. Задание не очень большое, но, чтобы его выполнить, нужно знать места, где искать зверя. Ведь и в море зверь не везде живёт. В одном месте густо, а в другом, как говорится, — пусто. И вот, чтобы зря по морю не бродить, не тратить время на поиски, взяли на бот двух научных сотрудников.

Один из них, комсомолец Петя Никулин, прежде сам плавал матросом. Он вдоль и поперёк прошёл всё Охотское море, все берега облазил и на самолёте не раз летал надо льдами и над островами. Он не первый год занимался своим делом и составил целый альбом с картами. На этих картах было помечено, где какой зверь лежит, где пасётся, в какое время куда плывёт.

Гаврил Иванович познакомился с Петей, заглянул в его альбом и сразу решил, что Петя — парень толковый, от такого большая помощь охотникам. И на вид он понравился боцману: высокий, курносый и ходил, как все на «Ударе», в ватной стёганой куртке, в таких же штанах и в сапогах с высокими голенищами.

А другой, Виктор Васильевич Хомяков, оказался хитрым бездельником. О морском звере знал он меньше любого матроса, но делал вид, будто только он один в этом деле и понимает. А держался так уверенно, что ему поверили и назначили в рейс.

На судно пришёл он в модном пиджачке, в лакированных полуботинках, с плащом, перекинутым через руку. Он представился капитану, на других даже и не посмотрел и первым делом спросил, где его каюта и скоро ли обед.

Гаврил Иванович услышал это, посмотрел на Хомякова и покачал головой.

— Вот это работничек, — сказал он капитану. — Идёт на зверобойку, а вырядился, как на бал. Про дело ничего не спросил, а насчёт койки сразу побеспокоился.

— Полно, Гаврил Иванович, — возразил капитан. — По одежке-то не встречай человека. Он, я слышал, парень знающий.

— Ну да, ведь я ничего, — сказал боцман, — встретить-то всяко можно. Как вот провожать будем?

— Поживём — увидим, — согласился капитан. — Давай, Гаврил Иванович, людей по местам. Будем отходить.

Боцман засвистел в свисток. Матросы забежали по палубе, а полчаса спустя «Удар» уже вышел из залива и взял курс на Охотское море.

«Удар» шёл на север, и, хоть шёл он открытым морем, с каждым днём всё менялось кругом. Похолодала погода, вода стала тёмно-зелёной, потом кое-где появились редкие льдинки, потом пошёл частый лёд. Он весело сверкал на солнце и с хрустом ломался, ударяя в борта.

Гаврил Иванович забрался на мачту и огляделся кругом. Оттуда, с мачты, казалось, будто кто-то разбросал клочки бумаги на зелёном столе. Но сколько ни смотрел Гаврил Иванович, ни на льдах, ни в воде не заметил он ни моржа, ни тюленя.

— Ничего, Гаврил Иванович, — сказал Петя, когда боцман спустился, — завтра встретим зверя. Готовь винтовки.

Боцман послал двух матросов в трюм. Они принесли целый ящик старых австрийских винтовок, распаковали и поставили на палубе. Эти винтовки заряжаются сразу на десять зарядов и стреляют толстенными пулями в медных оболочках. Боцман обтёр винтовку, осмотрел, прикинул на руке, прицелился.

— Ничего винтовка, прикладистая, — сказал он, — для промысла в самый раз. Только метко ли бьёт? Лежали-то они сколько? Так, может, мушки по-сбиты или прицелы. А на зверя оружие нужно, чтобы без промаха било. Пристрелять придётся.

Он пристроил к передним вантам лист фанеры, приколол к нему бумажную мишеньку, а с кормы, с другого борта, стал стрелять. Так он отобрал исправные винтовки, а потом каждый выбрал себе оружие по руке и по глазу. Винтовки прочистили, смазали, разобрали патроны. Запаслись ножами и баграми. К вечеру всё подготовили, можно бы и начинать промысел, только зверя по-прежнему не было.

А утром, едва рассвело, всюду на льдинах показались тюлени.

Хомяков поднялся на мостик, посмотрел направо, посмотрел налево.

— Ну вот, я же говорил, что нынче зверя встретим, — сказал он капитану и отправился завтракать.

А Петя Никулин стоял рядом с боцманом на палубе и разглядывал зверя в бинокль.

— Ну как, Гаврил Иванович, — спросил он, — нравится наш зверь?

— Так что ж, зверь как зверь, обыкновенный, — ответил Гаврил Иванович, — будкий, похоже, а так ничего, гладкий зверь.

Зверь и в самом деле оказался будкий. Как только раздался первый выстрел, все нерпы на милю кругом скользнули со льдин на воду и, высунув круглые

головы, смотрели умными глазами на охотников. А на воде нерпу нельзя бить, потому что она сразу тонет.

Гаврил Иванович посмотрел на такую охоту и загрустил о родных северных морях.

— Это, Петя, разве промысел: в час по штуке? — жаловался он. — Вот ты к нам приезжай. Там у нас на льдах зверь лежит спокойный. За день такая, как наша, артель по тысяче промышляет и больше...

— Подожди, Гаврил Иванович, — утешал боцмана Петя, — вот найдём залежку, увидишь, что и тут зверя хватает. Недаром же наше море Охотским зовётся.

Но пока что дело шло совсем плохо. За два дня набили с полсотни нерпы, и капитан забеспокоился: приближалось осеннее время, штормы, туманы, а в шторм да в туман какая уж там охота? Тут гляди в оба: как бы на мель или на скалы не выскочить.

Нужно было торопиться, и капитан решил созвать совещание.

Когда Пете дали слово, он полистал свой альбом и сказал просто:

— Раз такое дело, сейчас нужно к Шантарам идти. Там сивуч на островах густо лежит, и я так думаю, что там мы за неделю план выполним.

Хомяков молчал, слушал, что другие говорят, а когда ему дали слово, важно прокашлялся и произнёс значительно:

— Учитывая сложившуюся на данном этапе промысловой кампании обстановку, я считаю, что в настоящий момент следует перенести активные действия в район архипелага Шантарских островов. В указанном районе я надеюсь обнаружить на осенних залежках столь значительные скопления ластоногих, в частности сивуча, что можно предположительно рассчитывать на ежедневное выполнение до четырнадцати-пятнадцати процентов плана.

Многим показалось, что речь Хомякова самая умная. А боцман толкнул в бок соседа и, улыбнувшись, сказал шёпотом:

— Вот мастер языком молоть. Ведь слово в слово что и Петя сказал, только длинно, мудрёно и непонятно.

В общем, так и решили: идти к Шантарам. Проложили новый курс на карте и под утро вышли к острову Сахарная Голова. Этот остров торчит из воды, как колокольня, а вершина у него больше полгода покрыта снежной шапкой. На этом острове осенью живут сивучи.

Гаврил Иванович был очень доволен таким решением. Он давно мечтал поохотиться на морских львов, и теперь его старая мечта должна была сбыться. Он ещё до рассвета вышел на палубу и глаз не спускал с моря: всё глядел, не откроется ли впереди остров. Но тут, как назло, едва рассвело, упал на море густой туман и не то что остров на горизонте, а верхушку мачты и ту не стало видно.

«Удар» встал на якорь. Люди разошлись по каютам, а боцман всё ходил по палубе, смотрел, слушал: не потянет ли ветерок, не разгонит ли белые клочья тумана.

Вдруг он поднял голову, понюхал воздух и пошёл к капитану.

— Похоже, у нас с наветра много зверя лежит, — сказал он.

— А ты почему знаешь, что с наветра и что много?

— Ветром дух несёт, сильно моржом пахнет, — сказал боцман.

— Вон что, — улыбнулся капитан, — ну, однако, пойдём поглядим, понюхаем.

Он надел меховую куртку, тёплую шапку и вышел на мостик.

— Молодец ты, Гаврил Иванович. Моржом не моржом, а зверем действительно пахнет, — согласился капитан и велел поднимать якорь.

Самым малым ходом, чтобы в тумане не налететь на мель, «Удар» пошёл против ветра. Прошли так час. Вдруг посильнее потянул ветер с берега, и все на судне сразу услышали далёкий крик, лай, вой, писк и визг. Точно тысяча собак затеяла драку. Потом сквозь эти звуки услышали шум прибоя впереди и опять бросили якорь.

И, хоть рядом был зверь, и много зверя, — всё равно нельзя было начинать промысел, потому что туман стал ещё гуще. Так заволокло, что вытянешь руку и пальцы не увидишь.

Простояли до утра. А утром туман разнесло, и открылся совсем рядом остров Сахарная Голова.

Внизу вокруг острова и на его склонах башнями торчали высокие острые скалы, а у самой воды растянулся узкий каменистый пляж. И на пляже и на скалах — всюду виднелись сивучи. Тут их сотни были, а может быть и тысячи, больших и маленьких.

Гаврил Иванович в бинокль рассматривал морских львов, то и дело покачивая головой. Он и вырос и состарился на зверобойке, а таких зверей ещё не видывал. Они были коричневые, величиной с корову, а по виду вроде тюленя, только с ушами и с гривами.

Тюлень на льдину с трудом влезает. А эти на самые вершины скал забирались, да ещё и дрались там. Они налетали друг на друга, кусались, били один другого здоровенными лапами. А внизу, на пляже,

ползали потихоньку маленькие сивучата. При этом все они, и маленькие, и большие, ревели на разные голоса.

С «Удара» спустили четыре шлюпки и моторный катер. Разобрали винтовки, багры, крючья. Мотор не стали заводить и на вёслах подошли к берегу. Катер поставили на якорь, шлюпки вытащили на пляж, чтобы их не унесло, и широкой цепью раскинулись по краю острова.

А сивучи сперва и внимания не обращали на охотников. Только маленькие сивучата, извиваясь, как ящерицы, поползли к воде.

Но, как только раздались первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал прямо вниз, и казалось, что они тут же и разобьются об острые камни. Но они как ни в чём не бывало, словно мячики, высоко подпрыгивали на своих лапах, снова падали на камни и торопливо ползли к морю. И так страшно скалили они свои огромные белые зубы и так грозно ревели, что молодые матросы дрогнули и стали отступать к лодкам.

— Эй ты, герой! — покрикивал Гаврил Иванович, хватая за рукав то того, то другого. — Не бойся, не съест тебя зверь, только сам ему в пасть не лезь. Ты не смотри, что он страшный. Винтовка-то тебе на что дана? — И, почти не целясь, он тут же посылал пулю в голову огромному зверю.

Меньше чем за час сотни туш уже лежали на берегу.

— Амба! — крикнул Гаврил Иванович и замахал над головой винтовкой.

Выстрелы сразу замолчали. Катер подошёл к берегу, с палубы подали длинный буксир и катером принялись стаскивать туши в воду. В воде их счалили, подцепили под корму и не спеша повели к борту «Удара».

С воды на длинной стреле поднимали зверя на палубу и скоро столько навалили, что и пройти стало негде. А когда всю добычу подняли на борт, Гаврил Иванович взял большой нож и стал учить молодых матросов снимать шкуры с убитого зверя.

Он подвешивал сивуча за задние лапы, сверху донизу посреди брюха распарывал шкуру острым, как бритва, ножом и приговаривал с усмешкой:

— Вот мы тебе шубу-то расстегнём. У тебя теперь шуба-то не по времени. Дай-кошь я тебе, барин, раздеться помогу!

С этими словами он запускал руку в прорез и подрезал изнутри толстое сало. Так он снимал всю шкуру, укладывал в трюм шерстью вниз, а сверху маленькой лопаточкой круто засыпал солью.

До поздней ночи шла работа на «Ударе», но всё равно всю добычу не убрали, отложили на завтра и разошлись спать. Один Петя Никулин остался на палубе. Он измерял туши рулеткой, взвешивал их, рассматривал внутренности и всё, что замечал, записывал в толстую тетрадку. А Хомяков только раз вышел из каюты, потянулся, покурил и сказал Пете:

— Я прошу вас, товарищ Никулин, повнимательнее относиться к работе.

Утром снова отправились на охоту, и на судне осталось только четыре человека. Капитан остался на случай, если поднимется шторм, чтобы было кому управиться с судном. Боцман — сдирать шкуры; он делал это скорее и лучше всех. Повар — чтобы приготовить обед охотникам. А Хомяков остался просто так. Ему лень было вставать с койки.

Гаврил Иванович ловко обдирал зверя и потихоньку мурлыкал песенку. Морские львы ему очень нравились. Они были большие, как моржи, и безобидные, как тюлени. Лучше зверя для промысла и не придумаешь.

Как только раздались первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал.

Работал Гаврил Иванович не торопясь, рассматривал сивучей. Заглянул он к ним и в желудки — поинтересовался, чем сивучи питаются. Там нашёл он морские ракушки, раздавленные могучими зубами, рыбёшек и почти у всех — крупные камни-голыши.

Гаврил Иванович повертел камни в руках, осмотрел со всех сторон и пошёл к Хомякову в каюту.

— Виктор Васильевич, — сказал он, — объясните мне, пожалуйста, зачем сивучи камни глотают.

Сивуч глотает камни, чтобы лучше, устойчивее держаться на воде. Этого боцман не знал, и Хомяков тоже не знал, но он и виду не подал.

— Это, боцман, не ваше дело, — сказал он строго. — Ваше дело шкуры обдирать, вот вы этим и занимайтесь. И мне не мешайте, ясно?

— Ясно! — обиделся боцман и вернулся на палубу. А про себя решил: «Мне-то ясно, а тебе-то, лодырю, ничего не ясно. Ну подожди же ты, прочу я тебя при случае...»

И тут вдруг заметил боцман, что во рту у одного сивуча что-то блеснуло.

Гаврил Иванович внимательно осмотрел зверя, содрал с него шкуру, а тушу повесил на мачте.

А когда капитан вышел на мостик посмотреть, как идёт охота, Гаврил Иванович окликнул его:

— Товарищ капитан, вот полюбуйтесь-ка извольте. Я сорок лет на зверобойке, а таких зверей не видывал и не слыхивал.

— А что такое, Гаврил Иванович, — откликнулся капитан, — чем тебе зверь не понравился?

— Почему не понравился? Мне понравился, только вот зуб у него золотой.

— Полно врать-то, Гаврил Иванович, — сказал капитан, но всё-таки спустился с мостика и заглянул в пасть убитому зверю. Там и в самом деле блеснул золотой зуб.

Капитан потрогал его пальцем, попробовал покачать и рассмеялся.

— А ты, я вижу, шутник, Гаврил Иванович.

— Шутка шуткой, — сказал боцман, — а нужно бы, я думаю, Хомякову-то показать. Ведь всё-таки редкость, не каждый день такое увидишь.

Тут как раз и Хомяков вышел на палубу.

— Что случилось? — спрашивает.

— Да вот, — сказал боцман, — зверь тут попался необыкновенный. С золотым зубом во рту.

Хомяков решил сперва, что боцман просто смеётся над ним. Он раздулся, как индюк, ничего не сказал и хотел было уйти, но боцман успел подмигнуть капитану и тот вмешался.

— Правда, Виктор Васильевич, взглянули бы, — сказал он серьёзно.

Хомяков подошёл, заглянул зверю в пасть, ковырнул зуб ножом — думал, вывалится. Но зуб сидел прочно, как влитой, и блестел золотом. Тут Хомяков растерялся. Что сказать, он не знал и промолчать боялся. Чтобы замять разговор, он напустился на боцмана.

— А зачем же вы ободрали его? — спросил он строго.

— А что же мне его целиком, что ли, солить?

— Нет, зачем целиком? Нужно было обмерить его внимательно, сфотографировать, описать, а тогда уже и шкуру снимать для чучела. Такого зверя в музей доставить нужно. Вы же понимаете, что случай необычный, крайне интересный. — И пошёл, и пошёл. А когда наговорился вдоволь, сказал, что необходимо составить акт.

— Ну что ж, составьте, — согласился капитан. — Все трое и подпишем.

Хомяков пошёл к себе в каюту и скоро вынес готовую бумагу. Он написал, что такого-то числа на

острове Сахарная Голова с бота «Удар» добыли сивуча, у которого в нижней челюсти обнаружен золотой зуб. А боцман Г. И. Малыгин по небрежности снял шкуру с этого зверя и засолил вместе с другими.

Потом он сам подписал акт и дал подписать капитану. Тот подписал, даже и не поморщился, а боцман достал очки, долго их протирал, потом два раза вслух прочитал акт, снял шапку, почесал в затылке...

— Да, — сказал он, — неважное дело-то получается. Не знаю, как и руку свою тут ставить. Вроде ведь себе приговор. Ну, да ведь от своей вины всё равно не уйдёшь, давайте уж подпишу. — И, взяв ручку, он расписался под актом.

Вечером охотники вернулись с промысла, и Хомяков показал акт Пете Никулину.

Тот прочитал, ничего не понял, ещё раз прочитал и спросил:

— Это что, в стенгазету, в отдел юмора, что ли? Так, по-моему, совсем и не смешно.

— При чём тут юмор, — строго возразил Хомяков, — пойдите посмотрите сами.

Петя отправился к боцману. Тот показал ему челюсть, которую успел вырезать у необыкновенного зверя. В ней не хватало одного зуба, а на его месте торчала сплюснутая толстая пуля в медной оболочке. Она прошла через черепную кость зверя, отшлифовалась до золотого блеска, вышибла зуб и прочно встала на его место.

— А ведь прав ты был, Гаврил Иванович, — сказал капитан в тот же вечер. — Хомяков-то наш специалист языком болтать, а в деле ничего не понимает.

Когда весть обо всей этой истории разнеслась по судну, Хомякова подняли на смех. Матросы один за другим стучали в его каюту, а когда он откликнулся, кричали на весь коридор.

— Товарищ Хомяков, — спрашивал один. — Можно мне зверя обдирать — у него задние лапы подкованы?

— Виктор Васильевич, — говорил другой. — Там зверя убили. На груди у него значок ГТО. Зверь ничего, здоровый, видать, все нормы сдал. Может, вам его в каюту принести?

— Товарищ учёный, — надоедал третий. — Может, выйдете акт составить? Зверь попался очень чудной: щёки бритые, на брюхе ремень с медной пряжкой, а шкура на застёжке.

Хомяков только огрызался, а потом и отвечать перестал.

В три дня «Удар» набил полные трюмы. Капитан повёл судно домой. Боцман сидел на палубе, плёл верёвочный ковёр и был очень доволен.

— Эх, хомяк, хомяк, попал ты старику на зуб! — смеялся Гаврил Иванович.

Когда «Удар» пришёл во Владивосток, Хомяков, ни с кем не попрощавшись, ушёл с судна, и на «Ударе» его больше не видели.

А челюсть с золотым зубом Гаврил Иванович подарил мне на память. Она и сейчас лежит у меня на столе, только зуб почернел.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Это случилось шестого ноября, как раз накануне праздника. Весь день мы носились по океану, безуспешно гоняясь за китами, а когда стемнело, все свободные от вахты собрались в маленькой кают-компании китобойца «Партизан».

Ветер ещё днём стал крепчать, медленно прибавляя в силе, а когда стемнело, точно с цепи сорвался — разыгрался жестокий шторм. С рёвом, обгоняя друг друга, катились по морю тёмные холодные валы, украшенные белыми гривами. Наше маленькое судёнышко то взлетало на самую вершину пенного гребня, то проваливалось в яму между волнами, тяжело ударяясь днищем о чёрную воду.

Но мы давно привыкли к штормам и меньше всего в тот вечер думали о погоде.

Кают-компания на «Партизане» уютная. Под мягкими диванами по-домашнему, как самовар, шипело паровое отопление. Из-под красивого абажура падал электрический свет. А то, что кружки приходилось держать в руках, чтобы чай не расплескался, — это не беда. Ведь были мы всё-таки не дома, не на берегу, а в открытом океане, в позднее штормовое время.

Обычно, собравшись вот так, за чаем, мы разговаривали кто о чём и, бывало, подолгу засиживались

за этими разговорами. Но в тот раз нам не до разговоров было. Нам предстояло сделать важное дело.

Весной, выходя на промысел к берегам Камчатки, мы приняли обязательство добыть шестьдесят китов. Работать пришлось тяжело: с весны штормовая погода мешала промыслу, потом наступила небывалая для тех мест жара, и киты ушли на север. Но всё-таки за восемь месяцев нам удалось загарпунить шестьдесят три кита. Мы, понятно, очень гордились своим успехом и к празднику решили всей командой послать во Владивосток рапорт о нашей победе.

Уже готова была радиограмма. Передавая из рук в руки капитанскую авторучку, мы уже ставили под рапортом свои подписи, но тут наш гарпунёр Кнут Иоганович Нордендаль, или просто Кнут Иванович, как мы его называли, потребовал дописать, что он объявил себя ударником.

В таком деле отказать Нордендалю было никак не возможно, и пришлось весь рапорт переписывать заново.

В тот год советские китобои первый раз промыслили в Тихом океане. Дело было новое, незнакомое. Опыта у нас не хватало, и на каждом китобойном судне вместе с советскими моряками плавали иностранные специалисты — инструкторы. Одним из них и был Кнут Иванович — немолодой уже норвежец. Он семнадцатый сезон плывал гарпунёром. Служил он на норвежских и на голландских судах, командовал китобойцем в немецкой флотилии и с англичанами плывал. Говорил Кнут Иванович на шести языках и столько всего насмотрелся за свою жизнь, что его трудно было чем-нибудь удивить.

Он и у нас на «Партизане» сперва ничему не удивлялся. Кое-как говорить по-русски он выучился ещё в порту, пока мы готовились к промыслу. В первые дни, когда вышли в море, в наши разговоры он не

вмешивался, только подгонял нас в работе да поругивал за то, что мы не очень скоро и не очень умело выполняли его приказания.

Впрочем, каждый раз, погорячившись, он тут же принимался извиняться и даже острил как умел:

— Кнут есть кнут, — говорил он добродушно, — кнут должен мало-мало стегать тот, кто ленивый.

Но скоро ему и ругать нас стало не за что: народ на китобойцах плавал молодой, смышлёный, и месяца не прошло, мы к работе привыкли и гарпунёра научились понимать с полуслова.

А вот он нас понимать научился не скоро. Да и трудно было ему понять советских людей.

С первых же дней промысла началось соревнование между китобойцами: кто больше китов заберёт за сезон. Это Кнут Иванович по-своему понял сразу.

— Да-да, — сказал он, — кто больше заберёт. Это как футбол. Со-рено-ваня — это тоже кнут: стегать ленивых. Так? Это хорошо!

Но, когда, услышав об успехах других китобойцев, мы радовались их победам, — этого он никак не мог понять.

— Мы забили больше — мы рады, мы кричим: «Ура!» Это я понимаю, — говорил он. — Они забили больше, мы позади. Деньги им, слава им, красивый флаг — им. А мы кричим: «Ура!» Это я не понимаю.

Но к концу сезона он и это научился понимать и в тот вечер потребовал записать в рапорте свои обязательства: весь свой опыт передать молодым советским морякам и не упускать ни одной возможности увеличения добычи.

Вот из-за этого и пришлось переписывать рапорт.

Второй помощник капитана принёс чистый лист бумаги, старательно вытер стол ладонью, ладонь вытер о штаны и только собрался писать — тяжёлая железная дверь, выходящая прямо на палубу,

приоткрылась, и вместе с влажным ветром протиснулся в щель радист.

Он через стол протянул капитану исписанный бланк и сказал взволнованным голосом:

— Михаил Михалыч, SOS от шхуны «Крестьянка». Прочтите-ка!

Капитан встал, выплеснул чай прямо на палубу, повесил кружку на один из крючков, ввинченных в потолок, и вслух прочитал радиogramму:

— «SOS, шхуна «Крестьянка», нужна немедленная помощь. Всем судам в районе Берингова моря. 6 ноября 22 часа 15 минут местного времени. 61 градус 30 минут северной широты, 175 градусов 15 минут восточной долготы. От сильных размахов бортовой качки переместился груз в трюмах. Вода не откачивается, машина не работает, руль заклинило. Капитан Козлов».

Мы все знали капитана Козлова и шхуну «Крестьянка» знали. Мы не раз встречали её в плаваниях и в порту и теперь представили её себе, маленькую и беспомощную, во власти разгулявшегося шторма.

Сразу стало холодно и неудобно, точно вместе с телеграммой ворвалась в кают-компанию буря. Всё так же шипело отопление под диванами, но уже не песенка самовара слышалась нам в этом звуке, а злобный свист холодного ветра.

— Наладьте со шхуной прочную связь, — сказал капитан. — Сообщите, что мы идём на помощь. Боцман, готовьте спасательные средства и шлюпки. Команде надеть штормовое, и всем наверх. Общее руководство за мной. Всё!

Секунду спустя порожние кружки уже качались над опустевшим столом, а мы по своим каютам натягивали поверх ватных костюмов непромокаемые штаны и пиджаки, шапки-зюйдвестки и рукавицы. Боцман зажёл полный свет над палубой. Ползая на

четвереньках, чтобы не смыло волной, матросы доставали стальные канаты, багры, спасательные пояса. Другие снимали чехлы со шлюпок, проверяли там вёсла и аварийный запас. В полчаса всё было готово.

А капитан вместе с Нордендалем тем временем поднялись в рубку, развернули карту и отыскиали место, где в это время находилась «Крестьянка». Капитан обвёл это место маленьким кружочком и вышел на мостик. Там, поглядывая то и дело на светящуюся картушку компаса, стоял рулевой.

Капитан громко назвал новый курс. Рулевой, быстро перебирая спицы, закрутил штурвал. «Партизан» повернул круто вправо, и сейчас же волны и ветер обрушились на него сзади, словно не хотели пустить нас на помощь погибавшей в океане шхуне.

Чтобы свет не мешал глядеть вдаль, капитан приказал погасить все огни на палубе. После яркого света сразу стало так темно, будто судно нырнуло в воду. Но скоро глаза привыкли к темноте и стали различать белые гребни, с шумом бежавшие нам вдогонку.

Так прошли мы часа полтора. Потом далеко-далеко за кормой чуть посветлел горизонт. Мутная полоска рассвета с каждой минутой шире и ярче растекалась по небу. Потом небо позеленело, стали видны волны, потом огненным столбом брызнул в небо ослепительно яркий солнечный луч, и стало совсем светло.

И, словно чудом, вместе с темнотой пропал ветер. Он затих сразу, будто ему надоело играть с волнами. Серые водяные горы всё ещё толпились вокруг, но они стали вдруг бессильными и вялыми. Они ещё раскачивали наш маленький кораблик, но уже чувствовалось, что это последние удары шторма.

Мы во все глаза смотрели по сторонам. «Крестьянки» нигде не было видно. Но радист всё время держал с ней связь и уверял, что она недалеко. Тогда

наш гарпунёр-ударник решил забраться на мачту и посмотреть, нет ли где поблизости затерявшейся шхуны.

Кнут Иванович весил без малого сто килограммов. Он был толстый, как бочка. Но он очень ловко лазал по мачтам, по трапам и по канатам и скорее всех нас умел находить в море фонтаны китов.

Когда кит всплывает подышать, он с такой силой выдыхает воздух, что вода могучим фонтаном поднимается на несколько метров вверх. Не будь этих фонтанов — кита и за сотню метров трудно было бы заметить. А по фонтанам китобои издали замечают кита и быстро настигают его в море.

Для китов эти фонтаны — самое большое несчастье. Зато для нас — это большое удобство: иначе не имели бы мы тысяч тонн превосходного жира, вкусного мяса и многих других продуктов, которые почти задаром дают нам киты. Ведь китов ни кормить, ни пасти не нужно. Они сами пасутся и кормятся в океанах да ещё сигналият своими фонтанами: «Эй, китобои! Вот я где!»

Кнут Иванович знал все повадки китов и по виду фонтана за несколько километров мог сказать, какой породы, какого размера кит, сытый он или голодный, пасётся или отдыхает. И понятно, что, когда шла охота, он считался самым главным на судне. На промысле даже капитан беспрекословно выполнял все его приказания. Но в ту минуту мы были не на промысле, и, прежде чем лезть на мачту, Кнут Иванович

попросил разрешения у капитана. Конечно, капитан разрешил.

Кнут Иванович поглубже натянул свою шляпу — он всегда и на судне и на берегу носил дорогие мягкие шляпы, закурил кривую трубку, не спеша надел кожаные перчатки и, взявшись за ступеньку трапа, легко подтянулся на ней. Потом подтянулся на второй руке, а потом, быстро перебирая ногами, побежал вверх, как будто перед ним была не крутая верёвочная лестница, а ровная тропинка.

Снизу казалось, что не шестипудовый человек лезет на мачту, а взлетает сам собой маленький воздушный шар.

Минуту спустя гарпунёр по самые плечи стоял в узкой бочке, укреплённой на верхушке мачты, и только шляпа его виднелась снизу. Зато сам-то он видел во все стороны одинаково хорошо и, разыскивая шхуну, медленно обводил горизонт глазами, то и дело поднимая бинокль. Но и с мачты не разглядел он «Крестьянку», видимо, «Партизан» недостаточно близко подошёл к ней.

Пока искали шхуну, небо очистилось от туч, выглянуло солнце. Море стало голубым и спокойным. Волны совсем улеглись, и не хотелось верить, что ещё так недавно всё кругом кипело, как в котле, и ветер свирепо бросал на палубу горы холодной воды.

Стало тепло. Многие сняли ватные куртки и повесили их посушить над решётками кочегарки.

Повар приготовил завтрак и пришёл приглашать капитана в кают-компанию, но Михаил Михайлович решил не уходить с мостика: в любую минуту могла показаться шхуна. Наконец, не выдержав, он пошёл к радисту узнать, что слышно со шхуны? Но не успел он дойти до радиорубки — навстречу ему выбежал радист с последним сообщением с «Крестьянки»:

«Опасность миновала. Вода в трюме продолжает

прибывать, крен выправить не удалось, однако в случае хорошей погоды своим ходом дойдём до Олюторской. Машину и руль исправили своими средствами. В помощи не нуждаемся. Не беспокойтесь. Капитан Козлов».

Михаил Михайлович пробежал глазами телеграмму, сунул её в карман и, взяв медный рупор, крикнул на мачту:

— Кнут Иванович! Слезайте. Завтрак стынет. А «Крестьянка» без нас обойдётся. Давайте быстренько!

Кнут Иванович шариком выкатился из бочки, шариком покотился вниз по трапу... Вдруг он остановился, показал рукой куда-то направо и громко крикнул:

— Михаил Михалыч, кит!

И, пока мы всматривались в горизонт, стараясь разглядеть фонтан, замеченный гарпунёром, тот уже спустился с мачты и, захлёбываясь от волнения, уговаривал капитана:

— У нас шестьдесят три кита, Михаил Михалыч, пусть это будет наш шестьдесят четвёртый. Я хочу сделать свой маленький подарок к вашему большому празднику.

Возражать тут, понятно, было нечего.

— Держать на фонтан! — приказал капитан рулевому, а сам вместе с гарпунёром спустился в каюткомпанию. Наскоро проглотив завтрак, капитан снова поднялся на мостик, а Кнут Иванович пошёл к пушке, укреплённой на самом носу судна. Он снял чехол, осмотрел пушку и стал заряжать её.

Сперва он прочистил ствол тугим банником, похожим на головку огромного камыша. Потом сунул прямо в дуло шёлковый мешочек с порохом, следом за ним загнал толстый пыж и плотно забил его шомполом.

Когда с этим было покончено, Кнут Иванович

махнул рукой, и боцман — его главный помощник по промыслу — подхватил тяжёлый гарпун из стойки, поднёс его к пушке и засунул в дуло. Гарпун весь вошёл туда, снаружи остались только лапы — каждая по полметра длиной, да резьба для гранаты.

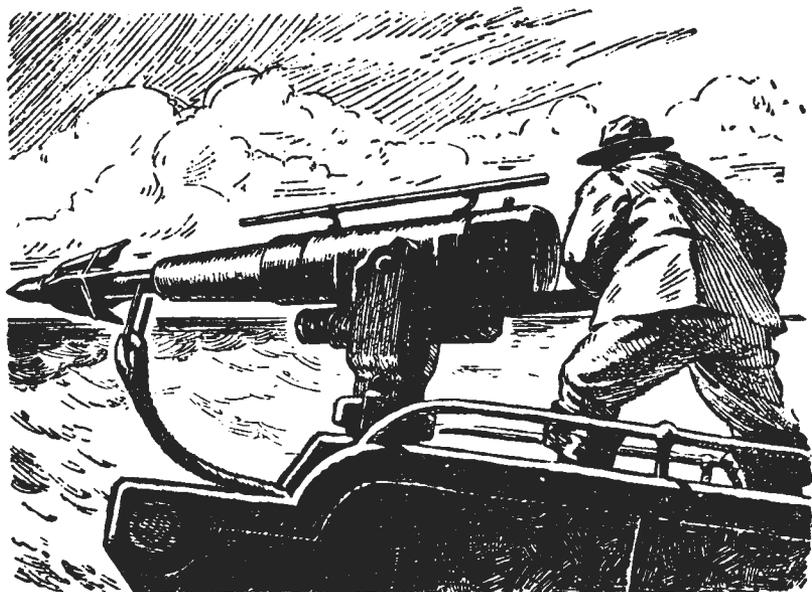
Кнут Иванович проверил, хорошо ли привязан канат к кольцу гарпуна, потом достал из ящи-

ка острую гранату-наконечник, насыпал в неё пороху из мешочка, поплевал на резьбу и привинтил гранату к гарпуну. Теперь осталось только капсули поставить, но это Кнут Иванович всегда делал перед самой стрельбой. А пока что он встал у пушки, широко расставив ноги, взялся рукой за прицельную рукоятку, попробовал, как пушка ходит вверх и вниз, вправо и влево. Потом, как командир перед боем, ещё раз окинул глазами море, палубу, снасти, людей и, убедившись, что кит уже недалеко, поставил капсули и громко скомандовал:

— К промыслу, по местам!

Повторять команду ему не пришлось. Недаром Кнут Иванович вышколил нас ещё с весны. На промысле каждый знал своё дело — в темноте разбуди, всё равно никто бы не сбился. И тут, по первому слову команды, мы все встали, где кому нужно.

А «Партизан» тем временем нёсся вперёд, туда, где каждые пятнадцать—двадцать минут поднимался над морем высокий белый фонтан. С каждым разом он появлялся всё ближе и ближе, и вдруг все сразу увидели впереди широкую, мокрую, блестящую спину кита.

— Полный вперёд! — скомандовал Кнут Иванович.

«Партизан» рванулся вперёд, но было уже поздно. Над водой на секунду показался чёрный треугольный плавник величиной с хорошую дверь, потом широкий хвост (этот уже с целые ворота) мягко шлёпнул по воде, и кит исчез.

Мы, стоя на местах, тихонько переговаривались друг с другом:

— Ну и китяра!

— Здоров!

— Тонн на пятьдесят будет.

— Все семьдесят потянет.

А Кнут Иванович, стоя у пушки, внимательно смотрел на море и поднимал то правую, то левую руку. Этим он показывал Михаилу Михайловичу, куда править, и Михаил Михайлович послушно выполнял каждую команду гарпунёра.

Так прошло минут двадцать. Вдруг у самой кормы заплескалась вода. Кит с шумом выдохнул воздух, да так близко от нас, что брызги фонтана упали на нашу палубу. Но на корме пушки не было, а повернуть китобоец, хоть он и считается поворотливым судном — не скорое дело. Кит спокойно вдохнул свежего воздуха, ещё раз показал нам спину и нырнул.

Кнут Иванович начал сердиться. Он прыгал возле пушки, размахивая руками, и «Партизан», послушный его воле, то бросался вправо, то влево, то замирал на месте, то кидался вперёд.

И хотя мы за сезон привыкли и к китам и к охоте за ними — всё равно каждый раз, когда огромная чёрная туша поднималась из воды, мы все, как по команде, показывали на неё друг другу пальцами и удивлённо повторяли:

— Кит! Кит!

Вдруг высокий фонтан рассыпался прямо перед носом «Партизана». В ту же секунду раздался выстрел. Тугой клубок красноватого дыма вырвался из пушки и поплыл, рассеиваясь над водой. Кнут Иванович, чуть согнувшись, держался за прицельную рукоятку, и казалось, что сам он вот-вот бросится туда, куда полетел тяжёлый стальной гарпун.

Раненый кит вздрогнул всем своим огромным телом и бросился вперёд, поднимая буруны белых брызг. Вслед за ним, извиваясь кольцами и петлями, бежал толстый канат. Секунды не прошло после выстрела, где-то впереди ухнул приглушённый взрыв —

это взорвалась граната, привинченная к концу гарпуна. Кит мгновенно согнулся кольцом, распрямился, нырнул, но сейчас же вынырнул снова и выпустил короткий фонтан, только не белый, как прежде, а ярко-красный от крови.

«Партизан» остановился. Заскрипели тяжёлые стальные блоки, канат натянулся, как струна. Кит бился метрах в ста от судна. Он извивался и так и этак, стараясь сорваться с гарпуна. Он уже не выпускал фонтаны, только вспенивал воду горами красной пены. Кит бился минут двадцать, наконец вздрогнул в последний раз, выпрямился, затих и медленно стал тонуть.

Включили лебёдку. Загрохотали шестерни, закрутились чугунные барабаны. Мокрый канат, выжимая капли солёной воды, потянулся из моря, а за ним поднялась из глубины огромная туша. Боцман взял длинную стальную трубку с острым концом, нащупал удобное место на ките и метра на полтора вонзил в тушу свою пустотелую пику. Потом на неё навинтили шланг, запустили паровой насос, и кит стал медленно надуваться, переворачиваясь с брюха на спину. Когда туша раздулась хорошенько, мы вытащили трубку и, накинув толстые цепи на хвост киту, привязали его к судну.

И только тут, покончив с китом, мы заметили, что ветер снова закрепчал и по морю побежали белячки.

К вечеру ветер ещё усилился, и зыбь стала выше, а к ночи разыгрался тайфун, да такой, что казалось, он хочет наверстать потерянное за день.

И опять «Партизан» запрыгал, как пробка, то по самую палубу зарываясь в воду, то вздымаясь над белым гребнем волны.

А мы опять собрались в кают-компании за праздничным столом и ждали капитана — он пошёл в радиорубку прочитать последние радиограммы.

Наконец дверь раскрылась. Михаил Михайлович вошёл, но ещё прежде, чем он заговорил, мы поняли, что настроение у него совсем не праздничное.

— Придётся бросить кита, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — У «Крестьянки» совсем плохи дела, хуже, чем вчера. Пойдём к ней на помощь.

Мы не первого кита теряли в море. И не в первый раз приходилось нам уступать перед неумолимой силой океана. Мы все понимали: раз надо — значит, надо, капитану виднее. Тут уж спорить не приходится.

Мы один за другим встали из-за стола и разошлись по каютам одеваться.

Но Кнут Иванович, обычно такой дисциплинированный, на этот раз вдруг заупрямился: он вскочил, забегал по кают-компани, размахивая руками.

— Михаил Михалыч, — говорил он возбуждённо. — Я понимаю, идти нужно. Но зачем бросать кита? Поставим сигнал на наш кит. Это пять минут, а кто знает, может, мы ещё встретим его в море? Ведь тогда не пропадёт мой подарок.

— Ну что ж, — сказал капитан. — Мало надежды, что мы его встретим, но сигнал поставить можно. Почему не поставить. Давай распорядись, боцман, да поживее.

Огромная туша прыгала по волнам, тяжёлые цепи вырывались из рук, грозя отвалить палец или ногу. Работать приходилось очень осторожно, но мы всё-таки быстро справились со своим делом. А гарпунёр тем временем взял длинный бамбуковый шест с флагом на конце, воткнул его в брюхо киту, а чтобы шест не упал — три здоровенных штопора ввинтил прямо в тушу и, привязав к штопорам растяжки, укрепил мачту с флагом.

Наконец последняя цепь соскользнула с китового хвоста, и туша с поднятым над ней флагом стала быстро отставать от нашего быстроходного кораблика.

Скоро ни кита, ни флага не стало видно. Стемнело. Кругом толпились одинаковые волны. Даже звёзд на небе не было в эту ночь, но мы шли уверенно, выбирая дорогу по карте, навстречу ветру.

Только под утро заметили мы на горизонте высоко взлетавшие красные огоньки. Это со шхуны пускали ракеты-фальшфейеры, чтобы нам легче было найти её в море.

Мы зажгли прожектор. Тугой пучок света раздвинул темноту, и мы увидели шхуну.

Невесёлый вид был у маленького кораблика: «Крестьянка» держалась бортом к ветру, сильно накренившись, и так раскачивалась на волнах, что мачты почти касались белых гребней. Казалось, вот-вот шхуна ляжет и не поднимется больше. Мы обошли её с наветра и остановились. Боцман с мостика забросил на палубу «Крестьянки» выброску. Там в двадцать рук подхватили тоненькую верёвочку, потом вытянули толстый стальной трос, привязанный к её концу, и закрепили его на носу шхуны.

«Партизан» дал малый ход, буксир натянулся, шхуна медленно развернулась носом по ветру и послушно пошла у нас за кормой.

К рассвету шторм стал затихать. Но считать шхуну спасённой было ещё рано: вода в трюме по-прежнему прибывала, и люди, измученные долгим непосильным трудом, не успевали её откачивать. С каждым часом крен увеличивался. Волны уже хлестали в бортовые иллюминаторы, и в любую минуту шхуна могла перевернуться.

По расчёту нашего капитана маленькому кораблику осталось пять часов жизни, не больше, а до бухты Олюторской, где можно было откачать воду, оставалось не меньше десяти часов пути. И всё-таки мы не хотели сдаваться. Мы самым полным ходом шли вперёд в надежде на милость судьбы.

— Будь что будет, — сказал наш капитан. — Доведем — хорошо. Не успеем — придётся брать людей к себе на борт. Ничего другого тут не придумаешь.

Так и шли по ветру, с полного хода распарывая зелёные валы, катившиеся по океану. Кочегары старались вовсю, не жалея ни угля, ни сил, и длинный султан дыма, обгоняя наш маленький кораблик, чёрным облаком стелился над морем.

А мы, хоть нам и нечего больше было делать на палубе, стояли на ветру, то с надеждой глядя вперёд — не откроются ли берега Камчатки, то оборачиваясь назад и с тревогой поглядывая на шхуну, которая кренилась всё больше и больше.

Вдруг рулевой заметил на горизонте, в стороне от нашего курса, шест с флагом. Эта новость сразу облетела судно. Все глаза обернулись туда, где трепетал над волнами крошечный тёмный квадратик.

Кнут Иванович достал из футляра бинокль и, убедившись, что ошибки тут нет, закричал:

— О, вы видите, я не напрасно ставил сигнал! Вон он плавает, мой подарок. Удача!

Но об удаче не время было говорить. Идти подбирать кита — это потерять часа два хода, не меньше. Это каждый из нас понимал. А два часа могли решить судьбу шхуны. И, как ни обидно было снова бросать в море своего кита, Михаил Михайлович без колебания принял решение.

— Ничего не поделаешь, Кнут Иванович, — сказал он, — пойдём своим курсом. В таком деле рисковать не приходится.

Кнут Иванович молча грыз мундштук своей погасшей трубки. Он топтался на месте, точно очень торопился куда-то и не мог уйти. Нам не хотелось терять кита, а ему, видно, вдвойне обидно было расставаться со своей добычей. Но он был настоящим

моряком, сам он не раз попадал в трудные переделки и, конечно, даже подумать не мог о том, чтобы из-за туши кита рисковать жизнью людей. И так построила нашего гарпунёра вся эта история, что жалко было смотреть на него.

Вдруг он улыбнулся, сунул бинокль в футляр и с довольным видом стал потирать свои большие пухлые руки.

— Ага! — закричал он. — Мы убьём оба зайца в один раз! Мы приведём кита, и шхуна не потонет. Вот как!

Мы сперва не поняли, что он надумал, и со всех сторон надели на него с вопросами. А он хитро улыбался, точно знал какой-то секрет и не хотел поделиться с нами. Выждав с полминуты, он расхохотался и заговорил торопливо:

— Почему ей тонуть? Потому что лежит на борту? Так? Ну, а мы не дадим ей валиться на борт, вот и всё! А! — смеялся он. — Вы не знаете как? Ну вам простительно, вы мало плавали. Откуда вам знать такие вещи. А я плавал много. О, Кнут Нордендаль много плавал, много видел и много знает. Наш кит нам поможет. Вот кто. Мы привяжем его к шхуне с другого борта. Он не маленький, наш кит. Он весит семьдесят тонн. Он не даст ей опрокинуться. Нужно только привязать его хорошо. Вот и всё!

И всем нам сразу стало ясно, что гарпунёр прав.

Михаил Михайлович тут же дал команду. «Партизан» повернул прямо на кита, а Кнут Иванович отобрал пятерых самых ловких матросов и стал вместе с ними готовить шлюпку.

Полчаса спустя мы подошли к киту. Надев пробковые нагрудники, пятеро смельчаков спустили шлюпку, обмотали кита цепями вокруг хвоста и вокруг плавников, подвели его к борту шхуны и крепко

привязали стальными концами. Теперь сколько бы воды ни набрала «Крестьянка» — тяжёлая туша кита всё равно не дала бы ей опрокинуться.

Восемь часов спустя мы вошли в бухту Олюторскую, ведя на буксире кита и шхуну. Тут, в Олюторской, стояла наша китобойная база — огромный, как город, пароход «Камчадал». К нему на палубу за хвост подняли нашего кита и тут же принялись разделять огромную тушу. Ножам, похожими на хоккейные клюшки, резали кита на куски, забрасывали их в горловины огромных мясорубок, а внизу, глубоко под палубой, в больших паровых котлах вытапливали китовый жир.

А «Крестьянка» стояла под бортом у «Камчадала», и паровой насос быстро откачивал из неё воду. Прямо на глазах шхуна теряла крен и поднималась из воды.

Вечером в большой столовой «Камчадала» и мы и моряки с «Крестьянки» — все вместе сидели за столом и ели вкусное жаркое, приготовленное из китового мяса. А потом мы снова собрались в своей кают-компании и принялись за прерванный рапорт. К празднику он опоздал. Но зато мы написали в телеграмме уже о шестидесяти четырёх китах и, конечно, не забыли сообщить о том, что гарпунёр, Кнут Нордендаль, иностранный специалист, объявил себя ударником.

КОСТЯНАЯ КОРОБОЧКА

Два дня пароход «Коряк» простоял в Петропавловске, разгрузился, поднял якорь и пошёл дальше на север.

Погода стояла бурная. Те немногие пассажиры, которые остались на судне, сразу слегли от морской болезни, и я думал, что до Олюторки, куда я добирался по служебным делам, не сжем будет и словом перекинуться.

К счастью, я ошибся. Поздно вечером, заглянув в кают-компанию, я заметил там незнакомого пассажира. Заложив ногу на ногу, он сидел, чуть покачиваясь, в капитанском кресле и дымил душистым табаком.

По столу ползала мягкая шляпа. Рыжая канадская куртка, подбитая белой стриженной овчиной, в такт размахам судна качалась на вешалке.

Я поздоровался, уселся напротив и закурил свою трубку.

Так мы просидели несколько минут, дымя и разглядывая друг друга. Лампа, привинченная к потолку, хорошо освещала наши лица.

На вид незнакомцу можно было дать лет тридцать шесть или немного больше. Ранняя седина чуть пробивалась на его висках. Он был тщательно выбрит, только тёмные усики топорщились над губой.

В том, что он русский и в этих местах не в первый раз, я не сомневался ни минуты. Но я мог бы поспорить на что угодно, что он долго прожил за границей. И не в костюме тут было дело. В манере держаться, в лице, в движениях от долгого пребывания в чужой стране всегда остаются едва уловимые, но прочные следы.

Обычно я легко угадываю профессию незнакомо-го человека. Но тут я стал в тупик. Так сидеть, как сидел он в девятибалльный шторм на валком, маленьком парходике, мог только моряк. Но моряк никогда не надел бы шерстяные гетры, клетчатые бриджи и горные ботинки с «триконями».

Навязывать разговор незнакомцу мне не хотелось. Игра в молчанки тоже надоела, и я решил уйти. Я и ушёл бы, так и не заговорив с ним, но, поднимаясь, я выронил маленькую коробочку, в которой держал табак.

В это время пароход сильно качнуло. Коробочка скользнула по палубе и, описав сложную кривую, оказалась прямо у ног незнакомца. Он, не вставая, протянул руку, поймал мою коробочку и уже хотел подать её мне, но вдруг задержал руку и, пристально посмотрев мне в глаза, сказал:

— Продайте мне эту вещицу. А? Вам она не так уж нужна. Мне, право, нужнее, чем вам. Это моя коробочка. Лет... — он задумался на секунду, — лет пятнадцать назад я потерял её...

Коробочкой этой я совсем не дорожил. Она досталась мне случайно от знакомого моряка, а тот нашёл её среди обломков американской шхуны, прибитых к берегу.

Таких коробочек сколько угодно на севере. Местные жители искусно делают их из клыков моржа. И стоят они гроши. Единственно, что отличало мою коробочку от тысяч ей подобных, была надпись на английском языке и простенький рисунок, не очень тщательно выжженный на крышке.

При некотором напряжении фантазии на рисунке можно было разобрать поварской колпак, а надпись в переводе означала: «Кухонная соль не сделает повара старой солью».

Это непереводаемая игра слов. «Старой солью» англичане называют бывалых моряков. Это, примерно, то же, что по-нашему «морской волк».

— Ну что ж, — сказал я, — идёт. Только вот как насчёт цены?

— А сколько же вы хотите?

Я помолчал, будто прикидывая и не решаясь назвать цену.

— Вот так, — сказал я наконец. — Вы расскажете мне историю этой коробочки. Это и будет ценой. Устроит вас?

— Дороговато, — сказал незнакомец. — Я не очень люблю вспоминать об этом. Но пусть будет по-вашему. Ночи теперь длинные, а днём всё равно нечего делать. Пойдёмте ко мне, я расскажу, как это было.

— Для начала давайте познакомимся, — сказал он, когда мы пришли в его каюту. — Скалкин Пётр Петрович. — Он протянул мне большую крепкую руку.

Я пожал её и назвалса. Пётр Петрович предложил мне кресло, сам уселся на складном стуле, закурил и начал свой рассказ.

— Сейчас я горный инженер-разведчик. А в то

время плавал поварёнком на шхуне и мечтал стать капитаном. Ничего не вышло из этого, но я, признаться, и не жалею. О море хорошо мечтать, сидя на берегу, особенно в такую вот погоду. Вы слышали о Свенсоне? — спросил он неожиданно.

В Норвегии я знал многих Свенсонов. Там фамилия Свенсон встречается не реже, чем у нас Иванов. Я так и ответил.

— Нет-нет, — перебил меня Скалкин. — Те Свенсоны в Норвегии, бог с ними. Здешнего, дальневосточного Свенсона, не приходилось вам знать?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну, не беда, — сказал Скалкин, — тут, на побережье, вы ещё не раз услышите о нём. Здесь его и сейчас помнят. Он тоже, конечно, норвежец, но в Норвегии никогда не бывал. Родился он где-то на Аляске, считался американцем, а в этих местах проплавал лет двадцать пять и нажил миллионы.

Он вёл здесь торговлю, этот Свенсон. Это называлось торговлей, а на самом деле это был настоящий грабёж. Старый мошенник обирал доверчивых чукчей и камчадалов, но, что и говорить, делал он это ловко.

Он не один здесь пиратствовал каждое лето. Как мухи на мёд, слетались сюда торгаши-авантюристы. Другие держали тут склады, фактории, магазины. У Свенсона ничего этого не было. Вместо приказчиков служили ему шаманы и здешние кулаки. Деньгами он не любил платить, платил водкой. Скупал шкуры и кость, вот такие коробочки тоже скупал. Они хорошо шли в Америке, и барыши у старика получались неплохие: за бутылку водки он иногда выручал раз в сто больше, чем платил.

Возил он сюда и ружья и на этом деле тоже умел неплохо набивать карман. Хорошее ружьё охотник здесь ценит, бережёт, уважает. Иной «винчестер» всю

жизнь служил бы хозяину. А Свенсон так поставил дело, что каждый год охотники покупали новые винтовки. Старик никогда не привозил патронов для прошлогодней партии оружия, и тому, кто хотел запастись зарядами, волей-неволей приходилось покупать новое ружьё. Водку старик никогда не отпускал в долг. А оружие раздавал охотно, но потом за долги отбирал по дешёвке лучшие шкуры.

При всём том его, пожалуй, даже любили здесь. На вид он был человек добродушный, простой, большой и сильный, как медведь. Такой памяти, как у него, я не встречал больше ни разу. Всех покупателей знал он по имени, здоровался с ними за руку, ходил в гости, пил с ними чай и ром, таскал на руках их ребят и говорил на всех языках побережья.

Я с ним познакомился в Петропавловске. Мне тогда исполнилось 17 лет. На Западе в то время шла война, а здесь у нас купцы, как в мирное время, сколачивали свои миллионы. Отец у меня пропал без вести на фронте, мать умерла от рака, и я один остался во Владивостоке. Весной предложили мне ехать на рыбные промыслы на Камчатку. Лето я проработал, а когда дело дошло до расчёта, оказалось, что мне и домой добраться не на что. Тут я узнал, что на шхуну «Золотой лосось» нужен помощник повара. Понятно, я бегом помчался туда.

Вот так и познакомились мы со Свенсоном. По-русски он говорил хорошо. Он расспросил меня об отце, о матери, о том, как я жил прежде, пощупал мои

мускулы, хлопнул по спине и сказал, что я могу оставаться на шхуне. В тот же вечер я принёс на «Лосося» свой сундучок и пошёл на камбуз чистить картошку.

Народ на «Лососе» плывал отчаянный — настоящие головорезы, но старик умел держать их в руках и заставлял работать тоже умел. Сам он был отличным моряком, не боялся никакой работы и что бы мы ни делали, всегда подгонял нас. При этом он любил говорить, что хороший моряк рано или поздно станет капитаном.

Среди нас были и итальянцы и шведы, но говорили на «Лососе» по-английски, и я за полгода выучился языку. Стряпать я тоже выучился, но не сразу, конечно. Дело это нехитрое, но и к нему нужно привыкнуть. Вот, видите? — Скалкин потрогал маленький шрам над левой бровью. — Это память о моей первой каше.

Это было в начале моего первого плавания. Я мыл посуду на камбузе. Наш старший повар зашёл ко мне и приказал на завтрак сварить саго. Утром, ещё до рассвета, я затопил плиту, насыпал полкастрюли крупы, залил водой и поставил на огонь. Как только вода разогрелась, крупа через край полезла из моей кастрюли. Я взял большую ложку, выплеснул полкастрюли за борт и долил воды. Минуты не прошло, каша снова полезла через край, и пришлось ещё полкастрюли отправлять рыбам на завтрак. Когда я в третий раз проделал эту нехитрую операцию, кто-то сзади так ударил меня по левому уху, что я потерял сознание и рассек висок о край плиты.

Когда я очнулся, надо мной стоял Свенсон. Он осмотрел мою рану, промыл, заклеил липким пластырем и, похлопав меня по плечу, сказал добродушно:

«Пустяки, Пит, это будет на память о том, как нужно беречь добро...»

И я не обиделся на старика, вот, честное слово, не обиделся.

Были, конечно, и другие приключения в моей нехитрой работе. Но, так или иначе, довольно скоро я научился готовить лучше нашего повара, и Свенсон сам не раз хвалил меня за стряпню. По утрам, когда я варил кофе для команды, он частенько приходил на камбуз. Он любил сам поджаривать хлеб себе на завтрак и тут заодно философствовал, учил меня жить и рассказывал о своей беспокойной молодости. Тут, на камбузе, я в первый раз и услышал о том, что «кухонная соль не сделает повара старой солью». Мне, конечно, было обидно. Я мечтал о капитанских нашивках, спал и видел себя «старой солью» и как-то даже попросил хозяина поставить меня вместо заболевшего матроса. Но старик уже привык к моей стряпне, и я остался поварёнком.

Для этой должности я был слишком велик ростом и слишком силён. Матросы посмеивались надо мной, они прозвали меня «Миссис Скалки» и как-то раз, отобрав мою коробочку, раскалённым гвоздём выжгли на крышке пословицу. Это случилось в открытом море. Другой коробочки достать было негде. Так она и осталась при мне до того самого дня, когда «Золотой лосось» пошёл ко дну.

В Приморье уже шла гражданская война, а мы по-прежнему торговали. В тот раз, погрузившись в Сан-Франциско, мы шли к берегам Северной Камчатки. В трюмах «Золотого лосося» лежало тонн пять охотничьего пороха, ружья, патроны, ножи, спирт, керосин в жестяных бидонах и много другого добра.

Мы держали курс на Олюторскую. На этот раз старик с неё решил начать «обход своих владений», как он называл эти рейсы.

Двадцать девятого мая, как сейчас помню, я встал пораньше, чтобы испечь хлеб, вышел из кубрика и,

едва ступив на палубу, поскользнулся и чуть не свалился. Зажёг свет. Вся палуба от носа до кормы была залита чёрной вонючей жижей. Это механики ночью перекачивали горючее и разлили нефть по палубе. Мне-то было всё равно — не мне убирать, но я заранее представил, как будет ворчать старик.

Я не ошибся. Пока я месил тесто, Свенсон вылез из своей каюты и пришёл ко мне. Он был в скверном настроении и, пока возился со своим хлебом, всё время ворчал о бездельниках, о неряхах и о том, что палуба на корабле — святое место.

На «Лососе» все, кроме вахтенных, спали. Стоял полный штиль. Море кругом лежало удивительно спокойное, и прямо из моря вставало огромное красное солнце.

Старик загляделся, а заглядеться было на что — восходы в тех местах красивы необычайно, уж я-то насмотрелся на них. Он забыл про свою сковородку. Вдруг масло вспыхнуло, камбуз сразу осветился. Старик выругался и через дверь швырнул сковородку прямо за борт.

В камбузе сразу стало ещё темнее, а секунду спустя на левом борту вспыхнуло жёлтое пламя. Должно быть, горящие капли упали со сковороды и нефть на палубе загорелась сразу в нескольких местах. Огонь быстро разбежался во все стороны. Я сразу понял, какая опасность нам угрожает, и, признаться, струсил не на шутку. Каждую секунду огонь мог добраться до трюма, где у нас лежал порох, а тогда всем нам пришлось бы не сладко. Мне стало не по себе.

А Свенсон был удивительно спокоен: он, сторонясь от огня, подошёл к колоколу и пробил пожарную тревогу. Команда высыпала на палубу. Люди одевались на ходу и смотрели, как жёлто-красные языки огня подбираются к трюмам. Механик выскочил из машины с огнетушителем в руках. Вся палуба уже пылала,

и он всё примеривался, откуда начинать тушить пожар. Он нелепо прыгал, прицеливаясь то туда, то сюда, и не знал, на что решиться.

Свенсон посмотрел на него и расхохотался. Он-то мог смеяться. На «Лососе» стоял катер с керосиновым мотором, и в такую погоду ничего не стоило добраться на нём до берега. А то, что сгорит судно, ничуть не беспокоило старика. И шхуна, и груз, и даже будущие прибыли были надёжно застрахованы Свенсоном, и он ничего не терял от пожара.

Нам было хуже: у каждого в сундучке лежали тоненькие пачки долларов — всё наше богатство, заработанное в этих плаваниях. Мы знали, что их-то уж никто не вернёт нам, когда пойдёт ко дну «Лосось». Все сразу вспомнили о деньгах, и кто-то уже бросился в кубрик, но Свенсон рявкнул так, что никто не посмел уйти с палубы.

Старик приказал спускать катер, а механику крикнул:

«Бросьте, чиф, поздно!»

На «Лососе» всегда работали быстро. На этот раз страх подгонял людей, а Свенсон одним взглядом своих холодных глаз удерживал людей от паники. Минуты не прошло — катер уже качался под бортом. Свенсон взглянул на меня и движением головы показал — прыгай, мол! Повторять ему не пришлось — я первый прыгнул на катер и только тут, оказавшись в безопасности, почувствовал, как мне страшно. Захотелось закурить. Я пошарил по карманам и вспомнил о своей коробочке. Она осталась на судне. О том, чтобы возвращаться за ней, не могло быть и речи. Тут я вспомнил рисунок и надпись. «Кухонная соль», — подумал я о себе и почувствовал, как краска заливает моё лицо.

Один за другим вся команда перебралась на катер. Старик, как и положено, спрыгнул последним и прика-

зал подальше отходить от шхуны. Матросы отпихнулись баграми, и катер, медленно двигаясь, стал отходить от горящего судна.

Механик возился с двигателем. Вдруг он побледнел, обнаружив, что на катере нет ни бутылки горючего. Как это случилось — я до сих пор не понимаю. Но в то время о том, как это случилось, никто из нас не думал. Мы все с тревогой думали о том, чем это кончится.

Положение сложилось незавидное. Охотское море — море коварное. Штили здесь подолгу не бывают, а в шторм на маленьком катере, лишённом управления, продержались бы мы недолго.

Когда Свенсон осознал это, он медленно, как медведь, не говоря ни слова, стал наступать на механика, в упор глядя на него своими жёсткими серыми глазами. Механик встал навтыжку, опустив руки по швам, и бледный как снег ждал своей участи. Остальные расступились, расчистив для старика дорогу.

Наконец, подступив на полшага, Свенсон левым кулаком снизу вверх быстрым движением ударил механика в глаз, а правой рукой в то же мгновение схватил его за горло. При этом он захрипел так, словно не он душил, а его душили.

Мы все поняли — ещё секунда, и механик навсегда перестанет дышать. Но никто не сдвинулся с места. Старика боялись...

И вот тогда неожиданная удасть накатила на меня. Я бросился к Свенсону, толкнул его так, что, пошатнувшись, он выпустил горло механика и сел на банку. Сорвав куртку, я сунул её в руки старику и, прежде чем кто-нибудь успел сказать слово, сбросил с ног деревянные туфли-колодки и вниз головой кинулся за борт.

В несколько взмахов я добрался до «Лосося». Вскрабкаться на палубу в то время для меня не

*Я ударил огнетушитель о палубу и песчаной струей промёл дорожку
сквозь пламя к фонарной кладовке.*

представляло никакой трудности. Оглянувшись, я заметил брошенный огнетушитель, подхватил его, ударил о палубу и песчаной струёй промёл дорожку сквозь пламя к фонарной кладовке. Я знал, что там в запаянных бидонах лежало килограммов триста керосина. Один за другим бидоны полетели в воду...

«Довольно! — кричали мне. — Хватит, иди назад!»

Но я не слушал. Я выбросил все, до последнего бидона. Потом я кинулся в кубрик и выбросил все сундучки, кроме тех, которые были прикованы к койкам. Когда я покончил и с этим, вся палуба уже пылала, как огромный костёр. Зажмурив глаза, я бросился к борту прямо через огонь. Я слышал, как затрещали в огне мои волосы, но тут же нашупал фальшборт, перевалился через него и оказался в воде. Секунду спустя глухой взрыв раскатился над морем. Мне показалось, что горячая волна окатила меня сзади. Я обернулся... «Лосося» не было на воде. Обломки и щепки всплывали из глубины. Некоторые ещё дымились...

Как я попал на катер, не помню. Когда я очнулся, матросы баграми вылавливали бидоны и сундучки. А Свенсон стоял надо мной. Он улыбался, точно ничего не случилось.

«Ну-ну, — сказал он, когда я открыл глаза. — Молодец, миссис Скалки. Теперь всё в порядке, и повар сделался моряком».

А мне стало страшно. Так страшно, как никогда ещё не бывало. У меня стучали зубы, всего меня трясло, как от холода. Я не мог смотреть на Свенсона, мне страшно было увидеть механика. И тут, наверное, я и решил расстаться и со Свенсоном и с морем.

Тогда без всяких приключений мы добрались до Олюторки. Там пожили на берегу, раскинув лагерь, как робинзоны, а через полтора месяца пришёл пароход и доставил нас в Сан-Франциско.

Свенсон уговаривал меня пойти с ним в новый рейс, но я отказался. Тогда старик, кряхтя, выдал моё жалованье, не прибавив ни копейки. Он только сказал на прощание:

«Ладно, Пит, я не в обиде на тебя. Когда подведёт живот, можешь вернуться ко мне. Для тебя всегда найдётся местечко, и скорее всего, матроса, а не повара».

К осени он снарядил новую шхуну. А я остался на берегу. Мне вскоре и в самом деле пришлось подтягивать пояс. Я голодал, но к Свенсону так и не пошёл. Я долго скитался по Америке, пробавляясь случайными заработками. Потом мне удалось зацепиться за нефтяные промыслы. Там дело пошло лучше, чем на море, и скоро я стал мастером на буровой. Потом я скопил немножко денег, сел пассажиром на пароход, добрался до Японии, а оттуда перебрался в Советский Союз. Вот и всё...

Я достал коробочку и протянул Скалкину.

— Возьмите, — сказал я, — и, если не секрет, скажите, каким ветром вас занесло опять в эти края?

— Да, я и забыл, — хватился Скалкин. — В тот раз возле нашего лагеря на берегу мы нашли чёрные поля, вроде асфальтовых мостовых. Тогда я не знал, что это такое, и удивлялся, глядя на старика. Он ножом отковыривал куски чёрной твёрдой, как камень, земли и рассовывал себе по карманам. Он никому не говорил, зачем ему это нужно. Но однажды утром, придя на камбуз жарить свой хлеб, он вслух размечтался о нефти... Ещё тогда я кое-что понял, и вот теперь еду проверить свои предположения.

...Мы разошлись под утро. На другой день Пётр Петрович с бригадой рабочих высадился на берег. Когда катер отвалил от борта, Скалкин помахал

мне рукой на прощание, и больше я его не видел. В Олюторке у меня было много всяких хлопот, а потом я просто забыл об этой встрече.

Но недавно, читая газеты, я узнал, что в тех местах начинают разведочное бурение на нефть. И мне сразу представился мой ночной собеседник. Вот тогда и вспомнил я свою костяную коробочку, а заодно и всю эту историю.

Б Е Л У Ш О Н О К

За лето на больших белух Васька вдоволь насмотрелся на промысле. А вот маленьких белушат ему ни разу не приходилось видеть, и, когда вместе с крупным зверем в невод попал белушонок, Васька очень обрадовался. Он стрелой помчался на берег, присел на корточки рядом с белушонком и стал его разглядывать.

Белушонок лежал у самой воды, неуклюже ворочался и шлёпал по песку плоским, широким хвостиком. Морда у него была тупая, рот беззубый, туловище круглое, вроде толстой морковки, а по бокам торчали два маленьких плавничка. В общем, был он похож на большую белуху. И кожа на нём была такая же — как облупленное крутое яйцо. Только у взрослых белух она и цветом, как крутое яйцо, а у белушонка чёрная, с синевой, как спелая слива.

Тут Васька понял, почему у белух другой раз бывают чёрные горбы. Это белушата сидят, прижавшись к спинам матерей.

Ваське стало жаль белушонка. Он погладил его и сказал ласковым баском:

— Эх ты, бедненький, куда же ты с большими-то полез? Гулял бы себе по морю...

Белушонок ничего не ответил, только вздохнул и моргнул узкими глазками.

Тем временем ловцы таскали зверя из невода. Вода возле берега бурлила и пенилась, как кипятилок на огне. Белухи — огромные звери — носились во все стороны, били широкими хвостами, налетали друг на друга, выскакивали из воды, ныряли, кувыркались, но уйти из невода не могли. Бросится белуха в одну сторону — тут берег. Повернёт назад, бросится в другую — там сеть.

Стоя по пояс в воде, ловцы накидывали верёвочные петли на широкие хвосты зверей, потом вдсятером, ухватившись за конец, тащили белуху на песок. Иную вытащат — она бьётся, шлёпает по песку хвостом, прыгает — подойти страшно. А другая лежит смиренно, как неживая, только изредка вздохнёт протяжно и ухнет, выпуская воздух из дыхала.

Наконец последнюю белуху вытащили на песок и сели тут же отдохнуть и покурить.

А Васька глянул на море и вдруг заметил, что рядом с опустевшим неводом плавает большая белуха. Он подошёл к старшему ловцу.

— Смотри-ка, дядя Антон, — сказал он. — Вон зверь у невода ходит. А ты говорил, что белуха невода боится.

— Зверь, говоришь? — Антон из-под руки глянул на море. — И то, зверь. Эй, ребята! — обернулся он к ловцам. — Несите-ка сельдяной невод, поймаем вон того зверя. Да живо!

Ловцы побежали за неводом, а Антон ещё раз поглядел на море и объяснил Ваське:

— Это того белушонка мамка. Вишь вот зверь, а детёнка своего не бросает. Боится она невода — как не бояться — а от белушонка ни-ни, не уйдёт.

Ловцы принесли невод, погрузили на лодку и, взявшись за вёсла, стали обмётывать одинокую белуху. Васька посмотрел на них и опять присел возле белушонка.

— Вот теперь и мамку твою за тебя поймают, — сказал он, — глупая твоя мамка: и тебя не уберегла и сама теперь попадётся. Не то что мой папка, мой — умный знаешь какой? Вон он на катере зверя караулит. — И Васька рукой показал на море.

Там, за полкилометра от берега, покачивались на волнах две большие низкие лодки с белушьими неводами и стройный высокий катер.

Белушонок опять промолчал, открыл только рот и чуть шевельнул плавничками.

Коротким неводом ловцы быстро окружили белуху и потянули к берегу. Она далась легко, только под конец забилась и выкинулась на песок чуть не до половины. Её за хвост повернули мордой к морю, вытянули ещё немного и оставили у самой воды.

Это была очень большая белуха — больше самого здорового быка. Она тяжело дышала, раздувая белые бока, и тоже моргала глазами.

Васька не очень вежливо ухватил белушонка за хвост и поволок по песку к пойманной белухе.

— Пойдём, я тебя к мамке отведу, — сказал он, — хоть напоследок друг на дружку посмотрите, прощаетесь.

Тут увидел он управляющего промыслом, вышедшего на берег.

— Пётр Ильич, — крикнул Васька, — гляньте, кто попался-то!

— А ты и рад, дурачок, — сказал управляющий. — Моя бы воля, я бы их всех отпустил, и больших и маленьких. Да ничего, брат, не поделаешь. Наша должность такая. Не таскай ты его, не мучай. Давай-ка лучше зверя сочтём. — И он принялся считать белух, лежавших на берегу. Их оказалось больше сотни. Потом управляющий пристально оглядел спокойное море и чистое небо, окинул глазом горизонт и тут заметил маленькое серое облачко.

— Придётся, ребята, зверя повыше поднять, — сказал он ловцам, — к вечеру как бы шторм не разыгрался. Смотрите, добычу не смыло бы.

— И то, — согласился Антон. — У меня с утра кости ломит. К погоде, не иначе. Да и чайки вон на воду не садятся... Давайте-ка, ребята, авралом.

Уставшие за день ловцы нехотя поднялись и стали оттаскивать белух подальше от берега. Звери были тяжёлые, а людей на промысле и без того не хватало. Чтобы убрать до вечера всех белух, приходилось с этим делом спешить. А тут как раз дежурный на вышке дал сигнал — поднял красный флаг на короткой мачте. Это означало, что показался зверь.

Васька поглядел на море. Там белые и чёрные горбы то и дело поднимались из воды и пропадали снова, и даже издали было понятно, что идёт большой косяк зверя.

А управляющий не на белух смотрел, а на катер. Он боялся, как бы зверя не прокараулили. Если солнце бьёт в глаза, белуху в море плохо видно.

— Эх, хорош косячок, — сказал управляющий. — Семён бы только не проворонил.

Васька услышал эти слова и обиделся за отца.

— Как же, проворонит, — сказал он. — Сами не провороньте, а папка вон катер заводит.

На катере и в самом деле завели мотор. Белый дымок показался за кормой. Катер двинулся с места,

сперва тихонько, потом, натянув буксиры, сразу рванулся вперёд и помчался, огибая косяк и таща на буксире обе лодки. С задней два человека белыми охापками сбрасывали за корму тяжёлый невод.

Почувяв недоброе, весь белуший косяк круто свернул в сторону. Но было уже поздно. Сеть зыбкой стеной встала на пути к открытому морю, и белухам невозможно было прорваться.

На берегу ловцы спешили, как могли, с уборкой, но дело всё равно шло медленно. Управляющий сам то и дело брался за лямку. Тут он вспомнил, что есть на промысле старая лошадь Машка. На ней возили дрова для кухни и воду с ключа.

— Эй, Васька, — крикнул управляющий, — полно тебе с белушонком играть, давай-ка работать!

— А чего делать-то? — спросил Васька.

— Вот сейчас Машку приведут, так ты садись на неё верхом да будешь белух возить. Ясно?

— А чего же, — согласился Васька, — это можно.

Он любил ездить на Машке верхом. Лошадь была послушная, и Васька легко с ней справлялся. Его посадили на лошадь, он взял в руки повод. Рабочие накинули лямку на хвост белухе, Машка тронула и не спеша потащила зверя.

— Эй, с дороги! — покрикивал Васька и подгонял лошадь.

А катер уже повернул к берегу. За ним длинной цепочкой лежали на воде полавки. И ни одна белуха не могла пройти под ними. Если бы огромный зверь ударил с ходу, он пробил бы невод, как паутину. Но белухи подплывали поближе к сетке и, увидев белые ровные клетки, так пугались, что, разом повернув, торопились уйти подальше от страшного невода. А невод стягивался крутой дугой и вот-вот должен был совсем закрыть зверю дорогу к морю. Похоже было, что на этот раз косяк не уйдёт.

На берегу работа остановилась. Ловцы смотрели на невод и гадали, сколько белух вытянут на этот раз. Сказать этого пока никто не мог, но видно было, что зверя попало очень много.

Испуганные белухи забились, подняли брызги. Вода в неводе забурлила, побелела и глухо зашумела, словно где-то неподалёку гремел водопад.

Как раз в это время Васька подъехал к матери белушонка, и Антон набросил ей на хвост петлю. И, если бы Васька сразу тронул лошадь, наверное, ничего бы и не случилось. Но он решил напоследок ещё поговорить с белушонком. Он подъехал к нему поближе и сказал:

— Ну, прощайся со своей мамкой. Теперь я её прямо на завод свезу...

Тут на берег накатилась небольшая волна. И то ли испугалась Машка, то ли не хотела ноги мочить, только она попятилась задом и наступила на хвост белухе. Та рванулась и, почуввав под собой воду, собралась с силами, вся изогнулась, как рыба, сильно отпихнулась хвостом и сразу оказалась в море.

Лямка была длинная. Прежде чем Васька опомнился, белуха уже далеко отплыла от берега. Она с разгона так дёрнула лямку, что лошадь от неожиданности села на задние ноги и сползла в воду. Она тут же попыталась встать, но под водой песок жидкий, как кисель.

Машка не удержалась, сползла ещё глубже, а секунду спустя только голова лошади осталась над волнами.

Машка отчаянно билась. Глаза её налились кровью, ноги работали, как пароходные колёса, но как ни старалась, не могла она справиться с белухой. Та повернула в открытое море и понеслась вперёд. Она шлёпала хвостом, глубоко ныряла и снова поднималась из воды, чтобы вздохнуть.

Лошадь вместе с Васькой тащилась за ней, как на буксире.

На берегу, завидев это, ахнули. А Васька даже и не заметил, как всё это произошло. Он только схватился покрепче за шею лошади и что есть силы прижался к ней. Секунду спустя он понял, что белуха тащит их в открытое море, сжал Машкину шею ещё крепче и отчаянно закричал:

— Папка, тону!

Он бы, наверное, и ещё раз позвал отца. Но тут горькая вода набралась ему в рот, он захлебнулся, цветные круги закружились перед его глазами, и всё пропало... Он уже не видел и не слышал ничего, но по-прежнему, как клещами, сжимал ручонками шею лошади.

А невод уже притонили. Катеру осталось пройти метров двести. Уже вышел на нос матрос, чтобы

бросить конец верёвки на берег. Но, как только белуха потащила Ваську, рулевой, заметивший его, круто отвернул катер от берега, наперерез зверю.

— Руби конец! — приказал Семён матросу. А сам выхватил бинокль из футляра и быстро глянул на море, на берег, на невод.

До берега и так было рукой подать, а в бинокль он показался ещё ближе. В неводе билось сотни три жирных, крупных белух. Та белуха повернула и пошла вдоль берега. А Васька по-прежнему крепко держался за шею лошади.

«Успею!» — решил Семён.

Матрос уже замахнулся топором, но Семён ему под руку крикнул так, что услышали даже на берегу:

— Стоп, не трогать невод!

На секунду показалось всем, что Семён хватился поздно. Топор блеснул на солнце и с глухим стуком

ударил по канату. И все ждали, что вот разлетится пополам канат и зверь лавиной пойдёт в море из невода. Но ничего не случилось. Матрос в последнее мгновение успел вывернуть топор, и он ударил по канату плашмя.

В ту же секунду Семён бросился к рулевому.

— Лево на борт! — крикнул он.

— Есть лево на борт! — откликнулся рулевой и перекатал рулевое колесо. Катер рыскнул кормой и круто свернул к берегу.

— Ничего, ребята, поспеем! — сказал Семён так, словно просил прощения у команды катера. — Поспеем, вот увидите. Держи конец! — крикнул он тут же и сам кинул на берег выброску.

На берегу подхватили её, выбрали конец каната и всем народом взялись тянуть крыло невода к берегу. Потом заложили канат на ворот, и работа пошла ещё быстрее. Широкий полукруг, образованный неводом, с каждой секундой становился уже, и вода внутри него кипела и пенилась от бешеной толчеи зверя.

— Смотри, Антон, не упусти! — крикнул Семён и, оттолкнув рулевого, сам встал к штурвалу. — Давай самый полный! — скомандовал он в переговорную трубку. — Самый полный, слышишь!

Мотор фыркнул и загудел с надрывом. Белый дым повалил из выхлопной трубы. Катер взмылил воду за кормой и понёсся следом за той белухой.

Все, кто был на берегу, с волнением следили за этой удивительной гонкой. Ни Васьки, ни Машки с берега не было видно. Только маленькая чёрная точка бежала по воде, и никто не знал, жив ли ещё Васька.

— Пропал Васятка, — сказал кто-то из рабочих.

— Не пропадёт, парень крепкий, — отозвался другой.

— Да много ли мальчонке нужно? Глотнет воды разок, и всё тут...

— Вот белуха, зверь глупый, — сказал Антон, — а и та, гляди-ка, за детёнышем на смерть идёт. А он невод сперва привёл, а потом сына пошёл выручать. Выходит, зверь детёныша больше нашего любит. Так, что ли?

— Не дело болтаешь, Антон, — перебил управляющий. — Белуха зверь глупый, это ты верно сказал. А у Семёна расчёт. На то он и человек. Спасёт он сына, не бойся, только бы руки не отпустил...

Катер нёсся, не сбавляя хода. Расстояние между ним и белухой быстро сокращалось. Семён передал штурвал рулевому, а сам опять взялся за бинокль.

Васька держался крепко. Когда подоспел катер и белуху вместе с лошадей взяли на буксир, мальчика насилу оторвали от Машкиной шеи. Он весь побелел, глаза у него закатились, а заочевенные синие пальцы никак не хотели разгибаться.

Отец взял Ваську на руки и отнёс в свою каюту. Там он раздел его, положил на койку, растёр сухим шарфом и стал делать ему искусственное дыхание. Он разводил сыну руки, сильно нажимал на живот, снова разводил руки...

Наконец Васька вздохнул. Потом его вырвало горькой водой, он закашлялся, открыл глаза и порозовел немножко.

— Папка, тону, — прохрипел он и опять забылся.

Катер причалил к берегу. Лошадь и белуху вытащили на песок. Машка стояла как вкопанная и прядала ушами. А белуха долго билась на берегу. Рабочие поохали, покричали, а потом все опять принялись за зверя.

Только к самой ночи убрали всю добычу. На этот раз попало двести восемьдесят штук.

Всю ночь работал завод. К утру больше половины добычи успели разделать, а утром, в шесть часов, завод закричал тонким гудком, и Васька проснулся.

— Папка, тону, — прошептал он спросонья, но сообразил, что уже не тонет, и, увидев отца, который за столом пил чай, спросил: — Папка, а Машка утонула?

— Все живы, и Машка жива, — ответил отец.

БУТЫЛКА С „КРАСНОГО ЯКУТА“

Китобойная флотилия, продвигаясь на северо-запад, шла во Владивосток. Позади остались просторы Тихого океана, узкая дорожка Панамского канала, бурная Атлантика. Двадцать пять тысяч пройденных миль лежали за кормой, а впереди, совсем уже недалеко, ждали моряков родные берега.

Флотилия шла строем: впереди «Камчадал» — огромный пароход-завод, за ним, как утята за уткой, три маленьких китобойца.

От восхода до заката в наблюдательных бочках, на мачтах китобойцев, стояли самые глазастые моряки. Они внимательно оглядывали невысокие волны, стараясь отыскать фонтаны китов, но океан, зелёный, как раствор купороса, давно уже не радовал глаз китобоев. От горизонта до горизонта расстирался он однообразной пустыней. В этот день так ничего и не увидели...

С утра влажная духота стояла над океаном. Тропическое солнце жгло нещадно. На палубе доски лопались от жары, пузырями вздувалась краска. Днём мало кто по своей охоте оставался на палубе, зато, едва зашло солнце, вытащив из кают тюфяки, матросы, кочегары, мясники и салотопы устроили на палубе парохода сплошную ночлежку. Жарко было и тут. Но тут хоть иногда пролетал над головами людей короткий порыв ветерка, и люди вздыхали с облегчением.

Ночь стояла тихая и тёмная. За кормой в лёгком тумане светились огоньки китобойцев. Всё шло как надо, по-хорошему... И вдруг страшный взрыв, раздавшийся где-то на корме, разбудил команду «Камчадала».

Спросонья люди не знали, за что приниматься. Одни с тюфяками в руках торопились в каюты, другие тащили добро на палубу. Одни спешили на корму, другие бежали на нос. Цепляясь босыми ногами за снасти, люди падали, налетали в темноте друг на друга...

— Крюйт-камера взорвалась! Котёл рвануло! На старую мину напоролись!

Эти новости, неизвестно откуда рождавшиеся, мгновенно облетали всё судно и сейчас же умирали, уступив место другим.

Что случилось на самом деле, никто не знал, и многие невольно ждали, что вот-вот раздастся ещё взрыв.

Среди прочих был на «Камчадале» матрос, по фамилии Убейволк, а по прозвищу Задерикоза. Он первым оказался возле спасательной шлюпки, сорвал брезент и, свесившись со шлюпочной палубы, завопил не своим голосом:

— Ребята, шлюпки спускай!

Второй раз крикнуть ему не пришлось. Рядом с Задерикозой откуда-то из темноты появился капитан. Он сложил руки рупором и голосом, привыкшим отдавать команду, властно крикнул:

— Не было тревоги! Прекратить панику!

Этот окрик, как холодный душ, подействовал на встревоженных людей. Сразу стихло на палубе и стало слышно, как бултыхает винт за кормой и пытит в глубине парохода машина.

Кто-то догадался включить освещение. Вспыхнули лампы. Яркий свет залил палубу, осветил скомканные

белые простыни, как снег лежавшие на палубе, сбитые полосатые тюфяки, полураздетых людей, смущённо поглядывающих друг на друга.

Потом открылась машинная дверь, и старший механик, длинный, чуть сгорбленный, весь потный от жары, с руганью вышел на палубу.

— Немцы хитрецы, — закричал он, отыскав глазами капитана, — луну, говорят, придумали, а порядочного баллона сделать не могут. Вон, понюхайте, аромат какой.

В то же мгновение все, кто был наверху, ясно ощутили резкий запах нашатырного спирта. Он быстро расплывался над палубой. И сразу всё стало ясно: взорвался большой баллон с аммиаком в холодильной камере.

Холодильник ставили в Германии, по дороге, и теперь механик ругал немцев.

Ночная тревога, поднявшая на ноги экипаж, оказалась сущим пустяком. Люди, успокоившиеся и немножко сконфуженные, отыскивали свои тюфяки и не спеша укладывались досыпать ночь. Со шлюпочной палубы, воровато озираясь, спускался Задерико-коза.

— Шлюпки-то будем готовить или подождём? — спросил боцман, встретившись с матросом на трапе.

Внизу расхохотались. Но Задерикокоза будто и не заметил шутки.

— Шлюпки — это первое дело, — важно сказал он. — У меня тоже был случай: налетели мы на мину. И вот, как у нас — паника, капитан струсил, голову потёрал. Пробоина — что твои ворота, судно тонет. Так бы и пошли рыб кормить. Да спасибо я не растерялся: сразу к шлюпкам, распорядился как следует, по порядку. Вот тем только и спаслись.

Задерикокоза врал до рассвета. А утром прямо из океана поднялось жаркое солнце, и тысячи весёлых

зайчиков забегали по бортам, по надстройкам, по мачтам. О ночной тревоге скоро забыли, но прошёл ещё день, и пришлось вспомнить о ней.

Только сели за стол в большой кают-компании «Камчадала», вошёл завпрод, перепачканный мукой, и, позванивая связкой ключей, болтавшихся на пальце, подошёл к капитану.

— Беда, Иннокентий Иванович, — сказал он громким шёпотом, — в холодильнике жара, как в духовке. Запасных баллонов нет, холод ушёл, и хотите верьте, хотите нет: всё мясо тронулось. Что теперь и делать, не знаю.

— Не было печали, — сердито сказал капитан и отодвинул тарелку. — Раз тронулось — за борт его. Что же тут ещё поделаешь? Нечего заразу разводить. Вы уж сами и распорядитесь, Николай Иванович, обедают люди, и сразу, авралом...

После обеда завпрод выкликнул охотников. Их нашлось больше чем нужно. Ходить за продуктами в холодильник все любили на «Камчадале». Там было холодно, как зимой. На тонких трубочках, змейками тянувшихся по стенам, рос белый иней. Тут после тропического зноя палубы всегда можно было отдышаться, можно было смахнуть рукой пушистый снежок с морозильной трубки и холодной ладонью провести по уставшему от зноя лицу.

Но теперь иней растаял. На трубках висели грязные жёлтые капли. В холодильнике стало душно, как в заброшенном погребе, пахло кислыми яблоками, испортившимся мясом и какими-то грибами.

— Беда, — сказал завпрод, окинув глазами свои владения. Сокрушённо покачав головой, он показал глазами на мясо, висевшее вдоль стенки, и добавил грустно: — Ну что же, ребята, давайте...

Матросы снимали с крючьев обмякшие, покрывшиеся серым налётом бараньи тушки, большие куски

мяса, свиные окорока... Взвалив на спины тяжёлую ношу, они выбегали на палубу и складывали у фальшборта груды добра.

Завпрод ещё раз посмотрел на свои пропавшие запасы, потрогал мясо пальцами, понюхал и, вздохнув, сказал, наконец:

— Вали за борт...

Кому-кому, а завпроду было от чего расстроиться. В Гонолулу, где в последний раз стояла флотилия, завпрод по дешёвке купил много мяса и надеялся, что хватит до конца рейса. А тут, раз такое дело, снова придётся придумывать, чем кормить команду...

Тяжёлые куски полетели за борт.

Как раз в это время подбежал Задерикоза с тушей барашка на плечах. Он сбросил барашка прямо за борт в воду. Туша плюхнулась, подняв брызги, и стала медленно тонуть. Вдруг рядом с барашком появилось в глубине длинное светлое пятно. Барашек рванулся в сторону и пропал.

Приглядевшись, все, кто стоял у борта, увидели небольшую стайку огромных коричневых рыб. Они плыли за «Камчадалом», обгоняя друг друга, рыская острыми носами, как собаки, бегущие по следу. Когда мясо падало в воду, перевернувшись кверху белыми животами, они хватали кусок и, вырывая друг у друга, торопились в сторону.

— Акулы! — крикнул кто-то, и к борту со всех сторон стал сбегаться народ.

Задерикоза метнулся было в сторону, но, увидев, что ничего страшного нет, тоже протолкался поближе к борту.

— Позапрошлый год мы пароход из Америки гнали, — принялся он рассказывать. — В море у нас машина испортилась. Пришлось стоять двое суток. Тогда вот тоже акулы кругом ходили. А я взял нож и пошёл купаться. В один день четыре штуки заколол.

Три-то маленькие, метра по полтора, а одна здоровенная попалась, метра три, а то и побольше...

— Да ты, оказывается, герой! — сказал боцман.

Но Задерикоza сразу заскромничал:

— А никакого геройства тут нет. Тут только смелость нужна. Я бы хоть сейчас с ними пошёл воевать, да капитан пароход не остановит...

— А зачем останавливать. Мы тебе акулу на палубу доставим, а ты нам покажи, как с ними расправляешься!

— Так это не то, это же плёвое дело. И не интересно даже, — сказал Задерикоza.

Но остальным затея понравилась. Боцман притащил из кладовки кусок стального троса, механик послал свободного от вахты кочегара отковать крючок. Через четверть часа тот принёс своё изделие: здоровенный крюк в палец толщиной. На одном его конце была загнута небольшая петля, на другом — зарублена бородка, как на гарпуне.

Крюк привязали к концу троса, насадили на него кусок мяса. Боцман осмотрел крючок и наживку, плюнул на неё, как в детстве плевал на червяка.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая! — сказал он и закинул удочку.

Акулы разом бросились на наживку. Та, что была ближе всех, уже нацелилась, но другая вынырнула из глубины и, опередив остальных, проглотила мясо вместе с крючком.

Трос натянулся. Двое матросов, державших его, поехали по железной палубе, как по катку. Боцман восьмёркой набросил конец троса на кнехты. Акула забилась, метнулась, нырнула в сторону. Но вдруг канат ослаб и завился кольцами.

— Сорвалась! — с досадой сказал боцман и потянул трос на палубу.

Когда поднялся из воды конец удочки, все увиде-

ли, во что превратился крюк: вместо него болтался привязанный к тросу прямой железный прут. Акула разогнула крюк как булавку.

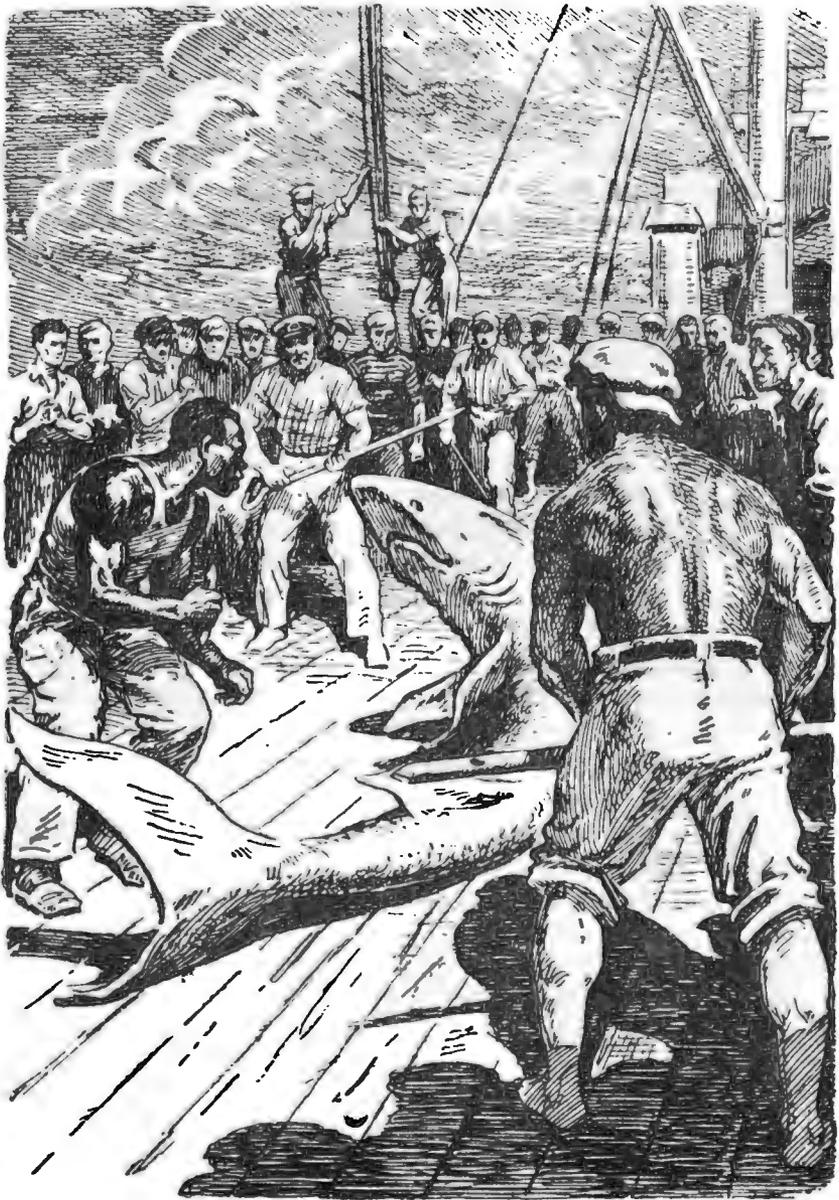
— Ну, Задерикоза, придётся тебе повоевать. Рыбёшка-то, оказывается, не больно тихая, — засмеялся механик. — Поди-ка, Вася, в машинную кладовку, там на нижней полке прутковая сталь есть, скажи, я велел, да из неё и откуй. Да закалить не забудь! — крикнул он вдогонку кочегару.

Пока в машине ковали новый крючок, люди продолжали таскать мясо из холодильника. Но теперь его не сбрасывали за борт, а складывали тут же на палубе для наживки. Неожиданная забава увлекла всех моряков. Даже капитан и тот спустился с мостика и, улыбаясь, смотрел на рыболовов.

Наконец принесли новый крючок. Боцман ударил им о железную стойку, и крючок зазвенел, как хороший топор.

Снова наживили, снова закинули удочку. На этот раз акуле не удалось разогнуть крючка. Взявшись всей командой, огромную рыбину подняли на борт. Перевалившись через поручни, она сорвалась с крючка и стала неистово биться на палубе. Огромная пасть, полная острых зубов, то и дело открывалась и закрывалась. Хищные круглые зелёные, как у кошки, глазки злобно смотрели по сторонам, словно выбирали, на кого бы наброситься.

Задерикоза никак не ожидал от акулы такой силы и резвости. Ему не раз приходилось видеть акул. Он прежде плавал на рыболовном траулере на севере. Случалось, что вместе с треской попадали в трал большие акулы, но там они лежали на палубе, как мёртвые. То были глубоководные акулы. Когда их поднимали из воды, огромных рыб распирало внутреннее давление, и они сразу подышали. А эта и не собиралась как будто издыхать. Она по-прежнему билась.

К пойманной акуле никто не решался подойти.

Задерикоза струсил не на шутку, попятился, потом повернулся и помчался, шлёпая босыми ногами по горящей, как плита, палубе.

К пойманной акуле никто и подойти не решался. Наконец боцман взял пожарный лом и замахнулся, целясь в голову огромной рыбины. Но тут сквозь толпу протискался главный повар негр Персифаль Гревс.

В руках он держал толстую палку, остро застрянную с обоих концов, как «чижик».

Вытянув руку, негр дождался, пока акула во всю ширину открыла свою огромную пасть, подскочил и точным движением сунул палку ей в рот. Акула разом сжала зубы, но палка вонзилась в обе челюсти, и рот у акулы так и не закрылся.

— Ай да повар! Молодец! Этот и правда в воде с акулой справится, — заговорили со всех сторон.

А Персифаль, очень довольный, обернулся и сказал:

— Акула мой враг. Шесть лет назад акула откусила ногу моему брату, и теперь ему приходится ходить на костылях. В Америке безногому негру очень плохо жить. Если у него нет брата, он, как акула с палкой во рту, умрёт с голоду.

Боцман набросил петлю акуле на хвост. Лебёдкой подняли огромного хищника над палубой. Акула побилась ещё и успокоилась, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Моряки обступили её, рассматривая со всех сторон. Некоторые даже щупали огромную рыбину. На брюхе кожа у неё была белая и гладкая, как у лягушки, а на спине — коричневая и шершавая, как напильник. Кверху торчали острые, как шипы, костяные пупырышки. Пока разглядывали акулу, в первом ряду появился Задерикоза.

— Ты чего же так поздно? — спросил боцман. — Без тебя тут сладили.

— А чего же не подождали? — ответил Задерикоза, ничуть не смутившись. — Я за ножом бегал. А теперь, чего уж, теперь с ней и связываться не стоит. Сбросить её за борт, пусть там с голоду подыхает.

Но тут капитан вмешался в разговор.

— Редкостная акула попалась, — сказал он, — большая очень. Раз уж так повезло, надо шкуру с неё содрать, засолить да во Владивосток доставить. Хорошее чучело для музея получится.

Так и сделали. С акулы сняли шкуру, уложили в ящик, круто пересыпав солью, а тушу поволокли к борту. Тут из распоротого брюха огромной рыбыны вывалились на палубу потроха.

— Задерикоза, вот тебе с кем воевать-то, — сказал боцман. — Спихни-ка это всё за борт да окати палубу.

Задерикоза взял небольшой багор и перевалил мокрую грудку через фальшборт.

Акулы набросились на новую подачку. Две из них вцепились в акулий желудок, разорвали его пополам и пропали в глубине. И тут из-под воды вынырнула, ярко сверкнув на солнце, большая бутылка.

— Бутылка! — закричали со всех сторон, показывая друг другу пальцами. — Эй, смотри, бутылка. Да вон она!

Капитан тоже заметил бутылку, посмотрел в бинокль, и ему показалось, что в бутылке лежит что-то белое, похожее на бумагу.

Рядом, почти борт о борт с «Камчадалом», шёл китобоец «Партизан». Там тоже заметили бутылку и показывали на неё друг другу.

Капитан взял рупор и крикнул:

— Михаил Михайлович! Бутылку видите? Не теряйте её из виду, подберите, вскройте и, если что дельное, доставьте к нам на борт!

— Есть подобрать! — ответил капитан китобойца.

Китобоец отработал задним ходом, остановился и, медленно разворачиваясь, пошёл к бутылке. Один из матросов перешагнул через фальшборт, держась за поручни, нагнулся к самой воде, подхватил бутылку и высоко поднял её над головой. И вдруг, вместо того чтобы догонять «Камчадала», китобоец быстро, набирая ход, помчался в сторону. Матросы, собравшиеся на борту «Камчадала», посмотрели туда и сразу поняли, чем вызван неожиданный манёвр: там, куда спешил «Партизан», поднимались над морем фонтаны китов. Это были первые киты, замеченные со времени последней стоянки.

Началась охота. И хоть следить за такой охотой всегда интересно, бутылка, подобранная «Партизаном», не давала команде «Камчадала» покоя.

В наше время, когда в каждом порту есть телеграф, а на каждом морском судне радиостанция, бутылки с письмами стали в море большой редкостью. Пошли разговоры о таких бутылках. Задерикоza, как всегда, уже собрал вокруг себя целую толпу и самозабвенно врал, на ходу придумывая разные невероятные истории. На этот раз его слушали с интересом.

— Бутылка — это дело серьёзное, — важно говорил Задерикоza. — Мы вот тоже на севере нашли однажды бутылку, а там написано было, что иола на Медвежьем острове разбилась и вся команда с голоду пропадает. Ну, мы, конечно, прямо туда. Спасли тогда этих моряков. Так они нас благодарили. А ещё я бутылку раз нашёл на берегу, на Сахалине. Пошёл купаться, гляжу — вроде камень плавает. Что бы, думаю, такое? Поглядел — бутылка. Старинная, вся ракушками обросла. Ну, когда разобрались, оказалось, что она лет полтора плавала и всю землю кругом обошла. В той бутылке английский адмирал писал, что команда взбунтовалась и высадила его вместе с офицерами на остров. Туда-то уж, конечно, не

пошли: где ж там, через полтора года лет? Поздно! А я тогда эту бутылку и письмо в Англию отправил, а потом мне оттуда награду выслали. И сам я тоже бутылку запечатывал. Это когда мы на мину налетели. Да, видно, она и до сих пор где-то плавает: океан-то большой, не сразу выловят.

Когда Задерикоза наговорился всласть, пошли рассказы о том, как судили матроса, нарочно бросившего бутылку с письмом о крушении, которого на самом деле не было, но больше всего говорили о той бутылке, которую подобрали на «Партизан».

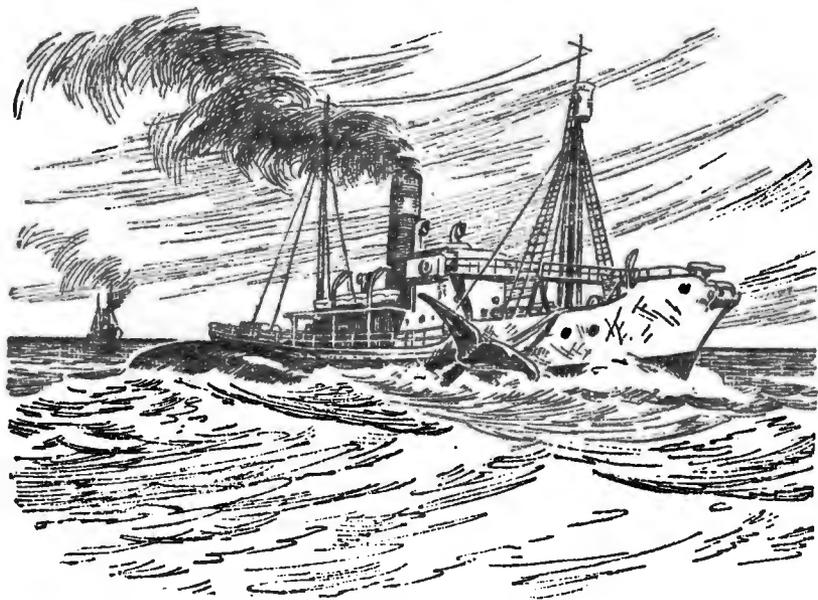
— Вот помяните моё слово — это старинная бутылка. Тоже небось лет сто проплавала, — уверял Задерикоза.

Тем временем охота на кита шла своим чередом. Китобойцы гонялись за морскими великанами. Издали китов невозможно было разглядеть. Только фонтаны взлетали то тут, то там. А китобойцы останавливались, замирали и вдруг полным ходом бросались в сторону фонтана. Из труб маленьких стройных корабликов валили густые клубы чёрного дыма и развевались позади, как хвосты. И сами китобойцы были похожи на каких-то проворных зверьков, играющих с добычей.

Уже под вечер над носом «Партизана» поднялось тугое облачко дыма, и по морю прокатился далёкий звук глухого выстрела — это догнали кита и всадили ему гарпун в спину.

Потом «Партизан» долго возился с китом, принимая его на буксир, наконец там справились с этим делом и с тушей под бортом пошли догонять «Камчадала».

На «Камчадале» готовились к приёмке. На палубу вынесли крючья и ножи, открыли люки, отвинтили крышки жиротопных котлов. Но, хоть каждому хватало работы, нет-нет, а вспоминали бутылку.

Наконец партизан подошёл и вместе с китом передал на «Камчадал» письмо, принесённое морем.

Капитан прочитал его, улыбнулся и приказал вывесить на специальной доске возле главной мачты, где вывешивали все важные сообщения.

Одни за другим матросы подходили к доске, читали письмо и разочарованные расходились по палубе.

А в письме по-русски, по-английски и по-японски было напечатано:

«Эта бутылка брошена с парусного моторного судна «Красный якут» с целью изучения течений. Нашедшего просят написать, когда, где и как найдена эта бутылка, и отослать письмо по адресу, напечатанному на обороте.

Капитан парусно-моторного судна «Красный якут».

Задерикоза прочитал письмо, покачал головой.

— Как же, знаю я это судно. Они каждый год эти бутылки бросают. Тоже дело нужное, а как же? И я с ними ходил, этих самых бутылок, наверное, не одну сотню своими руками за борт выбросил. Вот только давеча забыл рассказать. И капитана ихнего знаю. Хороший человек, душевный. Меня уважал очень. Вот ведь где пришлось встретиться: можно сказать, у акулы в животе.

— А тебе самое место — у акулы в животе. Только зря команду взбудоражил, — сказал боцман и громко скомандовал: — На лебёдках. Не зевай, поглядывай! Вира помалу! Кита принимать приготовиться!

ПОТОМОК ВИКИНГА

Норвежский пароход «Эрик», груженный мукой, шёл на остров Сахалин, в Оху, и в тумане сбился с курса. Он крепко сел на мель, пропорол левый борт и погнул гребной вал.

Капитан не хотел просить помощи. Он решил сняться своими силами: часть муки на кунгасах свезли на берег, остальную сбросили за борт, потом на катере завезли якоря за корму и попробовали судовыми лебёдками сдёрнуть «Эрика» с мели. Но грунт оказался слабым. Якоря пахали песок, а пароход так и не сдвинулся с места.

Тогда «Эрик» дал сигнал бедствия.

Я в то время был боцманом на портовом ледоколе «Богатырь» и не поверил, когда услышал, что нас посылают на помощь. Наш ледокол всё лето простоял на приколе, и в порту говорили, что мы давно приросли к берегу. Казалось, что на сборы уйдёт неделя. Но мы приналегли и собрались в тот же день.

Четыреста тонн угля погрузили за восемь часов, взяли водолазов, доски, цемент и вечером ещё засветло вышли из порта.

«Богатырь» делал по семнадцати миль в час, и всё-таки никто не верил, что мы успеем вовремя: в ноябре Охотское море редко бывает спокойным, а шторм за два часа превратил бы «Эрика» в щепки. Но ему повезло с погодой: тринадцать суток подряд не было свежего ветра.

Мы пришли на четвёртый день рано утром. Я вышел на мостик. Наш капитан Леонтий Игнатьевич Стариков был уже там и любовался рассветом. Среди моряков этот Стариков слыл чудачком. Он писал картины масляными красками и капитанский салон на «Богатыре» превратил в мастерскую художника. На свои картины он перевёл столько холста, что его хватило бы на оснастку хорошего корабля.

Длинный, стройный, как мачта-однодеревка, в фуражке с позеленевшим «крабом», он стоял, широко расставив ноги, и смотрел, как расходится туман. Освещённые солнцем, яркие как огонь клочья отрывались от воды и таяли в воздухе.

«Эрик», чуть накренившись, огромной серой тушей вылезал из тумана. В гилляцкой деревушке на берегу дымили костры и выли собаки. Дальше синей зубчатой стеной поднимались сахалинские сопки.

— А красиво, понимаете, — сказал Стариков и поднял бинокль.

По тому, как он ощупывал «Эрика», видно было, что теперь уже смотрит моряк, а не художник. Бинокль скользнул по грузовой линии, задержался на секунду у якорных канатов, обшарил палубу, поднялся на мачту и на трубу.

— Ишь, руку-то растопырил, как полисмен, понимаете, — улынулся Леонтий Игнатьевич и протянул мне бинокль.

Я оглядел пароход и только тут понял, о какой руке он говорит. На трубе была нарисована ладонь, а под ней — три огромные красные кляксы.

— Это марка компании «Олсен». У них все пароходы так разукрашены. Ну, вот что, понимаете, заберите-ка людей да заводите буксир. А водолазы пусть пластырь подводят. Довольно загорать. Дёрнем его за ноздрю да поведём.

Мне пришлось поработать в тот день. Пароход в восемь тысяч тонн — это не рыбацкая шампунька. Надо подумать, как взять его на буксир, а тут ещё пришлось помогать водолазам. Они то и дело поднимались из воды, фыркали, как моржи, требовали доски, цемент, болты.

Мы весь день провозились на аварийном пароходе, и весь день нам в глаза лезли эти красные руки. Они были всюду: на белых шляпках, на ведрах, на спасательных кругах. Точно кто-то захватал окровавленной ладонью всё, что было на палубе «Эрика».

— Придёт же в башку такая фантазия! — удивлялись наши матросы. — Здесь поплаваешь, нагладишься — и сам бандитом станешь. ♪

Впрочем, матросы на «Эрике» вовсе не были похожи на бандитов. Добродушные, весёлые ребята, все в одинаковых синих свитерах. Они помогали нам крепить буксир, угощали нас сигаретами и с удовольствием курили нашу махорку. К вечеру водолазы наложили пластырь. Они с двух сторон обшили пробоины толстыми досками, налили между ними цементный раствор, а мы обнесли вокруг борта «Эрика» двойную петлю каната, передали буксир и с полного заднего хода дёрнули.

На «Богатыре» стояла машина в пять тысяч сил. Канат разрезал воду, задрожал и захрустел. Петля обтянулась с такой силой, что краска под ней задымилась, а кое-где и вспыхнула жёлтыми огоньками.

Из-под кормы ледокола поднялась жёлтая пена. С «Богатыря» и с «Эрика» все смотрели на канат и гадали: выдержит или лопнет. Вдруг «Эрик» вздрогнул всем корпусом и удивительно мягко сошёл с мели. Водолазы ещё раз осмотрели пластырь, и поздно вечером, попрощавшись с норвежцами, мы вернулись на ледокол. Туда же перебрался и капитан с «Эрика». Он, должно быть, считал неприличным командовать пароходом, который идёт на буксире.

«Богатырь» взял курс на Владивосток.

Ночью я вышел на палубу и встретил нашего капитана. По ночам Стариков часто выходил покурить.

— А пассажир-то наш, оказывается, миллионер, сам хозяин компании «Олсен», — сказал Леонтий Игнатьевич. — Я бы на его месте и плавать не стал, а ему вот не сидится, понимаете. «У нас, говорит, все в роду — моряки, и мне надо плавать». А какой там «надо», просто игрушка это для него, развлечение от безделья. Я у него и про руку спросил, так он мне целую легенду сплёл. Интересно: был у них предок Эрик Олсен, пират. Грабил купцов, людей вешал, товары раздавал дружине, а золото складывал у себя в трюме. Столько накопил, что и балласта не надо. Все дороги загородил: ни пройти, ни проехать. А английскому королю это острый нож: всю коммерцию ему старик испортил. Вот он и послал против Олсена свой флот. Тут старику и досталось: все его корабли потопили и дружину перевешали на реях. Только он один и ушёл на своём корабле, да и то весь израненный. Пришёл домой и чувствует, что отплавал, пора помирать. А там у него было два сына-близнеца. Он их позвал к себе на корабль и распорядился: «Двоим на корабле командовать не годится: садитесь на шлюпки, а как я спущу флаг, так гребите ко мне. Кто первый положит руку на палубу, тот и будет хозяином».

Ну, братцы приналегги на вёсла, и один обогнал другого на полшлюпки. Ещё бы чуть, и быть бы ему хозяином, да малость перестарался: сломал весло. А другой тут как тут и уже лезет на борт. Ну, а этому стало обидно, так он выдернул меч, отхватил себе руку и швырнул на палубу. И пришлось старику отдать ему корабль. Ничего не поделаешь: первым руку положил. Вот видите, какая история. А этот, который у нас, прямой потомок того, безрукого, и тоже такой, что руки не пожалеет. Интересный мужик. Ну, спокойной ночи, боцман, посматривайте за буксиром, а я пойду посплю до утра.

Я обошёл ледакол и постоял на корме. С буксирной лебёдки тянулся стальной канат. Он был толщиной с бутылку, но дрожал, как леска, на которой бьётся пескарь. «Эрика» не было видно, только ходовые огни из темноты глядели нам вслед.

К утру мы заметно продвинулись к югу, но в Курсиво ещё не вошли. Было прохладно. Сопки надели белые шапки, и с моря казалось, что весь Сахалин ёжится от холода. Небо обложило серыми тучами, но воздух над морем стоял прозрачный. В бинокль видны были даже деревья на берегу.

Оба капитана прогуливались по палубе. Стариков показывал норвежцу Сахалин, море и чаек с таким видом, будто всё это принадлежало ему, Старикову.

Норвежец был ниже ростом, но шире нашего капитана. Фуражка и тёплая куртка сидели на нём плотно

и складно. На груди у него болтался отличный биннокль. Он то и дело подносил его к глазам.

Говорили они по-английски. Норвежец цедил слова, не выпуская изо рта толстой сигары, а Стариков широко открывал рот, махал руками и чуть не после каждого слова прибавлял по-русски «понимаете». Он на всех языках говорил одинаково нескладно и непонятно.

Они до обеда простояли на мостике, а потом заперлись в салоне. Вечером капитан вызвал меня к себе. Норвежец, сидя в кресле в углу салона, читал старый английский журнал. В другом углу стоял мольберт с начатым портретом.

Леонтий Игнатьевич смешивал краски на палитре. На нём поверх форменной тужурки был синий, перепачканный красками халат. Стариков писал быстро, и на портрете уже можно было узнать норвежца.

Когда я вошёл, он положил палитру и познакомил меня с норвежцем.

— Это боцман, понимаете, а это капитан Олаф Олсен. Вот что, понимаете: нас тайфун догоняет, — сказал он и, повернувшись к Олсену, повторил: — Тайфун, шторм, винд, понимаете?—и дунул:—Фу-фу.

Потом, должно быть для убедительности, взял со стола радиосводку погоды и два раза ткнул в неё карандашом.

— Так вы того, боцман, приготовьте бросательные концы, пробки, шлюпки. А команда пусть спит, пусть «в козла» не играют... и сами отдохните. Ну всё, — и положил сводку на стол.

Я ушёл, отдал распоряжения и обошёл ледакол. Всё было в порядке, всё на месте.

Небо очистилось. На розовом фоне заката сопки казались чёрными и плоскими, как на дешёвом японском веере. Чайки носились вокруг ледакола. Ветра не было, кормовой флаг обвис. Я спустил его, снёс в

штурманскую и зажѣг холодные огни. Стало заметно теплее. Мы вошли в Куросиво.

В каюте было душно. Не раздеваясь, я лёг на койку. Вода чуть слышно плескалась где-то за бортом. Когда на мостике пробило десять, я погасил свет и задремал.

Меня разбудила качка. Где-то хлопала дверь. В закрытый иллюминатор била волна. Непромокаемая куртка качалась на вешалке. Я надел её, заглушил иллюминатор крышкой и вышел на палубу.

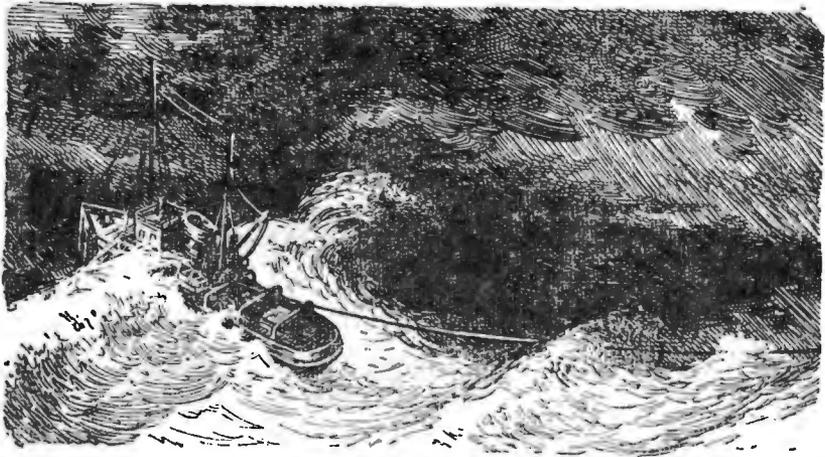
Дул свежий тёплый ветер. Звѣзды над головой качались, как на качелях. Всѣ море светилось голубым сиянием. Волны лениво взбирались на низкую палубу и с шумом скатывались в море синими огненными водопадами. Куросиво полно разных светящихся тварей.

Оба капитана, Олсен и Стариков, стояли на мостике. Олсен в чёрном резиновом плаще, в сапогах и в кожаном шлеме казался настоящим викингом. Вместо сигары он сосал короткую трубку. А Стариков в длинном рыжем роконе, перепоясанном ремешком и в зюйдвестке, подвязанной тесёмками, выглядел высокой тощей старухой. Он увидел меня и крикнул:

— Ну, началось. Я говорил... Через час разойдѣтся вовсю. Вы смотрите, чтобы никто там не сыграл за борт.

Через час действительно разошлось. Ветер ревел так, что не стоило разговаривать. Палуба пропала под волнами. Казалось, что одна надстройка уцелела от всего ледокола. «Богатырь» взбирался на волну, падал вниз, кланялся направо и налево. Я никогда не видел такого крена. Мне казалось, что мачты ложатся горизонтально.

«Эрик» рвался за кормой. Его огни то появлялись, то пропадали. Потом на мачте замелькала сигнальная лампа. Радист прочитал: «Вода прибывает».

В этом не было ничего удивительного. Ещё бы вода не прибывала в такую погоду в распоротых, наспех залатанных трюмах.

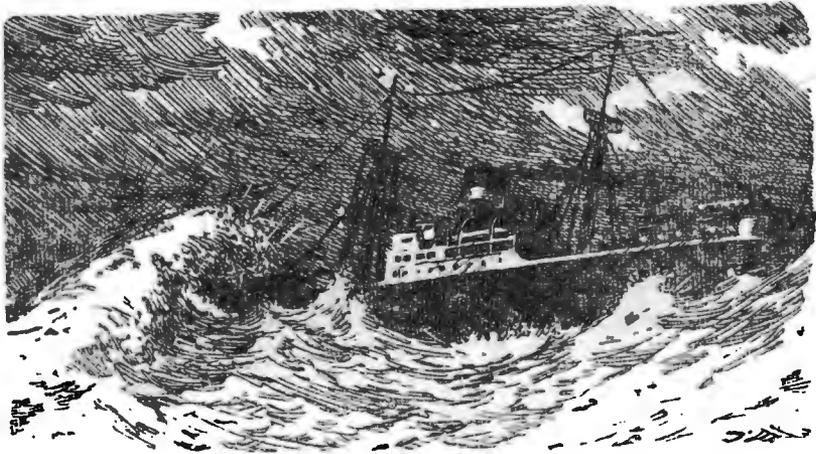
«Эрику» приходилось плохо. Разобьёт пластырь — и тогда погибнет и пароход и сорок человек команды. В такую погоду не спасают ни шлюпки, ни пробковые жилеты. Хорошо ещё, если мы сами успеем выскочить из этой бани.

«Богатырь» стонал и кряхтел. Канат рвался за кормой. Лебёдка скрипела.

Казалось, вот-вот спрячутся огни «Эрика» и не появятся больше. А тогда успевай на лебёдку. Прозеваешь, не отдашь вовремя или заест буксир — и прощай! «Эрик» в пять раз больше «Богатыря»: как клюнет, так и нырнёт за ним, как поплавок за ершом.

Но огни «Эрика» снова поднимались над волнами, и все понимали: это ещё не конец. Ещё час, два, может быть, пять часов «Эрик» продержится.

А кто знает, сколько продержится шторм? В Охотском море тайфуны дуют по десять суток подряд, а пока что барометр упорно показывает бурю.

Но ветер вдруг сразу упал. Стало душно и тихо, как в погребѣ. Волны бесшумно вздувались и пропадали. Олсен выбил и снова набил трубку. Я чиркнул спичку, и она не погасла. Олсен, Стариков и я — все трое закурили от неё. Я бросил её, когда огонь обжѣг мне пальцы.

Наш капитан тревожно поглядывал по сторонам. Он снял зюйдвестку и прислушался.

Потом он заговорил, и странно было слышать его голос. За всё это время мы не сказали ни слова.

— Повезло, понимаете, в самую серѣдку заплыли. Давайте, боцман, людей на правый борт, пойдѣм снимать команду с «Эрика». А буксир отдавайте, к чертям. Пароход всё равно пропал, а так, чего доброго, конец на винт намотаем.

Потом, повернувшись к Олсену, он почти то же сказал по-английски. Олсен слушал молча, и я ждал, что он ответит.

— Нет-нет, — сказал он наконец. — Простите, капитан Стариков, но, если бы я вѣл вас на буксире, я не бросил бы ваш пароход посреди моря. Впрочем, это моѣ частное мнение, хозяин здесь вы.

— Что вы, капитан Олсен, сейчас центр тайфуна пройдёт. Всё равно придётся бросать, а так хоть людей вытащим.

— Мои люди привыкли рисковать. Ни матросы, ни офицеры не уйдут с корабля. На «Эрике» все — настоящие моряки.

Леонтий Игнатьевич хотел что-то ответить, он открыл было рот, потом вдруг плюнул и крикнул:

— Отставить, боцман! Пойдём так, понимаете, — и надел зюйдвестку.

С моря катился нарастающий шум. Потом потянул ветерок. Потом твёрдые, как дробь, брызги забарабанили по стенкам надстройки. Море опять зашумело. У левого борта встала водяная стена и обрушилась на нас сверху.

На этот раз «Богатырь» окунулся вместе с надстройкой. Мы едва удержались за поручни. Когда вода схлынула, оказалось, что не хватает двух шлюпок. Одна из них ещё болталась на канате. Следующая волна оторвала и унесла её.

Стало вдруг очень холодно, и море сразу погасло. Ледокол обступила ночь, чёрная, как тушь, и ветер, упругий, как резина.

Огни «Эрика» то появлялись, то пропадали. Наш капитан ушёл в рубку. Олсен, облокотившись на поручни, смотрел в темноту. Это был настоящий моряк, викинг.

Я не мог решить, кто был прав — Стариков или Олсен.

Впрочем, теперь было всё равно. Осталось одно: ждать, надеяться и пробиваться сквозь бурю. И никто не мог сказать, выиграем мы или проиграем.

Опять тревожно замелькали огоньки на мачте у «Эрика». Капитан высунулся и поманил меня. В рубке было тихо и жарко. Радист работал ключом. Голубая контрольная лампочка вспыхивала на столе.

— Дело дрянь, понимаете, — сказал Леонтий Игнатьевич, — донки у них не справляются. За полчаса в трюмах прибыло на два фута. Скоро нырнут... Ну что там? — обернулся он к радисту.

— Сидит глубже мерки, — ответил радист. — Часа полтора, больше не продержится.

— И чего я, дурак, послушался? Ему парохода жалко, а на людей наплевать, — сказал капитан. — Выходит, он крепче деда, тот руку отрубил, а этот сам утопится за копейку и людей перетопит... Так вот что, боцман, подойти к ним нельзя, всё равно разобьёт... А если что, людей попробуем снять. Как-нибудь вытащим. А вы встаньте на лебёдку и смотрите не проморгайте, а то и нас, как сом гусёнка, утянет.

Он вышел на мостик. Ветер с силой захлопнул за ним дверь.

— Ну, попали в кашу, — сказал радист. — Жалко ребят. Немногие выскочат.

Я собрался идти на корму к лебёдке.

Когда я выходил, оба капитана под руку вошли в рубку. Спускаясь по трапу, я схватился за холодные поручни и вспомнил о рукавицах. Я оставил их на столе у радиста и вернулся за ними в рубку.

Наш капитан стоял посреди рубки, широко расставив ноги и балансируя руками. Когда я вошёл, он обернулся и сердито посмотрел на меня.

— Боцман, пошлите сюда двух матросов, надо проводить вниз этого господина, — сказал он, кивнув в сторону Олсена. — Укачался наш моряк, понимаете, сдрейфил. Давайте, говорит, отдадим буксир. А что там люди — это ему наплевать, своя шкура дороже. Вот он какой, потомственный викинг! Только и хватило до первого случая. Ну, идите, боцман, к лебёдке, не надо матросов. А вы, капитан Олсен,

останетесь здесь, — закончил он по-английски. — Вам нечего делать на мостике. Как-нибудь обойдёмся без ваших советов.

Олсен сердито посмотрел на Старикова, ничего не ответил и сел в кресло.

Я обвязался концом и прихватил себя к лебёдке, чтобы не смыло.

Волны свирепо налетали со всех сторон. Лебёдка дрожала, буксир ходил и рвался за кормой. Холодная солёная вода то и дело накрывала меня с головой, и тогда казалось, что всё уже кончено. А когда корма «Богатыря» вздымалась и канат уходил отвесно вниз, казалось, что самое страшное только начинается. Но канат выпрямлялся — и опять за кормой появлялись крошечные звёздочки — огни «Эрика».

Я долго стоял на лебёдке. Ноги устали приноравливаться к качке; руки заоченели, надоело думать о шторме. Хотелось посидеть в тёплой комнате, попить чаю с малиновым вареньем. Хотелось спать. Я очнулся от окрика капитана:

— На лебёдке! Отставить, понимаете! Пронесло! Маяк открылся!

Полчаса спустя мы вошли в тихую бухту Ольги. К утру наши помпы выкачали воду из трюма «Эрика».

Я вышел на палубу. Утро было холодное и спокойное. Наш капитан стоял у двери салона и тонким ножичком скоблил натянутый на раму холст. Свежая краска сходила легко. Леонтий Игнатьевич стряхивал её за борт, и глупые чайки хватали цветные полоски и дрались из-за них. Я поздоровался и присмотрелся. Капитан соскабливал портрет Олсена.

— С добрым утром, как спали? — сказал капитан. — А я вот делом занялся, не пропадать же холсту. А гостя дорогого я назад, на «Эрика» списал. Не люблю миллионеров, понимаете.

СЧАСТЛИВЫЙ СТАРИК

Телеграмма пришла на рассвете, а утром мы уже собрались в конторе и обсуждали неприятную новость.

На белушем промысле Люги прошлой ночью огонь уничтожил склады. Сгорела тёплая одежда, сгорели продукты. Это бы ещё полбеды. Людей, в крайнем случае, можно перевести на соседний промысел. А вот то, что сгорели белушьи невода, — это хуже. Таких неводов на Сахалине взять негде, а морем из Владивостока тоже в эту пору не доставишь. Летом то это дело нехитрое. Но лето давно прошло. Стояла глубокая осень. По Татарскому проливу холодные северные ветры уже гнали льды.

Послать бы ледокол. Да кто же нам разрешит посылать ледокол из-за такого пустякового дела? Для нас-то, конечно, это дело совсем не пустяк. А в порту есть свои дела, поважнее: вот-вот нагрянут морозы, ледоколы каждый день нужны будут на проводке больших кораблей. А на простом, неледокольном судне пробиваться туда, на Люги, навстречу льдам — безнадёжное дело. Об этом и думать нечего.

Оставалось одно: махнуть рукой и пропустить весенний ход белухи.

Пропустить весенний ход зверя — всё равно, что совсем не ловить. Весной следом за льдом зверь идёт прожорливый, напористый, смелый. Идёт несметными косяками и целыми косяками заходит в невода. Вот тут и берут его, пока он не стал осторожным, пугливым и сытым. Считанные дни продолжается весенний «рунный» ход белухи, но за эти дни ловят больше, чем за всё остальное лето. Но что ж поделаешь, если сети сгорели?

— Ставим крест на весне? — спросил кто-то, когда мы наговорились досыта.

— Выходит, что так, — поддержали другие. — Запишем на Люги недолов.

Обидно было принимать такое решение, но ничего другого придумать мы не сумели.

Тут в комнату зашёл капитан Шайтанов. Он закурил свою прокопчённую трубку и уселся верхом на стуле. Пока мы, перебивая друг друга, рассказывали ему о том, что случилось, он молчал, попыхивая табаком, поглядывая в окно. Казалось, ему дела нет до нашей беды.

Наконец мы замолчали. Шайтанов повернулся так, что стул крякнул под ним. Вынув трубку из рта, он зажал её в волосатом кулаке, обвёл нас выцветшими серыми глазами и, помолчав, спросил хрипловатым баском:

— Больше ничего не можете предложить, молодые люди?

А что мы могли предложить? Всё утро мы только и делали, что предлагали, да так ничего дельного и не придумали. Мы промолчали.

Тогда Шайтанов встал, широко расставив ноги, нацелился мундштуком своей трубки в окно, точно решил выстрелить из неё, как из пистолета, и чуть прищурился, вглядываясь в даль.

Мы все, как по команде, посмотрели туда же.

За окном низкие тучи торопливо неслись над сопками.

Дул свежий ветер. Залив стал белым от пены. Пароходы, качаясь на волне, низко кланялись друг другу мачтами. Маленькие шампуньки и катера прыгали, как поплавки, дёргая якорные канаты.

Шайтанов описал мундштуком широкую дугу и

нацелил его на маленькую шхуну, притаившуюся у восьмого причала.

— Вон, видите «Север»? — сказал он обернувшись. — Если найдётся десяток моряков, я хоть завтра поведу его на Люги.

Тихий, как утренний бриз, шепоток пробежал по конторе.

— На «Севере» в Татарский пролив, в лёд? На этой гнилушке? Да что он, с ума сошёл? «Север»... Ему в печку пора, а не в ледовое плавание.

Корабли живут меньше, чем люди. Лет тридцать — сорок, вот и весь корабельный век. Но бывают такие счастливыцы корабли, которые плавают по две корабельных жизни. Вот так и «Север». Этот проплавал семьдесят один год! Хаживал он в холодных полярных морях и в жарких тропических водах. Попадал в такие бури, когда ветер срезает мачты и рвёт паруса, и в штили, когда парусники неделями болтаются на одном месте. Он два раза тонул и три раза горел, но из всех бед выходил как ни в чём не бывало, и слава самого счастливого судна прочно укрепилась за ним в порту.

Всё это так. Но счастье счастьем, а чудес в наши дни не бывает. И так каждую весну все моряки удивлялись, что «Север» опять, подняв паруса, пыхтя разбитой машиной, выходит в море. А тут вести его на Люги, да в такое время. Посылать в Татарский пролив. Его ветхие борта часа не выдержат напора льдов. Проще никуда не ходить, а здесь, в порту, пустить его ко дну.

Просто смеётся Шайтанов, решили мы.

А он смотрел на нас и впрямь улыбался и молчал, точно хотел угадать, что мы думаем.

— Ну что ж, молодые люди, найдём моряков, а? — спросил он наконец и шагнул от окна к большой карте, висевшей на стене.

На карте, сверху вниз, похожий на рачью клешню, протянулся остров Сахалин. Слева, на верхнем его конце, маленьким чёрным кружочком был отмечен белушый промысел Люги.

Шайтанов ткнул мундштуком во Владивосток и провёл линию вверх, вдоль Татарского пролива.

— Не трудно догадаться, — сказал он, — что здесь я не пойду. Это, сами понимаете, безнадежное дело. Пойдём мы вот так. — И он прочертил другую линию, восточнее острова, по открытому морю. — Льдов тут нет, обойдём Сахалин с востока, повернём на запад и будем со льдом спускаться к югу, пока не нажмёт покрепче. До Люги скорее всего не дойдём. Но я выброшу шуну вот тут где-нибудь (он показал где) и выгружу сети. Судно, конечно, погибнет, но сети доставим. А зимой там дороги хорошие, можно и лошадьми подвезти. Дело, в общем, не сложное, но здесь нужны смелые люди: выбрасываться на Сахалине зимой, сами понимаете, не каждый решится.

И снова шепоток пробежал по конторе:

— Умно придумал старик! «Север» стоит гроши. Всё равно ведь на слом. Молодец!

Тут, наскоро, чтобы последние сомнения рассеять, прикинули на счётах, и вышло, что Шайтанов кругом прав: жир и кожи тридцати белух с лихвой окупят отжившую свой век шуну. А весной не по тридцать, сотнями, а то и тысячами белух каждый год берут на Люги. Значит, стоит попробовать!

Теперь дело за смелыми людьми. Впрочем, и смельчаков тут же нашлось больше, чем нужно. Я сам был очень доволен, что Шайтанов согласился взять меня вторым помощником в этот рейс.

В тот же день мы стали готовить «Север» к походу. Провозились весь день и всю ночь и ещё целый день. Пришлось сменить подгнившие снасти, кое-где проконопатить палубу, набить на борта ледовые пояса.

А старенькую машину даже и перебирать не стали: до места дойдёт, как-нибудь дотянет, а дальше уже и не нужно.

Всё, без чего можно было обойтись в этом беспримерном, последнем рейсе, сняли с судна и оставили на берегу. Отвинтили медные рейки с трапов и ручки с дверей. Снесли на берег фаянсовые чаши умывальников из кают, вынесли ковры, дубовую мебель, картины, лампы-кенкеты. И от этого, куда ни посмотришь, казалось, что судно безжалостно обворовали грабители.

Мне досталась забота о грузе. Бондари забили сети в бочки. В бочки же сложили аварийный запас продовольствия, закатили в трюмы и туда же, на самый низ, погрузили тонн двадцать песку, чтобы не идти «пузырём». Груза-то «всего ничего» у нас было, и пришлось брать балласт, чтобы не так болтало в море.

И всё же поболтало нас крепко. С вечера, как только мы вышли в море, встречный ветер задул с такой силой, что, казалось, вот-вот наш «Север» нырнёт под волну и не вынырнет больше. Но шхунёшка каждый раз бочком выбиралась из-под воды, отряхивалась, как утка, и упрямо шла вперёд до тех пор, пока новая волна холодной стеной не вставала перед её бушпритом.

Наверху, на палубе, трудно было устоять. Впрочем, нам и делать нечего было на палубе. Все, кроме вахтенных, чуть ли не круглые сутки сидели в крошечной кают-компании, без конца пили чай, болтали без умолку. Рыжий механик смешил нас прибаутками, припасёнными к каждому слову, старший помощник играл на гитаре.

На четвёртый день ветер стих, а к вечеру подул снова, только на этот раз в корму. «Север» распустил паруса «бабочкой» и понёсся, как гоночная яхта, едва касаясь пенных гребней волн. Стало теплее, и качало

не так жестоко, но всё равно никто не хотел без нужды выбираться из прокуренной кают-компании.

Удивительный это был рейс! В любом плавании на любом корабле половина усилий команды уходит на то, чтобы сохранить судно. А тут одна забота была у нас — дойти до места. А что будет с нашим кораблём — это уже ничего не значило. И поэтому, вроде как посторонние, как гости, чувствовали мы себя на «Севере».

Никто не чистил медные части, по старинной моде украшенные цветочками. Никто не подкрашивал борта и надстройки. Отскочила краска — пускай. Размоталась клетнёвка на тресе — обрезать, чтобы не болтался, не мешал конец, и всё. Блоки скрипят — пускай скрипят, всё равно мазать не стоит, до Люги проскрипят как-нибудь.

И так во всём, за что ни возьмись.

В последний трудный рейс шёл маленький старый кораблик, ободранный, залатанный кое-как, давно утративший свою былую красоту. И всё-таки шёл он гордо, словно знал, что идёт на подвиг, и гордо нёс над кормой полотнище красного флага.

На восьмое утро нам встретились первые льдинки. В тот же день Сахалин остался у нас с юга, и мы повернули на запад. «Север» накренился на борт, и волны зелёными горами полезли на палубу.

Льды кругом сгущались. Отдельные рыхлые льдинки всё чаще и чаще скребли по ветхим бортам нашего судна. С каждым часом чувствительнее становились их удары. Захолодало.

И хотя по-прежнему звенела гитара в кают-компании и самовар, привинченный к столу, тихонько пел свою песенку, но как-то и здесь чувствовалось, что приближается решительная минута. Всё чаще и чаще мы все вдруг замолкали и задумывались, чем кончится наш необычный поход.

Ещё засветло мы свернули на юг и вступили в пролив. Теперь каждый час приближал нас к цели. До промысла оставалось не больше ста миль.

Ветер снова переменился, зашёл нам в корму, и это очень кстати получилось, потому что залив сужался, льды сгущались, и с каждым часом труднее становилось старику «Северу» выгрести среди льдов. Мы снова подняли паруса, шхуна прибавила ход и скоро вошла в густое, как каша, ледяное месиво. Теперь всё время льдины тёрлись о наши борта, в мачалки раздирая дубовые доски ледового пояса. И, как ни старался Шайтанов избегать столкновений с крупными льдинами, они всё злее наседали на шхуну, и с каждым ударом жалобнее трещали её борта.

Шайтанов не сходил с мостика. Он в бинокль осматривал льды и неприветливые сахалинские берега. Всё чаще и чаще взгляд его останавливался у подножий прибрежных скал, где белела полоска прибоя.

Под утро он вызвал меня, приказал выкатить бочки из трюма. Мы выставили их на палубе и крепко связали длинным канатом.

Потом все оделись потеплее, обвязались пробковыми нагрудниками и рассовали по карманам консервы, галеты и спички. Рыжий механик последний раз смазал машину, вытер руки клочком чистой пакли и вышел на палубу.

Наконец, опустив бинокль, капитан сам встал к рулю. Перекатав спицы штурвала, он положил руль «лево на борт».

«Север» круто накренился под двойным напором ветра и льда, но тут же, сбросив с палубы воду пополам со льдом, выправился и, раздвигая льды, пошёл прямо к берегу.

Скалы быстро надвигались на нас. Казалось, сплошной отвесной стеной вставали они над морем. И мне вдруг стало страшно: вот сейчас наш кораблик

с полного хода врежется в гранитную стенку, расколется, как орех, волны закрутят и разметут обломки.

Я пожалел, что пошёл в этот рейс. Должно быть, и другим было невесело. Все молчали.

Сбившись на самом носу судна, мы смотрели на берег. Каменная стена неумолимо надвигалась на нас, и казалось, что она всей своей громадой клонится к воде и вот-вот сорвётся, опрокинется и вместе с корабликом вдавит нас в море.

Когда уже совсем близким стал берег, мы увидели узкую расщелину, промытую в скале горной речонкой. В бинокль Шайтанов заметил её раньше нас и выбрал её последним пристанищем «Севера».

Теперь уже не минуты, теперь секунды решали успех дела. Считанные метры остались до берега.

Вдруг судно вздрогнуло тяжёлой дрожью. Что-то заскрежетало под килем.

От толчка я чуть не упал на палубу, но успел ухватиться за поручни и посмотрел за борт. Белая пена кипела вокруг. Снизу что-то невероятно тяжёлое било наше старое судёнышко, и от каждого удара «Север», стоя на месте, вздрагивал всем корпусом.

Вдруг он приподнялся. Под килем снова заскрежетало, и огромная волна, накатившись сзади, сбила меня за борт. Ледяная вода ослепила меня и бросила на скалы. Я больно ударился спиной. Тело горело от холода. Кругом бешено шумела пена. Руки заочене-ли, пальцы не сгибались, и я никак не мог ухватиться за выступ скалы.

Вдруг всё переменялось. Ветер над моей головой внезапно стих, вместо пены кругом поднималась и оседала зелёная вода. Она уже не хлестала о берег — она дышала медленно и спокойно.

Оглянувшись, я увидел, что «Север» вошёл в устье речонки и, накренившись на борт, заклинил расщелину, заслонив нас от ветра.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжёлыми бочками.

Кое-как, скользя и ушибаясь, я выбрался на берег и огляделся. Волны, налетавшие с моря, перекатывались через палубу «Севера», и с каждой волной он ниже оседал под страшными ударами. Бочки с сетями смыло в воду, они качались у самого берега. Один за другим выбирались на скалы наши ребята. А старик Шайтанов по-прежнему стоял на мостике, держась за спицы штурвала.

Он что-то крикнул мне, но в узком ущелье стоял такой грохот, что я ничего не расслышал.

«Север» кренился всё больше и больше, медленно оседая, пока совсем не лёг на борт. Тогда Шайтанов спокойно, как в купальне, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Несколько рук потянулись навстречу его посиневшим от холода рукам.

— Ну-с, молодые люди, спички есть? — спросил он, как только оказался на берегу.

Механик достал из кармана жестяную коробочку со спичками и окоченевшими пальцами стал открывать крышку.

— Давайте сюда, — сказал капитан, — да наберите чего-нибудь посуше. Ну, бегом, бегом, скорее согреетесь! Да не все, двоих хватит. Остальные займитесь бочками, а то унесёт, чего доброго.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжёлыми бочками, а когда выкатили их все до одной, под защитой скалы уже пылал высокий костёр. Мы сели у огня и стали сушить одежду.

— Вот так, товарищи, — смеясь, сказал Шайтанов, когда все собрались у костра, — разрешите поздравить с благополучным прибытием в порт назначения. Груз сдан на склад, команда уволена в отпуск. У меня всё, товарищи.

Час спустя мы раскинули лагерь. Из бочек и брезентов построили отличную палатку, из сетей сделали постели, сложили очаг и зажили робинзонами

на берегу. Еды было вволю, топлива сколько угодно. А через два дня шторм затих, и в нашем лагере стало совсем как на курорте.

За эти два дня волны добились ветхий кораблик.

А ещё через десять дней пролив замёрз, и мы по льду перешли на соседний промысел.

Зимой на лошадях сети увезли на Люги, но это сделали уже без нас. Мы пешком добрались до нефтяных промыслов и на самолёте улетели в Хабаровск.

Лететь нам пришлось как раз над тем местом, где закончил своё последнее плавание наш старик «Север». Самолёт шёл низко. В окно ясно были видны остатки нашего лагеря, бочки с сетями и выброшенные на берег обломки судна. А через полчаса, когда мы сели в Николаевске и шум мотора стих, Шайтанов сказал, ни к кому не обращаясь:

— Счастливый старик!

И мы потом долго спорили, о ком он сказал — о себе или о «Севере» и о его удивительном конце.

БАНДИТ

I

Небо, и без того тёмное, ещё потемнело, точно свинцом налилось. Ветер налетел, подхватил твёрдые, как крупа, снежинки, закрутил их, поднял столбом, унёс куда-то, и опять стало тихо-тихо кругом.

Володя остановился, глянул на компас и поправил за плечами тяжёлый рюкзак. В рюкзаке, в самом низу, лежали консервы и шоколад. Над ними — вяленая рыба, сухари, а на самом веру, туго скатанный, связанный ремешками, тёплый спальный мешок. На поясе у Володи с одной стороны висел большой охотничий нож, с другой — пистолет в кобуре.

— Жарко! — сказал Володя.

Он расстегнул ворот меховой куртки, забросил за плечи длинные уши оленьей шапки, глянул на компас и зашагал дальше. Твёрдый ледяной наст, проламываясь под тяжестью шагов, звонко захрустел у него под ногами.

Володя давно ждал пурги. Низкие тучи весь день ползли по небу. Налетая порывами, подхватывая и крутя снежинки, холодный ветер сразу набирал силу, и тогда казалось, что вот уже началось, понесло... Но ветер так же внезапно затихал, и тысячи снежинок с лёгким звоном падали на холодный наст.

Тогда Володя оглядывался на след, посматривал на компас и прибавлял шаг. Он очень торопился. Он решил не отдыхать, пока не начнётся пурга. Ведь в пургу — хочешь не хочешь — всё равно придётся отдыхать. Было бы только где.

На гладком ледяном поле может и вовсе замести в пургу. Но тут повсюду по пути попадались ропаки и торосы, и Володя так выбирал путь между ними, чтобы на случай беды было где укрыться. Ропаки он обходил, через торосы приходилось перелезть, карабкаясь на четвереньках, но лучше уж так, чем на голом месте оказаться в пургу.

А Бандит бежал сзади. И он тоже сторонкой обходил ропаки, перебирался через торосы, но ему было легче: он ничего не нёс.

Вдруг ветер разом застонал, засвистел, и в ту же секунду всё пропало: и ропаки, и торосы, и небо. Только снег, колющий, жёсткий снег, сплошным потоком мчался куда-то, кружась и завывая на лету.

— Бандит, ко мне! — крикнул Володя и бросился туда, где заметил торос повыше.

Тут, под торосом, тоже было не больно уютно: лёд, обглоданный ветрами, жёсткий холодный снег. Но зато ветер сюда не залетал, и казалось даже, что здесь потеплее. А когда Бандит уселся у ног и принялся

скусывать лёд с широких, как лыжи, лап, Володя почувствовал себя совсем как дома. Он присел на снег, развязал рюкзак, дал Бандиту небольшую вяленую рыбку, а сам съел горсть сухарей и полбанки консервов. Потом он расстелил спальный мешок, забрался в него, положил рюкзак под голову и улёгся на бок. Бандит устроился рядом, прямо на снегу.

— Ну, Бандит, мы с тобой нынче здорово поработали, — сказал Володя. — Если дальше так пойдёт, через неделю будем в Охотске.

Бандит ничего не ответил. Он только посмотрел на Володю умными серыми глазами и потеснее прижался к мешку. Володя закрылся тёплым меховым клапаном, и скоро они с Бандитом заснули.

II

Как раз в это время на шхуне «Чукотка» собрались к ужину. За длинным столом уселось девять моряков — кто в полосатой тельняшке, кто в лёгком кителе, кто в сетке.

Маленькая чугунная печурка, привинченная к полу, раскалилась чуть не докрасна. В ней, шипя и гудя, пылали пористые камни, густо смоченные нефтью.

На столе стояло большое блюдо с макаронами. На потолке висела ярко начищенная лампа. Было и тепло и уютно, а ужин всё-таки проходил невесело. Семерых товарищей не хватало за столом. Один из них — Володя Ченцов — ушёл, а шестеро лежали на койках, больные цингой.

На шхуне больше половины людей плавали недавно. До этого плавания новички только понаслышке знали о цинге, а тут, как пришлось увидеть её своими глазами, цинга нагнала на них страху. Молодым ребятам непонятно и страшно было, что здоровые люди ни с того ни с сего начинали вдруг жаловаться на

слабость, бледнели, стонали по ночам, а наутро вставали вялые, с мешками под глазами. Больным ничего не хотелось: ни есть, ни гулять, ни работать, ни читать. Одна забота была у них — добраться до койки и укрыться потеплее. Потом у больных из дёсен выступала кровь, и они даже говорить переставали.

А старые моряки, которым не впервой приходилось зимовать на севере, те тревожились ещё больше. Они то не раз видели цингу и знали, что тут хорошего ждать не приходится. Вот так полегит больной. Потом у него начнут падать зубы, потом ноги и руки распухнут, одеревенеют, и тогда уж — лечи не лечи — нет от цинги никакого спасения. Тогда один конец — смерть.

Лечить цингу нужно с самого начала, а на шхуне лечить было нечем. От цинги одно лекарство: свежие овощи, зелень, молоко. А тут ни зелени, ни молока не было на много миль кругом.

«Чукотка» зазимовала в крошечной бухточке у маленького скалистого островка в Охотском море. На этом островке не то что овощей, на нём и травы не бывает. На скалах растёт один мох, да и тот не очень густой. И звери там не водятся — только птицы гнездятся на скалах в летнее время. Ничего завидного нет на этом островке, и корабли туда редко заходят. А «Чукотку» загнала на этот островок нужда.

Поздним временем вышла «Чукотка» из бухты Ногаева. Туда завезла она полный груз продовольствия и лекарств на зиму, разгрузилась и пошла домой, во Владивосток. И хотя уже бурная холодная осень стояла над морем, но на шхуне и на берегу надеялись, что поздний рейс кончится благополучно.

Сначала всё и шло по-хорошему. С разных сторон налетали на шхуну ветры, волны качали «Чукотку» на белых гребнях, но прочная, красивая шхуна, точно смеясь над ветрами, танцевала на крутых волнах,

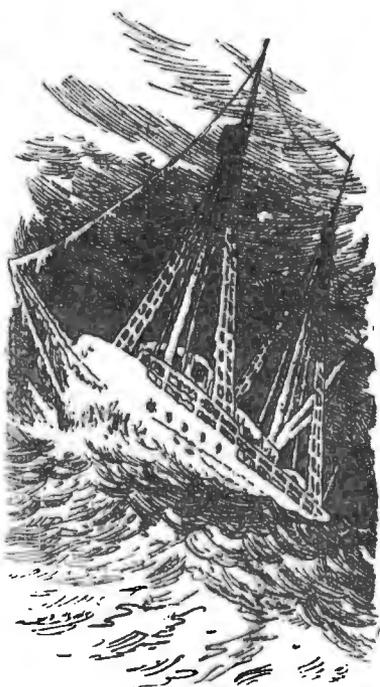
кланялась мачтами вправо и влево, а сама шла да шла вперёд, оставляя за кормой пенный след.

Так прошли три дня. А на четвёртый задул штормовой ветер с севера и такой мороз ударил, что солёные брызги замерзали прямо на лету. Шхуна стала обрастать слоем льда. Палуба превратилась в сплошной каток, на мачтах, на надстройках повисли огромные косые сосульки. Ванты стали толстыми, как брёвна. Груз льда увеличивался с каждой минутой. Шхуна глубоко осела в воду, стала качаться медленнее, но зато размахи её качки с каждым разом становились шире и тяжелее. Казалось, вот-вот она совсем ляжет на борт и уж больше не поднимется над водой.

Тогда вся команда шхуны, кто с топором, кто с тяжёлым ножом, кто с железным прутом, вышла воевать со льдом. Люди разбивали лёд. Он разлетался на тысячи кусков, волны смывали осколки за борт, но ветер бросал на судно новые тучи брызг, и лёд нарастал снова.

Некогда было ни отдохнуть, ни погреться. Проклиная ледяной шторм, люди два дня не сходили с палубы и отстояли шхуну.

Ветер сбавил, волны уменьшились, но зато мороз ударил ещё крепче. В каютах зажгли печурки и камельки, и тут, на несчастье, вспыхнул пожар в радио-

рубке. Его погасили скоро, но огонь успел обглодать передатчик, и шхуна осталась без радиосвязи. Слышать-то землю слышали хорошо. Приёмник не пострадал от пожара. А сами на землю не могли передать ни слова и, случись беда, так бы и пропали без вести.

А беда, как назло, караулила шхуну в море. Набежали тучи. Крупный снег повалил с неба, и полчаса не прошло — всё море покрылось густым слоем «сала» — мокрой снежной кашей, которая вот-вот могла «схватиться», превратиться в лёд, и тогда бы несдобровать «Чукотке». Вот так и случилось, что завернула «Чукотка» к маленькому необитаемому островку. Здесь, в бухте, капитан решил переждать, пока потеплеет, а уж если накрепко, до весны, встанет лёд, здесь же решил он и зимовать.

На зимовке всем сначала даже понравилось. После трудного рейса моряки отдыхали кто сколько хотел. Делать было нечего, только по утрам всей командой выходили на лёд и со всех сторон окалывали шхуну. Пешнями и топорами разбивали на куски намёрзший за ночь лёд, железными крючьями вытаскивали осколки и складывали тут же, возле шхуны. Скоро целая стена выросла вокруг «Чукотки», и со стороны могло бы показаться, что моряки строят потешную ледяную крепость. Но, конечно, не для потехи трудились люди. Лёд окалывали, чтобы он не раздавил шхуну.

После околки завтракали все вместе. Потом читали, играли в домино, слушали радио. Приёмник работал исправно, и все слышали, как несколько дней подряд с берега вызывали «Чукотку», разыскивали шхуну в море, спрашивали, где она, что случилось.

Но ответить было нечем, и недели через две вызовы прекратились. На берегу решили, должно быть, что шхуна погибла во время шторма.

Когда отдохнули вдоволь, принялись за ремонт. Сменили подгнившие снасти, проконопатили палубу, кое-где заново покрасили надстройки. А механики разобрали машину, промыли керосином, заменили кое-какие части и собрали снова, чтобы весной, как позволит лёд, сразу без задержки выходить в море. И, хоть до весны ещё далеко было, все на «Чукотке» только и думали о весне.

Когда закончили ремонт, опять стало много свободного времени у людей. Тогда капитан и механик стали заниматься с командой. Капитан учил находить дорогу в море по солнцу и по звёздам, разбираться в морских картах и грузить суда. А механик объяснял устройство машины и рассказывал, как она работает и как управлять ею.

Народ на «Чукотке» подобрался дружный. Время проходило незаметно, и не успели моряки по-настоящему заскучать, — прошло два месяца.

И вдруг, ни с того ни с сего, заболел цингой боцман. На другой день слёг ещё один матрос, потом через неделю заболело сразу ещё двое, и зимовщики приуныли.

Вот тогда Володя Ченцов и отправился к капитану.

— Пётр Михайлович, — сказал он. — А что, если на берег сходить да оттуда на нартах привезти овощей?

— Что ты, Володя! — ответил капитан. — Здесь до берега с лишним полтора ста миль. Кто же в такую даль пойдёт?

— Да я бы и сходил, — сказал Володя. — Вы не сомневайтесь, Пётр Михайлович, я по льдам ходить привычный. У нас на севере, на зверобойке, другой раз за день-то миль по тридцать оттопаешь.

— И не думай, Володя, — возразил капитан, — заблудишься, замёрзнешь, зря пропадёшь. Уж как-нибудь перезимует. До весны-то всего ничего осталось.

Володя послушался. А на другой день заболел механик. Тогда Володя снова пришёл к капитану. Капитан, хоть и не так решительно, но всё же и на этот раз не отпустил его. И только через два дня, когда слёг ещё один молодой матрос, капитан наконец сдался.

— И так горько и так не мёд, — сказал он, — ну, да, видно, быть по-твоему. Ступай, Ченцов, только смотри, осторожно. А то, глядишь, и сам пропадёшь и нас не выручишь.

Потом он развернул карту, и они вдвоём с Володей долго обсуждали, как лучше идти, как одеться, что взять с собой, где делать привалы и ночёвки. Решили, что Володя пойдёт на Охотск, и капитан рассказал, по каким приметам узнать охотские берега.

В тот же вечер все зимовщики собрались в столовой, написали родным телеграммы о том, что живы и зимуют в море. За ночь сшили Володе спальный мешок из капитанской дохи, собрали рюкзак. А утром, когда всё было готово и пришло время прощаться, Володя попросил, чтобы с ним отпустили Бандита.

— Харчей как-нибудь хватит, — сказал он, — а вдвоём в дороге всё будет веселее.

Потом позавтракали поплотнее, на дорожку, по обычаю, посидели молча, Володя оделся и пошёл не спеша.

Все здоровые вышли его провожать. Володя крепко пожал всем руки и зашагал по льду.

— Прямо на север, так и иди, никуда не сворачивай! — крикнул вдогонку Володе капитан. — Как раз на Охотск и выйдешь. Да на компас почаще поглядывай!

— Есть на север! — ответил Володя. — Бандит, за мной!

Бандит сначала побежал за ним, потом сел на снег, вскочил, кинулся к капитану и, стоя около него, долго смотрел вслед Володе. А когда Володя скрылся за

ропаками, Бандит взвизгнул, отбежал немного, опять сел и вдруг сломя голову бросился за Володей.

— Вот что значит друзья-то! — сказал капитан, и, постояв ещё, все не спеша пошли назад на шхуну.

III

Никто точно не знал, откуда Бандит взялся на «Чукотке». Известно было только, что Володя первый с ним познакомился.

Однажды в Амурском лимане «Чукотка» стояла на рейде и ждала прилива.

День выдался трудный. С утра выгружали шхуну, потом принимали новый груз, и к вечеру, когда отошли от причала и встали на якорь, все так намаялись, что замертво повалились на койки. А Володе спать не полагалось, он остался стоять на вахте.

Ночь выдалась тихая и тёмная. На небе ни звёздочки, только высоко на мачте светился фонарь да на фарватере далеко-далеко загоралась и гасла мигалка.

От скуки Володя ходил по палубе и считал шаги. Но как-то всё получалось, что он сбивался, и приходилось начинать снова. Потом ему захотелось закурить. Он в темноте набил трубку, чиркнул спичкой и тут заметил у машинной двери какую-то серую грудку вроде грязной пакли.

Володя решил, что это механики вытащили из машины грязную обтирку и бросили её на палубе.

«Ишь, духи нечистые, им палубу не убирать, вот и швыряют где попало», — проворчал Володя и пихнул грудку ногой.

Но грудка вдруг заворчала, поднялась. Володя зажёл другую спичку. Перед ним стоял огромный кудлатый пёс, махал хвостом и скалился, но не сердито, а ласково.

«Ах ты, бандит», — сказал Володя и протянул руку, чтобы погладить пса. Тот не огрызнулся, не отбежал, наоборот, придвинулся к Володе и потёрся о его ноги.

«Вон ты какой ласковый», — сказал Володя и погладил собаку. Она была очень тощая.

«Как же ты к нам на шхуну-то забрался? — допрашивал Володя. — Небось есть хочешь? Ну, подожди».

Он принёс с камбуза большую миску с макаронами. Собака в одну минуту управилась с ними, а потом всю ночь ни на шаг не отходила от Володи. Вахта прошла незаметно. А под утро пёс свернулся клубком и заснул.

Когда к концу вахты, потягиваясь и зевая, вышел на палубу сменщик, Володя сказал:

«Ничего такого за ночь не случилось. Всё в порядке, только вот лишний пассажир у нас на судне — Бандит».

«Какой такой бандит?» — удивился матрос.

«А вот какой», — ответил Володя и свистнул тихонько.

Пёс послушно прибежал, стуча по палубе когтями.

«Вот он какой, Бандит, — повторил Володя и почесал собаку за ушами. — Вот он какой, Бандит. Должно быть, с причала к нам забежал. А знатный пёс будет», — добавил он и пошёл спать в каюту.

Пёс наутро перезнакомился со всей командой, и скоро все на судне его очень полюбили. На сытных

судовых харчах он скоро отъелся, шерсть у него стала блестящей и чистой, а кличка Бандит так за ним и осталась. Лапы у Бандита были мохнатые и широкие, как лыжи, морда обросла густой серой бородой, умные глаза смотрели хитро и весело. Красивый вышел пёс. И сторож из него получился отличный: другой раз тюленя в море заметит и сразу — лаять. А уж если лодка подойдёт поближе или на стоянке ступит на трап посторонний человек — тут Бандита не сразу и успокоишь. Лаял он грозно, вид имел внушительный и характер неплохой: ласковый, послушный и добродушный.

Однажды с Бандитом вышел такой случай: у помощника капитана собрались гости — моряки с других судов. Они засиделись до поздней ночи. Вспоминали прошлое, рассказывали друг другу разные морские истории. Кто говорил правду, кто выдумывал, а под конец один рассказал страшную небылицу про старого боцмана. Этого боцмана похоронили в море, и вот будто бы после этого он каждую ночь стал являться к кому-нибудь из команды.

В маленькой каютке накурили. Круглое окошечко, выходящее прямо на палубу, открыли настежь. И не успел рассказчик довести до конца свою страшную сказку — глянул на окошко, да так и замер: с палубы в каюту заглядывал старик, обросший густой седой бородой.

И хоть все понимали, что бояться тут нечего, а всё-таки как-то не по себе стало. Даже сам помощник капитана и тот немножко испугался, но тут же узнал Бандита, расхохотался и протянул ему кусок колбасы. Бандит колбасу съел, облизнулся и отошёл от окошка. А на Чукотке с тех пор ещё больше полюбили Бандита и хвастали морякам с других судов:

«Ох и страшный зверь у нас на шхуне живёт: семерых храбрых моряков до смерти перепугал».

Теперь Володя с Бандитом ушли, и, конечно, на шхуне без них стало как-то тоскливее.

Володя был парень ловкий, весёлый и товарищ хороший. Для каждого было у него в запасе доброе словцо, каждому он готов был помочь, когда трудно приходилось в плавании, никогда не жаловался, а если опасная работа предстояла, Володя всегда первый бесстрашно брался за неё.

Но больше всего любили Володю за то, что слово у него было твёрдое: если уж скажет — значит, делает.

И теперь, хоть и жалко было отпускать с зимовки такого человека, все на судне надеялись: как ни труден путь — не сдастся Володя, дойдёт до Охотска и пришлёт оттуда и овощи и лекарства.

Об этом только и говорили целый день. Рассчитывали так и этак, по сколько километров может за день пройти Володя; спорили, какая будет погода; прикидывали, сколько времени будут собирать нарты и сколько им идти из Охотска. И, как ни гадали, выходило, что к концу месяца, не позже, придёт помощь с берега.

А на другой день, как раз перед ужином, поднялась пурга. И сразу всем стало невесело и тревожно. Моряки часто поглядывали на тёмные окна, за которыми бушевали снежные вихри, прислушивались к ветру. И разговаривали вполголоса, будто чем провинились друг перед другом.

— Ишь, как завывает, — сказал один матрос. — Вот так покрутит недели две, и пропал наш Володя.

— Да и нам тогда несдобровать. Всех цинга, как котят, передушит. Весной и якорь поднять некому будет, — мрачно откликнулся другой.

— Ну-ну, нечего каркать напрасно! — строго осадил капитан. Он-то знал, что плохое настроение — верный союзник цинги.

А когда ветер завыл особенно жалостно и протяжно, юнга сказал:

— Это наш Бандитка скулит.

И всем вдруг представилось, что Володя лежит холодный, засыпанный снегом, а Бандит стоит над ним, высоко подняв морду, и воет.

IV

Володя спал крепко. Он даже ни разу и не проснулся за ночь. Утром, высунув голову из мешка, он увидел, что пурга улеглась, и сразу вскочил. Бандит тоже проснулся, отряхнулся, запрыгал вокруг хозяина и завилял хвостом.

Володя вытряхнул мешок, сложил его, доел вчерашние консервы, дал Бандиту полрыбки и большой сухарь. Потом он умылся снегом, вытерся шарфом, надел рюкзак на плечи, посмотрел на компас и двинулся в путь.

К обеду они сделали привал. Поели, отдохнули немножко и сразу двинулись в дорогу. Долго шли, опять немножко отдохнули, а потом уже шли без отдыха до темноты. Погода стояла хорошая, и Володя спешил. Ведь шли они в таких местах, где на погоду никак нельзя рассчитывать.

Ночью опять поднялась пурга. Но к утру небо очистилось, и ветер улёгся. Только много снега навалило за ночь, и идти стало гораздо труднее.

Володя часто проваливался по колена, а то и по пояс. Иногда приходилось выбирать, разгребая снег руками, и бывало так, что Володя за час проходил меньше километра.

А Бандит забегал вперёд, стоял, обернувшись к Володе, и словно торопил его и удивлялся, что он так медленно идёт.

Иногда он даже лаял. Иди, мол, поскорее!

И Володя отвечал ему как человеку:

— Тебе-то хорошо, у тебя вон лыжи какие. Кабы мне лыжи, пожалуй, и ты бы за мной не угнался.

В этот день прошли они совсем немного, а устал Володя так, что к вечернему привалу пришёл совсем без сил. Выбрав надёжный ропак, он сбросил рюкзак, сел на него и минут пять сидел — набирался сил, чтобы развязать ремни и расстелить спальный мешок.

Зато потом три дня пути прошли легко. Старый снег поулёгся, новый не выпадал, ветра совсем не было, и к концу шестого дня пути, по Володиным расчётам, выходило, что полдороги осталось позади. А продуктов в рюкзаке было ещё порядочно, потому что Володя всё время очень экономил.

Седьмой день пути тоже начался хорошо, но к полудню небо обложило тучами, а ещё час спустя поднялась пурга. На этот раз она бушевала три дня подряд. И, хоть не терпелось Володе скорее идти дальше, пришлось смириться и три дня сидеть под торосом в крошечной снеговой пещерке. Сперва Володя отоспался, отдохнул, а потом целыми днями играл и разговаривал с Бандитом.

— Ничего, Бандит, — говорил он, оглаживая собаку, — отдохнём тут как следует, а как пурга уляжется, ещё быстрее зашагаем. Зато как придём, ты у нас героем будешь. Купим тебе серебряный ошейник, на хвост шёлковый бант привяжем, колбасы дадим — целый круг.

А Бандит слушал, чуть подняв ухо, скалился и как будто понимал, что ему говорит Володя.

Наконец погода утихла. Надевая рюкзак, Володя вскинул его на руке и встревожился: за эти дни рюкзак заметно полегчал, и Володя подумал о том, что придётся уменьшить порции и себе и Бандиту.

Ещё через три дня, как ни экономил Володя, они с Бандитом доели последнюю банку консервов,

последнюю рыбку, и, поднимаясь с привала, Володя заботливо уложил в рюкзак горсть сухарей и две плитки шоколада — всё, что у них осталось.

Но зато и идти осталось совсем недалеко. Несколько раз Володе казалось, что он видит горы охотского берега. Но каждый раз, приглядевшись получше, он убеждался, что впереди не сопки, а ледяные валы, а то и просто низкие облака.

Наконец они с Бандитом поделили последний кусочек шоколада. Теперь ничего не осталось у них про запас, нечего было и в рюкзак укладывать. На привале Володя приделал ремни прямо к спальному мешку, а рюкзак бросил, чтобы не тащить лишний груз. Он хотел было бросить и тяжёлый пистолет, но передумал и снова пристегнул кобуру к поясу.

Идти по снегу и прежде было нелегко, а тут с голоду и усталости пришлось совсем трудно. Всё туже и туже подтягивал Володя ремень, всё чаще и чаще приходилось делать привалы. На одном из них Володя прилёг, чтобы немножко набраться сил, и незаметно для себя заснул.

Проснулся он от громкого лая. Бандит прыгал вокруг него, лаял и теребил за куртку. А кругом свистел ветер, и, звеня и кружась, неслись миллионы снежинок.

Володя забрался под торос, развернул мешок и улёгся. Но перед тем, как заснуть, он крепко обнял Бандита, поцеловал его прямо в морду и сказал:

— Спас ты меня, зверь: ещё бы чуть, замело бы меня совсем, тут бы мне и могила!

Тревожно прошла для Володи эта ночь. Сколько продлится пурга? Далеко ли до цели? Сейчас это было важнее всего на свете, а Володя и сам себе не мог ответить на эти вопросы. Одно он знал твёрдо: каждый день, каждый час отнимает у него силы, а без сил

в безбрежных снегах одна судьба у человека — холодная смерть!

Только под утро Володя забылся коротким сном, а когда проснулся, сразу легче стало на душе: пурга улеглась, небо очистилось, кругом лежала морозная тишина.

Очень не хотелось Володе вылезать из тёплого мешка, но он поднялся, свернул мешок, забросил его за плечи и упрямо зашагал вперёд. И опять показалось ему, что впереди, на горизонте, встают над ледяными полями высокие белые сопки.

— Ну, Бандит, прибавь шагу, пришли! — весело сказал Володя.

И хоть он к Бандиту обратился с этими словами, а сказал-то их больше для себя: уж очень ему хотелось самому поверить, что на этот раз ошибки нет, что впереди — берег.

Так и шли они до самого вечера. На последнем привале Володя совсем обессилел. Он с трудом растелил мешок, залез в него и сразу заснул. Но проспал он недолго. На этот раз разбудил его пустой желудок, и, сколько ни старался Володя не думать о еде, мысли упрямо сворачивали на вкусные, жирные, горячие кушанья, и от этих мыслей заснуть было ещё труднее. В эту ночь Володя плохо выспался, плохо отдохнул. У него едва хватило сил подняться, а когда он встал, голова у него закружилась, и он долго не решался нагнуться за мешком — боялся, что упадёт.

«Всё равно, — грустно подумал он наконец, — дойду сегодня — тогда пан. А не дойду — пропал! И так и так мешок мне не нужен».

И, глянув на тёплый мешок, он собрал последние силы и зашагал вперёд, туда, где неясной грядой виднелись в холодном тумане прибрежные сопки.

Едва передвигая ноги, прошёл он часа полтора, с каждым шагом теряя последние силы. В голове

шумело от усталости, мысли сбивались, то уносясь в далёкое прошлое, то забегая вперёд. Но одна мысль, короткая и ясная, как свет маяка в ночной тьме, не оставляла Володю: «Вперёд!» И ноги упрямо несли вперёд тяжёлое, почти уже неживое тело.

Вдруг тонкая льдинка подломилась у Володи под ногой. Он оступился, упал, а подняться уже не смог. С минуту он пролежал лицом вниз, неподвижно, но потом собрался с последними остатками сил и на четвереньках, как маленький, пополз по жёсткому насту.

Бандит бежал рядом и с удивлением поглядывал на хозяина. Он решил, наверное, что Володя затеял новую игру, хотя по голосу и понимал, что ему не до игры сейчас.

А Володя не видел уже ни Бандита, ни дороги. Он об одном помнил: «Вперёд!» И он полз вперёд, то и дело проваливаясь по грудь и захлёбываясь сыпучим снегом. Рукавицы он потерял и раскровянил себе руки. Красные капельки крови яркими пятнами ложились на снегу вдоль следа.

Наконец Володя не выдержал. Он лёг на спину, надвинул шапку и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой Бандита. Рядом с ним лежали обе рукавицы — Бандит, должно быть, разыскал их в снегу, принёс и теперь, гордый своим подвигом, спешил разбудить хозяина. Он лизал Володе руки, тихонько тявкал и добился своего: Володя очнулся, сел, обнял Бандита, поцеловал его. Потом он тихонько отстегнул пистолет.

— Бандит, — сказал он, и Бандит уткнулся ему в колени. — Бандит, я бы ни за что не сделал этого. Ты ведь знаешь, зверь, я в долгу перед тобой. Но из нас двоих я сейчас нужнее тем ребятам, которые остались на «Чукотке». Бандюга, милый, ты уж прости меня, отвернись, я тебя застрелю, съем кусо-

чек мяса и тогда дойду как-нибудь. Ну не смотри, Бандит, отвернись. Ну скорее, — сказал Володя ещё раз, но Бандит не отвернулся. Он смотрел своими умными глазами прямо Володе в лицо, и тому показалось, что Бандит всё понял.

Володя опустил пистолет, но тут же снова поднял его, нацелился, отвернулся сам и нажал спуск.

Выстрел далеко прокатился по снежному полю. Володя ясно слышал этот выстрел, но уже не видел и не слышал ничего больше. Он опять потерял сознание.

Очнулся Володя в комнате, на чистой койке. В углу жарко топилась печка. К Володе со стаканом в руке подошёл человек в военной форме, с зелёными петлицами. Это был начальник пограничного пункта.

— Ну как, товарищ Ченцов, — спросил он, — лучше теперь?

Володя от удивления ничего не ответил.

— Ну ничего-ничего. Вот мы вас подкормим немножко — опять молодцом будете. Натек-ка выпейте пока стаканчик кофе.

Володя залпом выпил кофе, и ему сразу стало легче.

— Товарищ начальник, я со шхуны «Чукотка». Она зимует... — начал было он.

— Знаю-знаю, — перебил начальник. — Капитан вместе с телеграммами положил в карман вашей куртки полный рапорт. Нарты уже собраны и, наверное, сейчас пойдут.

— А я-то как же попал сюда? — спросил Володя.

— Да очень просто: наши ребята шли под сопками, услышали ваш выстрел, ну пошли подобрали на нарты, да и привезли сюда.

Володя сразу всё вспомнил: и последние, самые трудные метры пути и умные глаза Бандита. Вспомнил и вдруг понял, что зря застрелил Бандита. Он

Бандит смотрел своими умными глазами прямо Володе в лицо и, казалось, всё понимал.

хотел что-то сказать, но слёзы комком подступили к горлу. Он чуть не заплакал. Но тут дверь открылась, и вошёл пограничник, одетый в оленью малицу.

— Нарты готовы, товарищ начальник, — откозырял он. — Разрешите отправляться?

— Отправляйтесь, счастливого пути. Впрочем, постоит минутку. Вам, товарищ Ченцов, ничего не нужно передать на «Чукотку»?

— Ну что ж, привет передайте, да ещё передайте, что я... застрелил Бандита, — тихо проговорил Володя и уткнулся лицом в подушку.

— Какого бандита? Это интересно, — сказал начальник, но в это время дверь снова открылась, и в комнату ворвался Бандит.

Он кинулся к койке и громко залаял.

— Бандит, ты жив? — удивился Володя. — Как же так, неужели я промахнулся?

А Бандит уже лизал своему другу руки, тянулся к лицу, и Володя опять поцеловал его в морду.

— Идите, — сказал начальник пограничнику. — Передайте на шхуну, что всё благополучно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Школа стояла на горе. Прямо из классов был виден рейд и причалы и корабли, идущие с моря. Оттуда, с моря, тянул ветерок. Он залетал в открытые окна, и вместе с ветром врывались в класс весенние запахи рыбного порта: горький запах костров, терпкий запах смолы и сладкий, чуть приторный запах вяленой рыбы.

Ольга Сергеевна, седая, строгая, смотрела прямо на Игоря. Она объясняла что-то. Но Игорь давно потерял нить её рассуждений. Он думал о море и как сквозь сон слышал её слова.

Он не заметил, как наступила тишина в классе, и очнулся только тогда, когда все обернулись к нему.

— Копылов, — сказала Ольга Сергеевна, — ты заснул, что ли?

Кровь бросилась Игорю в лицо. Он поднялся, высокий, широкоплечий, хлопнул крышкой парты и, громко стуча сапогами, пошёл к доске.

Ольга Сергеевна продиктовала задачу. Игорь красивым почерком записал условия и обернулся.

Тридцать товарищей смотрели на него из класса. Тридцать пар глаз, и в каждой паре он читал сочувствие и волнение. Он не выдержал этих взглядов и опустил глаза.

— Ну, решай! — сказала Ольга Сергеевна.

— А я не знаю, как решать, — с деланным равнодушием ответил Игорь.

— Ну, что ж, — Ольга Сергеевна помолчала секунду, — садись тогда.

Не глядя на ребят, Игорь вернулся к своей парте, сел на место и уставился в окно. По сверкающим волнам залива, бросая в небо тугие колечки дыма, с моря шёл тяжело гружённый кораблик. Игорь сразу узнал его: «Лебедь» — бот его отца.

«Кстати», — подумал Игорь и до конца уроков ни разу больше не взглянул на доску.

Когда прозвенел последний звонок, Игорь не торопясь собрал книги, туго перевязал их ремешком, засунул за пояс. В дверях он задержался на секунду, окинул взглядом класс, вздохнул. Во дворе кто-то окликнул его, но Игорь даже не обернулся. Не хотелось говорить с ребятами, да теперь и не о чем было говорить.

— Всё! — сказал он про себя и, хлопнув калиткой, застучал каблуками по деревянному тротуару.

Так он прошёл два квартала. Вдруг позади раздались чьи-то торопливые шаги. Игорь обернулся.

Чуть не бегом догонял его маленький, похожий на личичку, Саша Серёгин.

— Пстой-ка, Игорь, послушай! — сказал он, переводя дыхание. — У тебя последнее время резко снизилась успеваемость. И сегодня опять двойка, пятая уже... и уроки ты последнее время не учишь. Ну, вот мы и решили...

— А вы, — Игорь сверху вниз глянул на Сашу, — вы обо мне не решайте. И двойки мои не считайте, не тревожьтесь. Не буду я больше учиться. Понятно? Поучился и хватит!

— То есть как это — хватит? — оторопел Саша.

— А так, очень просто. Вон «Лебедь» стоит. — Игорь рукой показал в сторону причалов. — Завтра снесу туда сундучок и в море с отцом.

— А экзамены как же?

— А экзамены без меня сдадите. Вам заботы меньше, а мне — ни к чему. Батяка мой совсем не учился, а во флоте первый рыбак и орден имеет и депутат горсовета. Сегодня опять с полным грузом пришёл. И знаешь что, Сашок! — Игорь смерил Сашу взглядом. — Знаешь что, Сашок, — повторил он значительно, — давай-ка полный назад, не по дороге нам, понятно?

Он решительно зашагал дальше, но, дойдя до угла, посмотрел назад. Саша так и стоял на месте, растерянно глядя вслед.

Игорю вдруг жалко стало и Сашу и себя немножко.

«Может, вернуться?» — подумал он, но тут услышал чей-то хриловатый оклик:

— Рыбаку почёт!

Игорь обернулся. Дядя Вася, боцман с «Лебеда», низенький, ладный, как дубовый бочонок, шаткой «морской» походкой шёл по другой стороне.

— Домой, что ли?

— Домой, дядя Вася, здорово! — обрадовался Игорь.

— Стало-ть, вместе пойдём. Я к Петру Афанасьевичу. — И, выбирая дорогу, дядя Вася перешёл улицу. — А ты, паря, ещё никак вырос? В батьку ростом-то, — сказал он, протягивая Игорю широкую, волосатую руку, — скоро, стало-ть, обратно на «Лебедя»?

— Теперь скоро, дядя Вася, — сказал Игорь. Он хотел сказать «завтра к вам», но не решился, не хватило духу.

— Ну что ж, хорошее дело, — одобрил дядя Вася. — Рыбак ты добрый, силёнка есть и голова на плечах. Чем лето собак гонять — всё при деле и при отце. Так что ждём, Игорь Петрович. А учиться-то долго ещё?

— Нет, теперь уж не долго. Вот экзамены только.

— А сдашь экзамены-то?

— Как-нибудь. Надеюсь, — сказал Игорь и почувствовал, как краснеет. Он не привык лгать. А тут пришлось солгать и дяде Васе и себе: он давно не надеялся сдать экзамены.

С тех пор, как весной начался ремонт промышленного флота, точно кто на буксире тянул Игоря в порт. Ребята сидели за книжками, повторяли уроки, иные зубрили. А он, как звонок — на берег и там с рыбаками до ночи. Схватил двойку, схватил другую. Сначала стыдно было, потом махнул рукой.

Когда спустили «Гагару», он шёл из порта усталый, довольный, весь перепачканный смолой и краской. Ольга Сергеевна случайно встретила его тогда, остановила:

«Смотрите, Копылов, — сказала она, — на одних своих способностях вы далеко не уедете. Не надейтесь».

А он уже и не надеялся. Тогда не хотелось при-

знаваться в этом даже себе. Но сегодня на уроке он решил: поздно! Того, что упущено, не вернёшь и, чем так краснеть каждый раз у доски, чем прятать глаза от ребят, лучше сразу отрезать — и всё. В море тоже люди, тоже работа. Он два лета проплавал матросом и работал не хуже других, не краснел. А сейчас вот опять пришлось покраснеть.

«Но уж это в последний раз... Приду и прямо скажу. Отец поругает, конечно, постыдит, а потом отойдёт, он добрый. Вот только при дяде Васе неловко. Если бы сразу сказать, а так неудобно при нём», — подумал Игорь и толкнул сапогом калитку.

Отец сидел за столом в полосатой тельняшке, в туфлях на босу ногу и читал какую-то книгу. Он сразу поднялся, большой, как великан, схватил Игоря за плечи, обнял, поцеловал. Потом подал стул дяде Васе.

— С чем пожаловал, Василий Филиппович? — спросил он, хитро прищунив глаза, и, обернувшись, крикнул в соседнюю комнату: — Давай-ка, мать, закусить, что ли. И настоечки той, позлее.

— Так ведь я по делу, Пётр Афанасьевич, насчёт снабжения, — обстоятельно начал боцман, усаживаясь на стул. — Как пришли, я, стало-ть, в порт. Там нынче гарпиус привезли и олифу.

— А мне, — перебил его Пётр Афанасьевич, — это теперь ни к чему. Это всё, дядя Вася, с новым шкипером обговоришь. Я Поспелову Косте «Лебедя» сдал. Знаешь его?

— Э-э! Когда же, паря? — удивился боцман.

— А как пришли, так и сдал. В тот же час.

— Так-так-так, — покачал головой дядя Вася. — А сам куда же теперь?

— А сам, дядя Вася, учиться в Курсовой комбинат, на три года, на штурмана дальнего... Вот, брат, награда какая мне!

— Награда, — согласился дядя Вася, — заслужил, стало-ть. Да и то сказать, заслужил... А не поздно, Пётр Афанасьевич, за букварь-то браться? Ты, кажись, не больно грамотный, а на висках-то иней, к осени дело...

— Да ведь тут, дядя Вася, начнёшь гадать: поздно не поздно, так и жизнь прогадаешь. А по-нашему, по-рыбацкому: засучай рукава и за вёсла. Глядишь, и поспеем. Где сам не выгребу — сын на буксир возьмёт. Даром, что ли, его-то учат?..

— Это точно, — сказал дядя Вася. — Ну что ж, счастливо, бывай здоров, извини, если чем обижал. Я пойду командира искать.

— Врёшь, не уйдёшь без отвальной, — засмеялся Пётр Афанасьевич. — Мать, скоро ты?

Пока шёл этот разговор, Игоря то в жар бросало, то в холод. Сперва он хотел тут же всё объявить

отцу при дяде Васе. Потом решил дожждаться, пока тот уйдёт. Решил ничего пока не говорить.

Но тут Пётр Афанасьевич глянул на него весёлыми глазами, усмехнулся:

— Ну, а ты, — сказал он, — что стоишь, как вешка? Садись с нами, мы с тобой теперь однокашники: тебе за седьмой сдавать и мне за седьмой.

— Не, папа, не сяду, я уроки делать пойду, — сказал Игорь.

— Во, Пётр Афанасьевич, видал, стало-ть, не просто дело-то, — сказал дядя Вася, с уважением глядя на Игоря.

— А ты думал как? — согласился Пётр Афанасьевич и, обернувшись к Игорю, добавил: — Ступай, когда так.

Игорь пришёл к себе в комнату, сел у окна, развязал книги, перелистал табель.

«А что, если так, как отец говорит, — подумал он, — по-рыбацки: засучить рукава и за вёсла. И не завтра, не потом, а сейчас, вот сию минуту».

Он раскрыл задачник, развернул тетрадку, обмакнул перо...

Вдруг он услышал шаги и поднял глаза. От калитки по песчаной дорожке шла Ольга Сергеевна.

«Сейчас расскажет отцу, и тогда всё пропало», — подумал Игорь.

А Ольга Сергеевна остановилась у окна, заглянула в тетрадь к Игорю.

— Всё-таки взялись за ум, Копылов, — это хорошо, давно пора, — сказала она и поднялась по ступенькам. Секунду спустя, затаив дыхание Игорь услышал её голос за дверью.

— Я к вам, Пётр Афанасьевич, — сказала она, — к вам, как к депутату. Простите, что в неурочное время, но дело срочное. В порту, говорят, получили олифу, а у нас в школе крыша...

— Садитесь, Ольга Сергеевна, садитесь с нами, — перебил отец, — уладим с олифой, поговорим, достанем. Вот Василий Филиппович по этой части мастак, ему и поручим. А вы мне лучше скажите, Ольга Сергеевна: мой-то сдаст, можно надеяться?

— Если будет работать как следует — сдаст. Время ещё есть, а способности у Игоря отличные. Я надеюсь, — сказала Ольга Сергеевна.

Дальше Игорь не слушал. До позднего вечера он решал примеры, а утром проснулся пораньше и снова сел за стол.

В этот день он не прятал глаза от товарищей.

МЫС МУХТЫЛЬ

Старожилы говорили, что мыс Мухтыль — гиблое место. Рыба его будто бы обходит, белуха тоже, а если забредёт шальная нерпа, так с одной нерпы много не возьмёшь.

Но в то время нужно было оживить заброшенные промыслы по всему побережью. Тогда лучших рыбаков собрали в окружке партии и сказали: «Берите что потруднее, а где полегче, там и без вас справятся».

Вот я и выбрал Мухтыль.

У меня в артели народ подобрался молодой, весёлый, и нас не пугало, что ещё до революции шесть откупщиков свернули на Мухтыле шею. За прибылью мои ребята не очень гнались, скорее хотелось попытать счастья на новом месте.

На Мухтыль мы пришли весной, когда ещё лёд не сошёл. И в первое время нам действительно показалось, что место невесёлое. Последними там побывали японские интервенты и, уходя, постарались всюю: постройки сожгли, салотопку, должно быть,

взорвали — так она была разворочена, котёл завалили набок и из всего, что было на промысле, пощадили почему-то только две высокие жировые цистерны. Они как башни стояли на низком берегу, а кругом стлался густой кедровый стланец да торчали кое-где обглоданные ветром головешки. Вот какое нам досталось место!

Но мы долго горевать не стали. Первую ночь провели у костров, вторую проспали в шалашах, а через месяц у нас были уже и жилые бараки, и засольный сарай, и пристань, и сигнальная вышка с флагом; домá, правда, — без окон, двери — без петель, и спать приходилось на мху, но стёкла и петли — этого добра на катере привезти ничего не стоит. Были бы зверь и рыба.

А зверя было вдоволь. Нерпа тут на льду лежала непуганая, и мы за день солили шкур по пятнадцать, по двадцать. Когда сошёл лёд, у нас уже накопилось такое богатство, что можно было всё лето отдыхать — всё равно мы остались бы в барышах. Но мы, понятно, отдыхать ещё не собирались. Мы в двадцать рук плели невода; запасали лёд в ямы, сколачивали лодки-дощанки, чтобы как следует встретить весеннюю рыбу.

На путину нам дали катер, и мы вдвоём с мотористом пошли в город его принимать.

Лёд на Амуре к тому времени уже прошёл, сверху пришли пароходы, и в Николаевске было тесно от народа.

Николаевск в то время был тихий городишко. Но весной, когда съезжались сезонники на промыслы, там бывало пёстро и весело. Толпами ходили лихие рыбаки, подпоясанные кусками белого невода, осаждали вербовочные конторы, шумели, а к вечеру собирались на берегу, и до утра над Амуром горели костры, слышались песни и гармошка.

На базар лучше и не суйся — задавят. Но нам нечего было делать на базаре, и мы обошли его сторонкой. Идём по улочке к пристани, а навстречу нам шагает тощий бритый старичок в старомодном городском пальто и в картузе с просаленной насквозь макушкой. Идёт посреди улицы, месит грязь сапогами и ведёт в поводу такую же тощую, как он сам, корову. А по тротуарам бегут за ним собаки и лают на все голоса. Собаки там ездовые, чистоплотные и в грязь зря не полезут.

— Куда ты, отец, на живодёрку, что ли, её? — спросил я шутя, когда мы поравнялись.

— Что ты, сынок, она ещё скотина добрая. Ты скажи лучше, где тут на остров Сахалин вербуют?

Мы ему показали, где вербовочная контора, и пошли своей дорогой.

А вечером пришли на катер, подцепили кунгас на

буксир и совсем собрались в путь. Вдруг видим: на берегу, у костра, сидит наш старик и корова тут же жуёт солому.

— Ну, как дела-то, завербовался, отец? — спросил я.

— Нет, сынок, вербовать-то вербуют, да скотину вот на катер не берут. Знал бы — не взял.

— А ты кем вербовался-то? Директором, что ли?

— Зачем директором? Я повар, сынок. Повар первого класса, шеф-кулинар.

— Ну, раз ты повар, давай с нами ужинать. Пойдём на катер, у нас там и плита есть, — сказал моторист.

Набрали щепок на берегу, затопили плиту. Я достал всю посуду, какая нашлась на катере, а корову тут же, на берегу, привязали к мёртвому якорю.

Старик снял картуз, снял пальто и пиджак, засучил рукава, вымыл руки прямо в Амуре и принялся колдовать над плитой. Стряпать-то, по правде сказать, было не из чего — из солёной рыбы, из картошки да из муки много не настряпаешь.

Но он, видно, и вправду был шеф-кулинар. Нож у него в руках замелькал как заводной и, казалось, он не режет им, а только показывает: этому куску лежать здесь, этому — лететь за борт, а этому — в ведро, мокнуть. И куски прыгали куда нужно.

Уха вспенилась — вот-вот убежит. Он только посмотрел на неё, провёл сверху рукой, и пена осела. А тесто в ведре, наоборот, полезло кверху, точно раздулось, и он, казалось, только придерживает ложкой, чтобы оладьи не все сразу выплеснулись на горячую сковороду.

Ужин действительно вышел первоклассный: и та самая солёная кета — «амурская ветчина», как мы её называли, которая давно в зубах навязла, в егостряпне стала как осетрина.

Мы ели и удивлялись. Старик тоже ел, но только он всё качал головой.

— Разве это стряпня — в такой спешке да в тесноте? Мне дайте волю, я бы вам показал, как стряпают.

Потом он взял ведро и пошёл доить корову. А мы переглянулись и недолго думая решили забрать старика с собой на Мухтыль.

Сговорились мы скоро и в тот же вечер притащили на катер его сундучок, корову завели на кунгас, навалили ей сена побольше, сделали загородку, чтобы не вывалилась от качки.

На Мухтыле мы сколотили старику маленькую хибарку рядом с кухней. Он там расставил своё нехитрое имущество, постелил на пол старый мешок, а на окно повесил занавесочки. В свободное время он любил раскладывать пасьянсы и, когда заглянешь, бывало, к нему, не верилось, что это повар — скорее он был похож на старого учителя или на фельдшера. Звали его Николай Николаич.

В артели Николай Николаич прижился сразу, и видно было, что ему у нас нравится, хотя недели две он всё фыркал и всё ему было не по вкусу: и кухня тесна, и плита не форменная — куличей нельзя печь, и нет котлетной машинки, и нет медной ступки, и что это за стол без клеёнки, и без тарелок, и без вилок...

Он нам всем так надоедал, что мы в первый раз как поехали в город, привезли и тарелки, и клеёнку, и котлетную машинку, и кучу ещё разных мелочей.

Зато, когда привезли, он нас каждый день стал удивлять сюрпризами: то вдруг к чаю у нас появлялись настоящие пирожные с кремовыми вензелями, то блинчики с вареньем из прошлогодней клюквы, то в жару после обеда полведра мороженого.

И мы все скоро так привыкли к его сюрпризам, что, собираясь в столовой, гадали, чем Николай Николаич удивит нас на этот раз. Но отгадать всё равно никогда не удавалось, а спрашивать Николая Николаича было бесполезно. Если забежишь, бывало, на кухню и спросишь:

— Николай Николаич, что на ужин?

Он скороговоркой отвечал:

— Первое на ужин — лёд застужен, второе блюдо — хвост от верблюда, потом — окунь свежий, потом — хвост медвежий, потом — курочка в соку, потом — лук в чесноку. Чего дам, того дам, не твоего ума это дело. Иди уж, садись.

Если же кому-нибудь случалось опоздать к столу, Николай Николаич доставал серебряные часы луковицей, поворачивал циферблатом к провинившемуся и тут уж сердился не на шутку. А чтобы мы не забывали о порядке, он разыскал где-то ржавый болт, обмотал его чистой тряпочкой, повесил на столбе кусок рельса и каждый раз бил по нему болтом перед завтраком, перед обедом и перед ужином.

Вот этот порядок мы особенно почувствовали, когда рыба кета пошла рунным ходом.

Рыба — это как золото. Сколько ни поймай — всё мало. Тут появляется настоящий азарт, как в игре. Не смотришь ни на что. В первые дни, когда рыба идёт отдельными косячками, рыбаки не жалеют ни сил, ни здоровья, забывают об еде, об отдыхе и не могут остановиться, пока не свалятся замертво тут же, на берегу. Да и как остановишься, когда в косячке-то сотня рыб, а каждая рыбина в полпуда весом.

Когда же придёт настоящее руно, когда в море буквально можно воткнуть весло — так плотно идут жирные серебряные лососи, когда рыба тысячами сама лезет в сеть, тогда не хватает силы. Хочется взять ещё, а руки уже не так тянут тяжёлый невод, ноги

сгибаются, едут по песку, а несметные богатства проходят мимо.

Вот тут и выручал Николай Николаич. Как ударит болтом, засосёт под ложечкой, бросаешь невод и — в столовую. В столовой обсохнешь, наешься и только одолеет сон — тут над ухом опять Николай Николаич со своим болтом.

Артель наша весной вышла на первое место. Старожилы, правда, говорили, что рано загадывать, что осень ещё себя покажет. Но мы и осени не боялись.

Дела наши стали крепко, так крепко, что мы откупили в собственность катер, а на осень затеяли восстановить котёл, наладить паровые лебёдки, салотопку, водокачку и динамо для освещения.

Для этого нужен был человек, и я в городе подыскал старого пароходного механика, которого по возрасту не выпускали в плавание.

Он сидел на берегу на пенсии, скучал и готов был пойти хоть кочегаром, только бы поближе к морю. Звали его Карев Михаил Карпович.

Это был настоящий морской волк. Широкий, коренастый, насквозь прокопчённый дымом, весь покрытый шрамами, мелкими морщинами и татуировкой. Только лысина у него была гладкая как стекло, но её редко кто видел, потому что Михаил Карпович почти никогда не снимал форменной фуражки. Удивительнее всего были у Карева руки — огромные, как грабли, с узловатыми коричневыми пальцами, с изуродованными синими ногтями и на вид такие неуклюжие, что, казалось, дай ему иголку, не удержит. Но на самом деле он этими руками при случае чинил часы и регулировал барометры шкиперам с мелких судов.

Для нас это был самый подходящий человек. Нам нужен был мастер на все руки, да к тому же не очень дорогой.

Мы с Каревым вместе приехали на Мухтыль. Он осмотрел котёл, постучал по нему каблучком, поскрёб ногтем ржавчину и сказал, что сделать можно. На другой день он съездил в город, закупил инструменты и начал работать.

Весенняя рыба уже прошла. У нас было много свободного времени, и мы все помогали Кареву поднимать на блоках котёл, ковать болты и нарезать трубы.

Работал он не торопясь, а по вечерам закуривал трубку и рассказывал нам какую-нибудь длинную морскую историю. Напрасно Николай Николаич звал нас ужинать. Он по нескольку раз принимался бить по своему рельсу, но мы не поднимались до тех пор, пока история не доводилась до счастливого конца.

Через месяц котёл поставили.

Когда Карев разжёг огонь в топке и стал поднимать пары, мы все стояли тут же и наблюдали за ним. Николай Николаич и тот минут десять постоял в фартуке с дуршлагом в руках.

А Карев задирает голову посмотреть, как тянет дым, заглядывал в топку, щёлкал грязным пальцем по новенькому блестящему манометру и прикладывался к котлу щекой — пощупать, как греется.

В топке весело трещали дрова, в котле, внутри, что-то звонко похрустывало, точно ломались пружинки. Медленно ползла стрелка манометра и, когда поднялась к красной черте, Михаил Карпович открыл какой-то кран, оттуда стрельнуло водой, засвистела невидимая струйка пара, ударилась в песок, прокопала ямку, и песок точно взорвался: разлетелся в стороны и задымился, как кипяток на морозе.

И столько силы было в этой невидимой струйке, что мы все сразу почувствовали: сумеешь направить её куда нужно, она горы свернёт.

И совсем другими глазами оглянулись и на холодное море, и на наши утлые построечки, и на хмурые сопки, отгородившие нас от всего мира.

Пока мы стояли и молчали, Карев ещё раз осмотрел весь котёл, потом дёрнул сигнальную ручку, и тогда гудок на трубе захрипел, зашипел, выплюнул полведра горячей воды и вдруг загудел так пронзительно, что, должно быть, на двадцать миль кругом было слышно. Потом гудок замолчал, а от сопки откинулось эхо, только потише, точно с червонца дали рубль сдачи. И тут же, но совсем уже мелочью, медными копейками, зазвенел рельс: это Николай Николаич звал нас обедать.

Карев подкинул дров в топку, закрыл поддувало.

— Ну, господа заводчики, вот вам и котёл, — сказал он, обтирая руки паклей, — по-старому с хозяина бы теперь магарыч, да вас тут не разберёшь, кто и хозяин.

Из всей артели один Николай Николаич не мог помириться с котлом. Он тоже, конечно, понимал, какую пользу принёс нам пар. И, когда циркулярная пила со звоном резала толстые кряжи на дрова, Николай Николаич растирал в пальцах сырые опилки, нюхал их и глубокомысленно говорил:

— Ишь, сила какая.

Но в душе он обижался и на то, что не он, а Карев стал первым на Мухтыле, и что порядок теперь равнялся не по кухне, а по котлу. Теперь Карев гудком созывал нас к обеду, а рельс, хотя и висел по-прежнему, но Николай Николаич понимал, что видеть ему осталось недолго.

Этого права — созывать нас к обеду — он сначала не хотел уступать и в первые дни, как подняли пар, пытался звонить по-старому. Но и Карев не уступил. Он следил за поваром из котельной, и, как только Николай Николаич выходил с болтом в руках, механик дёргал сигнальную ручку.

Пустяк... А вот поди ж ты: из-за этого пустяка пробежала между стариками чёрная кошка. А тут, как нарочно, получилось так, что по целым дням на промысле оставались только они вдвоём да корова. Мы с утра брали топоры и уходили в лес валить кедры и лиственницы на дрова. Погода стояла жаркая, снег в сопках таял, и надо было не прозевать, использовать то время, когда узенький ручеёк, сбегавший в море, превратится в мутную, широкую реку. Николай Николаич копил свою злобу, молчал и дулся. Но так как ему непременно нужно было за кем-нибудь ухаживать, всю свою заботу он перенёс на корову.

Наскоро состряпав обед для Карева, он выгонял корову на болото. Она щипала там сочную траву, а Николай Николаич собирал морошку, рвал ирисы и, вернувшись, украшал ими опустевшую столовую.

По вечерам он брал большой ломоть хлеба, круто посыпал солью и шёл всё к той же корове жаловаться на Карева. Корова с хрустом жевала хлеб, шлёпала губами, вылизывала широкие ноздри, обдавала повара тёплым молочным дыханием и грустно смотрела ему в глаза.

Но, должно быть, она плохо его утешала, потому что он с каждым днём всё злее глядел на механика.

Когда, кончив сплав, мы вернулись в посёлок, старики уже открыто ненавидели друг друга. Видно было по всему, что они только ждут случая, чтобы сцепиться.

Нам сначала всё это показалось смешным, и мы только удивлялись, отчего это у наших стариков так

разыгрались страсти. Но скоро всем стало понятно, что тут не до смеха. На носу осень, путина, работать придётся без оглядки, а тут, того и гляди, подерутся кухня с кочегаркой.

Надо было, пока не пошла рыба, расстаться с одним из них. Это стало понятно каждому. Но решить, с кем расстаться, было нелегко. С первоклассной стряпни Николая Николаича переходить опять на сухомятку никому не хотелось, а остаться без механика — это значит опять всё взвалить на свой горб, потому что без Карева — мы это знали — машины и недели не прослужат.

Мы всё присматривались к тому и к другому и день за днём откладывали своё решение. ♪

Старожилы недаром пугали нас осенью. Она пришла незваная, неожиданная и в один день чуть не разрушила всё, что мы сделали за полгода. С утра в тот день стояла такая жара, какая редко бывает на Охотском море. Жёлтые клочья пены неподвижно лежали на застывшей воде, как глет на свежей свинцовой плавке. Выгоревший за лето флаг на вышке обвис огромной розовой сосулькой, и какой-то догадливый паучок прицепил к нему свою паутину. Она золотым лучиком сверкала на солнце, и от этого небо казалось ещё чище, а солнце — ещё горячее. Воздух над болотом поднимался быстрыми, прозрачными струйками, а макушки сопки окутались кольцами густого тумана.

Мы смолили лодки на берегу. Кругом стояла такая тишина, что сырые дрова в костре то и дело пугали нас громкими выстрелами. Слышно было, как возится Карев с какой-то машиной и как Николай Николаич гремит кастрюлями. Где-то далеко ошалевшая от жары нерпа протяжно кричала «бэ-э, бэ-э», точно нарочно, чтобы подразнить нас. Катер и кунгас стояли

неподвижно, как впаивные в море, и, казалось, никакая сила не сдвинет их с места. В воздухе остро пахло смолой.

Мы не поняли тогда страшного значения этой тишины. Нас только смутил немножко прилив, который с утра подступил к самой высшей своей границе и не хотел уходить от неё. Но и этого предостережения мы не сумели понять по-настоящему.

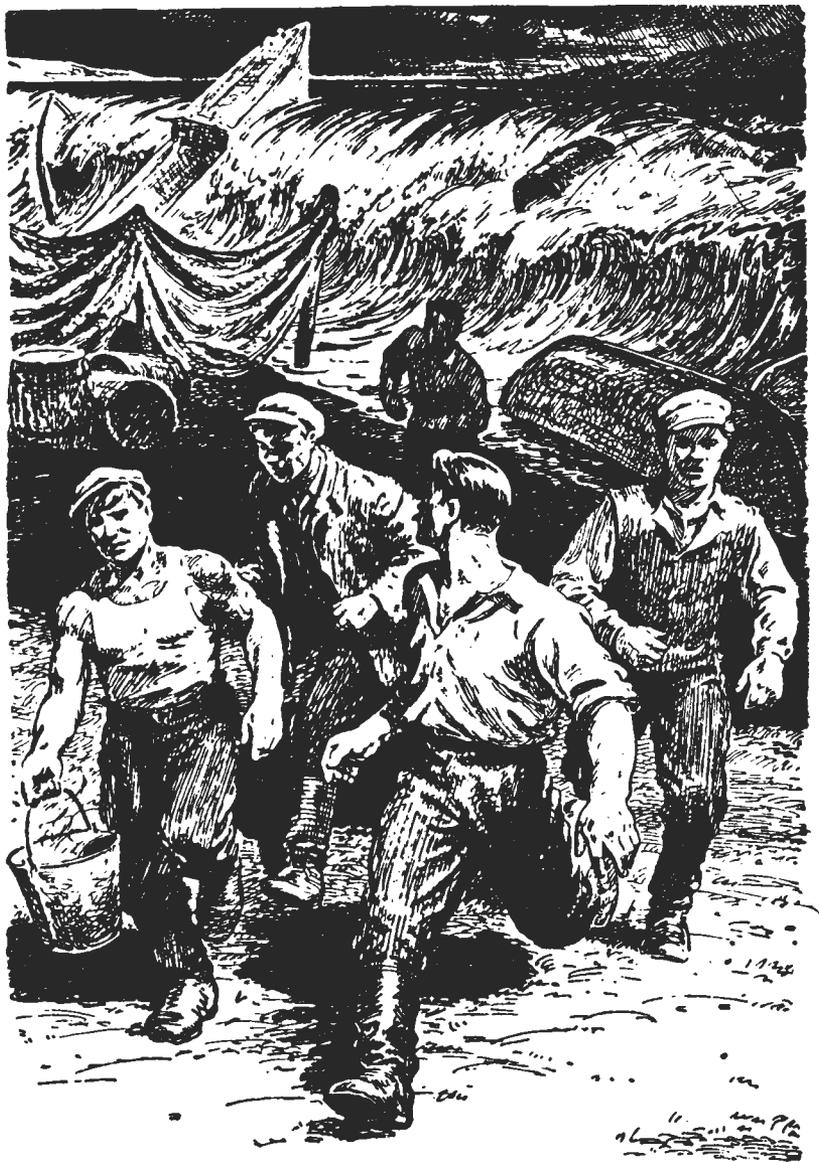
Вдруг вода, и без того высокая, поднялась сразу на целый дюйм. Подмытый песок зашелестел и струйками посыпался в море. Этот шелест по всему берегу раздался, как протяжный вздох, и сейчас же вслед за ним с севера зашумело что-то, точно из-за поворота выскочил курьерский поезд.

Обернувшись, мы увидели, что с моря со страшной быстротой катится на нас низкий белый вал. И раньше, чем мы успели вскочить, потянуло холодом, неподвижное море раскололось на тысячу сверкающих кусков, флаг расправился и тревожно затрепетал, а свежая смола на лодках мгновенно поружела от песчинок.

Мы едва успели отбежать от моря. Огромная масса воды с грохотом обрушилась на берег, расшвыряла как щепки наши лодки, бросилась мутными реками нам вдогонку, залила костры, сорвала невод, развешенный для просушки, и медленно отступила назад, в море, унося и невод, и лодки, и всё, что было на берегу.

А катер встал на дыбы, оборвал якорный канат, накренился на борт и понёсся, как бешеный, в южный конец залива.

Для нас это было самое страшное: без катера много не поймаешь. Не сговариваясь, не рассуждая, подхватывая на бегу концы, топоры и ваги, мы бросились бегом мимо котельни, мимо столовой, к южному краю залива.

С моря со страшной быстротой катился на нас низкий белый вал.

Мы успели как раз вовремя. Катер с проломанным бортом, точно раненый зверь, ворочался на мели, но каждую минуту волна могла снять его, оттащить от берега, и тогда бы всё пропало.

Перекрикивая ветер, мы все разом бросились в воду и со всех сторон навалились на катер, стараясь покрепче опутать его концами. Так, должно быть, кидались наши предки на мамонта, попавшего в ловушку, и так же старались опутать его и усмирить, чтобы он не ушёл, не вырвался и не раздавил их своей тяжёлой тушей.

А ветер налетал, обдавал нас солёной водой, и каждая волна старалась вырвать из рук добычу.

Всё-таки мы победили.

Небо неожиданно потемнело, хлынул холодный ливень, зато ветер сразу стих, и волны, сбитые дождём, угомонились. Потом сверкнула молния, грохнул гром, раскатился по сопкам, и всё затихло. Только мутные ручейки журчали, скатываясь в море. Чёрная туча улетела, выглянуло солнце, и море опять за-сверкало, как разбитое зеркало. Шквал прошёл. Можно было отдохнуть.

Вдруг с промысла донеслись неровные, пронзительные гудки: ту-ту-ту-ту-ту...

И столько тревоги было в этих гудках, что мы переглянулись и опять бегом бросились туда.

Над жилым баракком вместо крыши торчали голые стропила, толь чёрными клочьями свисал по стене. Большое окно в столовой вылетело начисто, под ним среди сверкающих осколков стекла лежал на боку измятый цинковый кипяtilьник. Странички какой-то книжки белыми клочьями повисли на кедраче. Пристани не было: на её месте сгрудились изуродованные страшным ударом волны брёвна и доски. Переверну-

тые лодки, выброшенные на берег, лежали у самой воды. Между ними скорчились на песке издохшие рыбы.

Нас никто не встретил — ни Карев, ни повар. Живы ли они? Вот, может быть, добежим до котельной, а они там лежат оба...

И сразу отлегло от сердца, когда из-за барака показался Николай Николаич. Он бежал к нам навстречу, размахивал руками и что-то кричал.

Что с ним стало! И без того старый и высохший, он как будто ещё высох и постарел. Вобрав голову в плечи, он испуганными глазами заглядывал нам в лица, часто и тяжело дышал, хватался рукой за сердце, а другой показывал на море и твердил одно слово:

— Голубчики, голубчики...

В море, за белой полоской бара, мелькала чёрная точка. Может быть, и не было её, а так только казалось, но нам всем хотелось её видеть.

Бессвязно, путаясь и сбиваясь, Николай Николаич рассказал нам о страшном событии. Когда ветер стал громить кухню, Николай Николаич бросился за помощью к Кареву. Тот послал его к чёрту: у него с этим шквалом своего дела по горло, в кочегарке тоже руки нужны. Старики чуть не подрались... А когда ветер стих и вода, отхлынув от берега, потащила в море кунгас, они забыли недавнюю стычку и вместе кинулись к морю. Карев с концом каната в руках успел забраться на кунгас. Николай Николаич остался на берегу. «Крепи конец, крепи», — закричал Карев, и Николай Николаич взялся крепить, да только неловко взялся и упустил. И не успел он оглянуться, как Карева вместе с кунгасом ветром и отливом потащило в открытое море. Карев стоял на носу кунгаса и ругался последними словами. А Николай Николаич беспомощно метался по берегу и ничего не мог сделать. Он едва понимал, что кричал ему Карев. Тот кричал: «Выброску». Но, пока Николай Николаич сообразил и сделал

выброску из тонкой верёвки, кунгас ушёл уже далеко. Всё-таки Николай Николаич попробовал бросить, да где там — не докинул. Спихнуть лодку тоже не хватило стариковской силы. И, наконец, когда кунгас утянуло за бар и голос Карева пропал за шумом отлива, повар бросился к гудку и вызвал нас.

Но и мы были бессильны. Катер лежал на мели с проломанным бортом, а наши утлые лодки хороши были только у берега. На бере зубчатой белой стеной сшибались отлив и прибой, и мы знали: сунься туда — разом зальёт, опрокинет, и тогда не то что спасать, а если сам выберешься — и то хорошо. Это страшно и тяжело — сознавать своё бессилие и сидеть сложа руки, когда в море гибнет человек. Но каждый, кто плавал, не раз видел такие жестокие выходки моря.

И мы все знали, что если уж помочь нечем, то лучше и не напоминать об этом друг другу, заняться каким-нибудь делом, забыться и так сохранить спокойствие, которое каждую минуту может понадобиться моряку.

Но Николай Николаич ещё не научился понимать страшную силу моря. Он не хотел верить, что вот и мы, молодые и сильные, так покорно сдадимся и похороним человека, который только что был здесь, рядом, который ещё жив, и, не дай бог, думает, что он, Николай Николаич, нарочно, по злобе бросил конец.

Старик не мог успокоиться. Он уговаривал нас спустать лодки и плыть вдогонку, связать плот из брёвен или наскоро залатать катер. Ему всё это казалось открытиями, а нам — теми соломинками, за которые хватается утопающий и которые всё равно никого не спасают.

Всё, что могли сделать, мы сделали. Мы послали нашего лучшего скорохода на соседний промысел. Там есть телефон: можно поднять тревогу по всему побережью, отправить катера на поиски... Но до ближай-

шего промысла двадцать миль трудной дороги, и, пока доберёшься туда, пока выйдут катера да пока будут искать, беспокойное Охотское море ждать не станет...

Мы знали это и молчали.

А повар и тут не успокоился. Он всё приставал к нам и каждым своим словом, точно нарочно, подчёркивал и без того безнадёжное положение.

Я не выдержал. В первый раз за всё время я грубо прикрикнул на старика и прогнал его на кухню. Нужно было скорее занять делом людей, пока нервы у всех не расходились от усталости и от всей этой страшной истории. Ведь это сказки, что у моряков железные нервы: все люди как люди, моряки тоже.

Работы, к счастью, было довольно на каждого. На то, чтобы прибрать промысел, починить постройки, развесить невода, распутать концы — не хватило бы и целого дня. А солнце уже скатилось за сопку, и с севера, с моря, надвигались на нас холодные сумерки.

Сам я пошёл к котлу. Было время, когда я плавал кочегаром и с тех пор понимаю кое-что в этом деле.

Котёл ещё не остыл. Топка погасла, но осталось ещё фунтов двадцать давления, и от стенок шла густая мягкая теплота.

И мне вдруг стало страшно: вот котёл ещё тёплый и кучка дров, заготовленная Каревым, лежит тут же, а самого его нет, и никогда больше он не вернётся и не постучит своим синим ногтем по стеклу манометра.

Я разжёл топку и стал поднимать пар. Завтра с утра котлу и лебёдкам много работы. Надо будет растащить сломанную пристань, откачать воду из погребов, поднять на берег лес, напилить дров.

Ещё много придётся поработать, пока всё будет по-старому, как было до шквала. А вместо Карева возьмём другого человека, надо будет съездить в город, поискать...

Когда стемнело, я вдруг вспомнил, что не ел целый день, и пошёл на кухню. Николай Николаич сидел неподвижно у двери своей хибарки, смотрел на море и даже не обернулся, когда я спросил, нет ли чего поужинать. Я не стал его беспокоить, пусть сидит: нам тяжело, а ему ещё тяжелее. Я отрезал ломоть хлеба и пошёл назад, в кочегарку.

Опять стало тихо на Мухтыле. Слышно было, как ребята, укладываясь спать,

ругают ветер, сорвавший крышу, и дождь, вымочивший одеяла.

Потом я набил топку, прикрыл поддувало и прилёг тут же, у котла, на куче старых неводов. Это старик Карев устроил себе «гнездо»: он часто оставался здесь ночевать.

Мне показалось, что я только на секунду закрыл глаза, но на самом деле я, должно быть, спал долго и крепко. И, когда гудок заревел у меня над головой, я не сразу разобрался, в чём дело.

Николай Николаич с фонарём в руке, запрокинув голову, стоял у котла, дёргал сигнальную ручку и один за другим посылал тревожные гудки в непроглядную ночь.

На нём было то самое пальто, в котором я его встретил в первый раз в Николаевске, и это городское пальто и фонарь в руке, и сам Николай Николаич ночью в грязной промысловой кочегарке — это было так не похоже на правду, что мне показалось, будто я ещё сплю.

Нет, я не спал. Я вспомнил весь этот страшный день, и другая разгадка пришла мне в голову: Николай Николаич просто свихнулся.

И не успел ещё я решить, что тут делать, он распахнул дверь и бегом побежал на берег.

«Топиться», — мелькнуло у меня, и я бросился за ним. Из барака бежали туда же потревоженные гудком ребята.

А Николай Николаич вскочил на опрокинутую лодку и стал размахивать фонарём, точно хотел изловчиться и подальше зашвырнуть его в море. И, когда я подкрался и уже нацелился, чтобы неожиданно схватить его сзади, разгадка странного поведения нашего повара пришла сама собой: с моря, прямо на нас, глядели три огонька: красный, зелёный и над ними крошечный белый. Прямо на промысел шло самоходное судно.

Просто Николай Николаич не спал, смотрел всю ночь на море, высмотрел огни и решил гудком и фонарём зазвать их к нам, на Мухтыль.

У старика не было морского опыта, но несчастье подсказало, что делать, и вот, словно в награду за его тревогу, пришло судно, а вместе с ним появилась надежда.

На судне есть радио, сейчас сообщим «всем, всем, всем...» Кто-нибудь да найдёт, не дадут погибнуть человеку.

Стало сразу легче на душе и у нас и, должно быть, у старика тоже.

— А ведь, может, и выручат, — сказал он.

И мы все молча согласились: да, может, и выручат. Молодец повар, не зря караулил.

По тому, как близко подошло судно, мы поняли, что это небольшая шхуна. Она прошла через бар, в самую бухту, бросила якорь, и теперь, должно быть, оттуда спускали шлюпку. Так и есть. Вот она

отделилась и огненной точкой поползла по воде. Это фонарь на носу. От фонаря по воде расходятся блики, и слышно — стучат уключины.

Холодный ветерок потянул с моря, и на берег с ворчанием взобралась седая волна. Ещё две таких волны, а с третьей и шлюпка выскочит на берег. Я вдруг представил, как из неё выйдут незнакомые люди, узнают о нашем несчастье и разведут руками: радио нет, а самим идти не стоит. Где там, в море, искать какой-то кунгас?

И тут уж Николай Николаич не выдержит, непременно свихнётся, когда рухнет за ним последний мостик к потерянному спокойствию. Может, это и лучше для него — совсем потерять память, чем жить и помнить всё время, что Карев в последнюю минуту, захлёбываясь горькой водой, проклинал его как убийцу, но мне стало жалко неповинного ни в чём старика, и я отослал его с берега.

— Давай-ка, Николай Николаич, сваргань чаю, что ли, встречай гостей, — сказал я.

Николай Николаич послушно заторопился на кухню.

Минуту спустя шлюпка с хрустом врезалась в песок, и из неё один за другим стали выскакивать люди.

Я поднял фонарь и шагнул навстречу. Но, когда свет упал на лица этих людей, я попятился от неожиданности. Впереди, в своей вечной фуражке и в потёртом кителе с позеленевшими пуговицами, на берег поднимался Карев. Мне нечего было сказать, и он заговорил первый.

— Что, не ждали? А я взял да пришёл. Меня огонь не берёт и вода не принимает. Старый моряк — вся грудь в ракушках, — рассмеялся он и сунул мне свою широкую лапу.

Я бросил фонарь и ухватился за неё двумя руками, точно Карев собирался бежать.

Потом кто-то поднял фонарь, кругом тесным кольцом сбились ребята.

— А повар где? Или боится, что я ему шею наломаю? Надо бы, да что с него взять, когда у человека руки худые... Так не ждали, значит?

— Не ждали, Михаил Карпович, — признался я, — ни тебя, ни шхуны не ждали. Один повар ждал. Всю ночь вахтил и, слышал небось, поднял тревогу. Он тут сам не свой ходил целый день, исстрадался, как бы ты чего не подумал.

— Чудак человек, да кто же подумает? — удивился Карев. — Это подлецом нужно быть, такое подумать.

Когда мы подошли к столовой, Николай Николаич уже разжёл плиту, засветил лампу и выставил на стол свои замечательные варенья и печенья. Он как раз шёл из кладовой с тяжёлой банкой в руках, и, когда Карев появился на пороге, Николай Николаич охнул и выпустил банку. Она скользнула у него по животу, шмякнула об пол, разбилась, и во все стороны потекли тёмные, густые ручейки.

— Будь ты трижды неладный, — заворчал Николай Николаич и, присев на корточки, стал ребром ладони загонять ручьи в щель.

— Полно, Николай Николаич. Брось ты её, потом подберёшь. Давай-ка стряпай чего посущественнее, встречай друга, — сказал я.

Николай Николаич посмотрел на меня снизу вверх.

— Какой он мне, к чёрту, друг, прости господи. Механик, одним словом, и всё тут. Морошку из-за него расколотил, из-за друга...

Николай Николаич встал и обтёр руку фартуком.

А четверть часа спустя уже весело гудела плита, что-то шипело на сковородках, и Николай Николаич шумно суетился за дверью.

А в столовой Карев рассказывал. Рассказывал, как всегда, спокойно, точно не с ним случилась эта история, а где-то он её слышал и теперь, чтобы похвалиться, приписывает себе.

Он недаром знал море. Каким-то особым чутьём, без приборов и даже без звёзд на небе, он узнал, что его вынесло к Шантарским островам. Когда стало темнеть, он набрал смолы на бортах кунгаса, растрепал кусок каната и сделал факел. На огонь повернула шхуна рыболовного надзора. Но для нашего механика и это будто бы не было неожиданностью. По его словам, он ни минуты не сомневался, что так оно и будет.

И в его рассказе всё получалось так просто, что, казалось, каждый из нас, попади он в такую переделку, сделал бы так же. И всё-таки нам было так интересно, что мы ничего не замечали, кроме этого рассказа. Мы не заметили, что затих Николай Николаич, не учуяли дыма и очнулись только тогда, когда Карев, неожиданно оборвав рассказ, поднял голову и строго спросил:

— Кок, чего палишь?

Обернувшись, мы заметили, как шмыгнул в дверь Николай Николаич, а секунду спустя оттуда послышалась ругань.

— Тьфу ты, пропасть! Вернулся ты на моё на несчастье со своими рассказами. Кабанчика целое лето на погребе берёг, думал для какого для праздника. А теперь с тобой — сжёг. Срам-то какой, будь ты трижды неладный.

Но кабанчик и подгоревший оказался очень вкусным. И мы долго ещё сидели в столовой, говорили и слушали. Потом разбрелись спать.

Кареву постелили в столовой, и скоро он захрапел на весь Мухтыль. Я опять ушёл к котлу и улёгся в «гнезде». А утром повар растолкал меня за плечи.

— Восьмой час, на работу пора. Вставай, старшина, буди людей.

— Так чего же? Дай гудок, небось теперь знаешь как, — сказал я, повернувшись на другой бок.

— Зачем гудеть, — сердито заворчал Николай Николаич, — и без гудка хороши. А механик пусть спит, чего зря человека тревожить. Ну, вставай, вставай, долго я над тобой стоять буду? Дела-то вон сколько.

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Морские сапоги	5
Золотой зуб	17
Шестьдесят четвёртый	32
Костяная коробочка	49
Белушонок	62
Бутылка с «Красного якута»	72
Потомок викинга	85
Счастливый старик	97
Бандит	107
Возвращение	126
Мыс Мухтыль	133

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, Д-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Непрасов Андрей Сергеевич

МОРСКИЕ САПОГИ

Рассказы

Ответственный редактор *С. Е. Миримский*
Художественный редактор *Н. Э. Левинская*
Технический редактор *Р. М. Кравцова*
Корректора *Э. Л. Лофенфельд* и *А. Б. Стрельник*

Сдано в набор 20/III 1961 г. Подписано к печати 30/V 1961 г. Формат 60 × 90^{1/8} — 10 печ. л. (7,01 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз. Цена 35 коп. Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Сушевский вал, 49. Заказ № 526.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*В 1961 году для школьников младшего возраста вышли
и выходят в свет следующие книги:*

**Архангельский В.
ОСТРОВ АЛОЙ КЛЮКВЫ**
Рассказы о природе

**Лебедеико П.
КЛУБ ОТВАЖНЫХ**
Повесть о дружбе пионеров и октябрат

**Емельянова Н. и Челинцова В.
СЕВЕРИН ЕДЕТ ПО ТУНДРЕ**
Повесть о жизни ребят народа коми

**Коршунов М.
КЛЕТЧАТОЕ ЧУЧЕЛО**
Рассказы о весёлых и интересных приключениях ребят,
о хороших людях, которые приходят на помощь друг другу

**Богданов Н.
ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ**
Повесть о первом пионере, который приехал в деревню,
охваченную классовой борьбой

**Мар Е.
ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ УЧИШЬСЯ**
В этой книге рассказывается о том, как строятся школа,
как печатается книга, карта, как делается школьная парта,
карандаш, тетрадь, перо и др.

Скребицкий Г.
ПРИРУЧЕННЫЕ И ДИКАРИ

Рассказы писателя-натуралиста о любви к природе,
о необходимости охранять её, наблюдать и изучать
жизнь четвероногих, крылатых и других её обитателей

Житков Б.

ПОМОЩЬ ИДЕТ

В книгу вошли рассказы: «На льдине», «Пожар в море»,
«Обвал», «Почта», «Дым», «Наводнение»

Ильина Е.

ШУМ И ШУМОК

Сказки о школьниках

Баруздин С.

СВЕТЛАНА-ПИОНЕРКА

Рассказы о маленькой пионерке Светлане и её друзьях

Тайц Я.

АНТОН И АНТОНОВКА

В книгу вошли рассказы: «Для писем и газет», «Антон
и антоновка», «У моря», «Коноплюшки», «Летом», «Коньки»

*Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.
Книги высылаются также по почте наложенным платежом
отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республи-
канских книготоргов. Можно также заказать книги и через
отдел «Книга—почтой» по адресу: г. Москва, Б-120,
ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.*

Цена 35 коп.